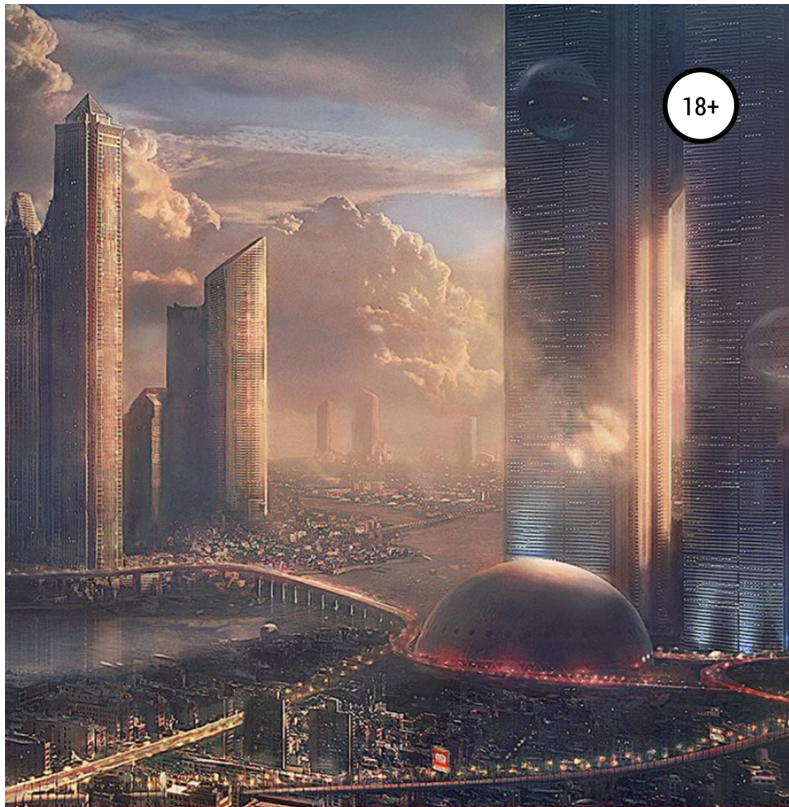

18+

Юлиан Егоров

Стаи

Книга 2. Новая волна

Юлиан Львович Егоров

Стаи. Книга 2. Новая Волна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68283496

SelfPub; 2022

Аннотация

Совершенство не знает границ! Этот принцип стал неотъемлемой частью жизни неугомонных друзей. Они снова бросаются в непредсказуемые волны Океанеса. Их ждёт борьба с чуждой средой обитания негостеприимных планет системы Еноселиза.

После крушения планов Сухомлинова по уничтожению Института биологических систем положение друзей только усложнилось. Случайное открытие во время погружения раскрыло невероятные возможности по перемещению от звезды к звезде, и поставило эволюков перед нелёгким выбором: пойти новым эволюционным путём, фактически превращаясь в другой вид разумных существ или...

А оставит ли им Вселенная выбор?

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Юлиан Егоров

Стаи. Книга 2. Новая Волна

ПРОЛОГ

Вакон на все высказанные мысли вспылил тут же:

– Ты неисправимый идеалист! Хочешь повернуть такое, и ужиться с людьми?!

Их новая встреча не была похожа на две предыдущие. Старец пригласил гостя в дом, проявив тем самым небывалое уважение, напоил чаем, от вкуса которого Элан беспрестанно морщился, но проглатывал угощение до последней капельки – воспитание, однако!

Внутри жилище самозванного пророка касты эволэков выглядело не в пример лучше, чем снаружи: обычные комнаты, в которых навсегда поселился запах дерева, живого и мёртвого, сгоревшего в очаге, со спартанской обстановкой, были чисты и ухожены. Хозяин содержал нехитрые пожитки в полном порядке, и, несмотря на слепоту, легко находил всё нужное, будь то хоть кружка, хоть провиант, хоть старая рукопись, явно пылившаяся на полке не одно десятилетие.

Отрывок из собственного труда, который Вакон попросил гостя зачитать вслух, и стал камнем преткновения, вызвав-

шим затянувшийся спор. Старец был в гневе, и не скрывал этого:

– Что ты думаешь делать с Сухомлиновым? Простишь этому выродку кровь братьев и сестёр?

Лис уже сам закипал настолько, что даже не стал задавать вопроса: а откуда, собственно, безвылазно живущий в глухомани, чурающийся общения с людьми, раздражающийся с полуслова при общении с соратниками, и поэтому неспособный даже выслушать собеседника, старик-эволэк знает такие подробности?

Хотя: Именно общение со странными юнцами, опробовавшими на вкус течения Океанеса, частенько отшибает способность удивляться как таковую. Конечно, хозяин дома не молод телом, но душа его ещё горела, как огонь.

– Я даже не знаю, получится ли задуманное преображение, – сдерживаясь из последних сил, ответил рыжий плут, – а без этой подпорки план по устрашению жадных до денег типов реализовать будет сложно. Во всяком случае, мне и Афалии путь за пределы системы Аврора-2 заказан, а привлечение сторонних лиц не даст нужного эффекта – слишком много среди людей твердолобых!

Старик немного остыл, понимая резонность аргументов: кровавый делец должен не просто умереть, тем более, это не должно выглядеть, как несчастный случай, и под происки конкурентов не замаскируешь акт устрашения. Надо сделать всё так, чтобы все совершенно точно знали, чьих это рук де-

ло. Но: Как?..

Видя, как нахмурил в тяжких думах Вакон свой лоб, Лис весело усмехнулся:

– Не волнуйся, если при работе над Еноселизой мы с Афалией получим то, что хотим, то обещаю – семейке Сухомлиновых мало не покажется!

Глава 1.

Перекрёсток.

*У мира была одна важная особенность – очень плотная атмосфера и ещё более плотная жидкая среда. Так что Литан (*Exocoetus volitans* – летающая рыба) очень тщательно целился перед каждым погружением – в воду надо было войти под строго определённым углом, вовремя сложить крылья, вовремя создать подъёмную силу, чтобы не провалиться на слишком большую глубину и не врезаться в камни. Несколько очень болезненных столкновений уже оставили на его теле шрамы, не говоря о бахромке на когда-то жёстких плавниках, не раз и не два чиркавших по твёрдому дну мелководного моря. Хоть это и было в молодости, но воспоминания о боли не уходили из памяти, заставляя не бросаться очертя голову вперёд, а в каждом долгом, или не очень, полёте внимательно высматривать место для приводнения.*

За свою жизнь Литан успел поднатореть в непростом деле – освоение трёх стихий, и каждая принимала его как родная. Воздух поднимал метровое иглоподобное тело легко и непринуждённо, позволяя совершать путешествия со сравнительно небольшими затратами энергии. Вода манила прохладой, унося излишки тепла, а оттенки цветов про-

зрачной колыбели жизни рассказывали многое о себе: яркие красные говорили о скоплениях планктона, чёрные о близости к поверхности коварных камней, пурпурные о богатых плантациях водорослей, что прекрасно дополняли рацион летающей рыбы. На суше можно было найти укрытие от непогоды – налетающие ветры вызывали такое перемещение водных масс, что лучше было переждать шторма вдали от моря, иначе был серьёзный риск не увидеть очередной рассвет, и дело было не только в волнах.

Когда тучи заволакивали бездонный воздушный океан, вместе с дождями и ветром приходили грозы – электрические разряды, словно раскалёнными гвоздями прибивали низкие небеса к морю, и вода становилась смертельной ловушкой для обитателей глубин.

Каждый сезон был опасен, но и прекрасен по-своему. Тёплым летом сильнейшие грозы постоянно заставляли кочевать от материка и островов к бескрайним водным просторам и назад, но зато воды переполнялись креветками и рачками, и Литан быстро набирал запасы для непростой зимы. В холодный период стаи рыб-летунов уходили далеко в моря, подальше от коварных лабиринтов мелководья, где в это время скорее можно было найти смерть, чем пропитание, но сравнительно спокойные и предсказуемые просторы океана были безрадостно пусты, и набить желудок удавалось не часто. А потом приходили льды.

От далёких, скованных чудовищным холодом полярных

шапок, двигались целые флотилии белоснежных кораблей самых разнообразных форм и размеров, от небольших островков, до гигантских полей, вдоль кромки которых можно было плыть-лететь не один день, уходя из смыкающегося капкана льда на чистую воду. Постепенно стужа ковала из разрозненных исполинов и лилипутов непробиваемый панцирь, и в распоряжении Литана и его бесчисленных братьев и сестёр оставалась сравнительно узкая полоска между материком и разросшимся царством холода.

Это был новый благодатный сезон! Стиснутые каменной и водяной твердью рачки и креветки образовывали во впадинах дна настолько густой кисель планктона, что добывать его мог самый ленивый, а узкая полоска воды не давала ветру разгонять волну, делая моря удивительно спокойными...

Хельга умудрялась не только держать на коротком поводке своего подопечного, но и постоянно сохраняла связь со своими подругами – Ларисой Драбкиной и Мариной Сафировой. Мирра и Афалия так же работали над водной средой негостеприимной планеты Эликомо, второго небесного тела системы Еноселиза, обозначенного к колонизации, на пару с Лапреосф образующих будущий гигантский комплекс по производству и хранению антиматерии.

Человечество замахнулось на трансформацию целой системы, где между двумя «тяжёлыми» планетами предстояло организовать электромагнитные ловушки для самого мощ-

ного источника энергии во Вселенной сразу трёх видов: антиводорода, антикислорода, для оксида бериллия, антивольфрама – вершины эволюции работ с антивеществом. На такие сложности пошли потому, что в Федерации эксплуатировались сразу три типа аннигиляционных силовых установок для «прыжковых» звездолётов, а Еноселиза благоволила им всем, предоставив уникальную возможность параллельно работать сразу в трёх направления не в ущерб друг другу! Такого дива не встречали нигде и никогда!

На орбитах планет разворачивалась мощная группировка: монтировались фабрики, КСЭКи, космические солнечные электростанции, расправляли свои необъятные полотнища солнечных батарей, словно из коконов в вакууме вылуплялись неведомые бабочки, играя на свету золотистыми переливами крыльев. Сновали грузовые корабли, буксиры тащили жилые станции, чтобы можно было создать хотя бы минимально приемлемые условия для жизни и отдыха десятков тысяч людей.

Но, возить сквозь пространство, даже между планетами, колоссальные запасы продовольствия, столь необходимого рабочим, что уже возводили первые рукотворные объекты, никто бы не рискнул – безумно дорого. И эволэкам, всем, кто имел хоть какой-то серьёзный опыт, пришлось вступить в смертельную схватку с тяжелейшими условиями обитания на обеих спутницах щедрого светила, создавая всё необходимое для жизни и плодотворной работы сотен тысяч коло-

нистов – животных, рыб, растений, птиц, ибо тяжелейший труд немислим без нормального питания.

Первые дни всё шло неплохо, ведь наиболее трудные задания взвалили на свои плечи ветераны. Молодёжи досталась работа попроще, но кураторы всё равно жутко переживали за подопечных – никогда ещё не ставилась задача создавать самодостаточную экосистему для таких недружелюбных миров, да ещё и двух сразу, так что, в бой пошли все, кто имел хоть какой-то опыт контактов с Океанесом.

Элан и Мирра вели себя как подобается: крылатые сёстры во многом взяли на себя моторику их тел, и нагрузку удалось регулировать, не давая мышцам атрофироваться, но и не напрягая их сверх меры. Даже травмированный позвоночник лидера Клана Воды не давал поводов для особого беспокойства, а «чужая» рука Лиса также не оказывала негативного влияния на результат – Амма в каждом отчёте констатировала факт наличия хороших результатов.

Собственно, именно электронная бестия сделала всё от себя зависящее, чтобы оба «инвалида» получили добро на погружение: не рискнули требовать от эволэков создания рыб-летунов без разделения по половому признаку, что всегда сильно усложняло матрицу будущего ЭМ, и теперь мальчик работал над «мальчиками», а девочка над «девочками». Рисковали? Да, и сильно – в случае провала экосистема Эли-комо лишилась очень важной подпорки, не рухнула бы, конечно, но и полноценной её уже язык не повернулся бы на-

звать, но... Проанализировав все данные, никому другому просто не решились вручить конверты цвета спелой вишни...

А Афалия...

Девушка из высшего общества осталась верна себе и получила то, что пожелала – одно из самых трудных поручений. Поскольку обе планеты отличались от Земли большой силой тяжести, то упор ИБиС сделал на водных обитателей и растения, которые гравитацию переносят легче, чем наземные существа, а уж тем более летающие. Но тут встал вопрос о последующем сборе выращенного урожая, и если с флорой проблему решали автоматические комбайны, работающие на полях практически без участия людей, то с океаном всё было куда как сложнее – шторма, обледенения практически не оставляли возможности использовать плавучие суда, и тогда Афалия с Мариной Евгеньевной нашли нетривиальное решение.

Киты. Огромный кит представляет из себя настоящую кладёзъ продовольствия, и, вместо того, чтобы гоняться за стаями креветок, или шустрх рыбёшек, можно было использовать «мелочь» в качестве кормовой базы для морских левиафанов, которых, в свою очередь, гораздо проще выследить и доставить к столу. Никто не собирался отказываться от деликатесов в виде мелких обитателей водных просторов, но первую скрипку, особенно в будущем, будут играть Усы, так назвали этих созданий.

Она совершенно точно знала, когда придёт новый вал – сонар словно слеп, и отражённый сигнал стремительно приближался вместе с бегом волны, и Уса знала почему: вода меняла плотность на границе относительно спокойного слоя и вздыбленной ветром стены такой обманчиво мягкой жидкости. Но она не боялась, страха не было никогда.

Чуткие до тонких материй мира, киты ощущали приближение шторма – течения, ветра, даже облака в вышине шептались с ними, подсказывая маршрут стихии, и Уса со своей семьёй просто убиралась с пути разъярённой бури. Всё, что оставалось делать в дальнейшем – это держать удары несильных волн, что расходятся от глаза циклона, и она держала.

Новый вал стремительно приближался, и Уса в точно рассчитанный момент сильно забила хвостом, немного подняв голову. Собственная сила и сила волны поднимала её вверх и вверх, пока гигантское тело почти целиком не выскочило на поверхность, и весь стремительный полёт в заполненную облаками брызг пропасть не уложился в один сладкий вдох. Удар, фонтан пены, соперничающий с теми, что срывал неистовый ветер с вершушек волн, и она стремительно пошла в глубину ещё на час – там тише и спокойней.

Кто-то думает, что киты набирают воздух и потом ныряют – это совершенно не так. Погружение на огромную глубину сдавливает их тисками, и будь в лёгких воздух, вода бы попросту раздавила животное. Просто кровь и ткани

на вдохе насыщаются живительным газом, и левиафан, со спокойной совестью сделав выдох, уходит в пучину.

Уса падали вниз и вниз почти не прикладывая усилий. Быстро гас свет над головой, оставляя всё меньше и меньше возможностей видеть окружающий мир глазами, и её сознание всё больше захлёстывал мир звуков. Море, беспокойное даже на большой глубине, по-прежнему напоминало тугими ударами о разыгравшемся шторме, но уже не стремилось разорвать в клочья плоть повелительницы океанов, а только сильно толкало, помогая выбрать правильное направление, уводящее Усу и её семью в более спокойные воды – они обходили шторм, стремящийся к далёкой суше, стороной. С каждым часом удары волн становились всё слабее, ветер, устав от тяжкой работы, уже не ревел оркестром миллионов труб. Но по-прежнему на спасительной глубине было куда как спокойней, чем наверху, где бесчинствовали волны.

Тихое пение родных голосов наполняло её душу покоем и умиротворением, и, даже не видя ничего в кромешной тьме бездны, Уса точно знала место положения всех членов большой семьи. Переливы звуков, своих и друзей, наполняли пустоту бездны, рисуя во всех деталях пугающие красоты подводных горных вершин, что цепью тянулись на север, и каньонов, спускающихся так глубоко, что даже эхо почти никогда не возвращалось назад из их безмолвного мира.

Марина примчалась на пост с такой скоростью, будто ей было семнадцать, а не три раза по столько же... Ну, почти

три раза...

Припав к экрану, женщина с тревогой пробежала по экрану взглядом, но тут же с облегчением вздохнула – всё идёт хорошо.

– Как там дела? – лицо Хельги было встревоженным.

Киборг конечно же общалась и с Аммой, но живые беседы всегда предпочитала мнемоническим, да и куратору, бесконечные недели проводящему в четырёх стенах операторской без голосов живых людей было бы вдвойне тяжело, так что, наставница Элана не ленилась лишний раз вызвать абонента. Все наставники перезванивались друг с другом, делились новостями, тревогами, радостными минутами, и никто не пропадал в пучине одиночества, хотя все боксы были отделены друг от друга.

– Как сажа бела, – честно призналась Сафинова, – Это уже третий незапланированный выход в Клане Флоры! Наталла вышла с трудом, но девочку всё же откачали, хотя ей, конечно же, сейчас очень плохо...

Всё же новичков было слишком много, и не все эволэки, имеющие одно погружение в активе, нормально восприняли сложные задания. Как бы ни были опасны погружения в Океанес, но ветераны оставались ветеранами – каждый новый успешно выполненный проект давал возможность накопить тандему бесценный опыт, позволяющий ещё лучше подготовиться к новым испытаниям, ещё более творчески проработать следующий контакт с Великой Рекой. А дальше всё шло

с положительной связью, и вчерашний птенец уже уверенно расправлял крылья. А новички...

– Дублирующая пара подхватила второй этап, – Марина тяжело вздохнула, – но Лотта ещё слабее, и даже не знаю, был ли смысл пробовать?

– Проклятье! – чертыхнулась Хельга, – Кто дал санкцию на повтор?

– Учёный Совет был против, – заверила Сафинова, – Но тандем сам попросился в бой, мешать не стали – вдруг получится?

Собеседница сокрушительно покачала головой, никак не желая принимать иррациональность поступков людей. Странные они. Вроде только что на твоих глазах вынесли агонизирующее тело соратницы, жизнь которой поддерживает лишь сложнейшим медицинский комплекс, а новое дитя, девочка восемнадцати лет, только чуть побледнев, делает решительный шаг вперёд: я пойду! Что ими движет?..

– Как Афи? – задала следующий вопрос.

– Всё хорошо, – заверила Марина, – построение ЭМ успешно завершилось, связь с Лесавесимой поразительно устойчива, и наша летунья здорово помогает!

Серая молния сама вызвалась сопровождать девушку в погружении. За долгие месяцы, что дочь губернатора провела с Эланом, летунья не только смирилась с их связью, но и не на шутку встревожилась: упрямица добила своё, получив контракт высшего уровня сложности. Видя, как

радуется вернувшаяся с небес мама вспыхнувшим чувствам эволэков, каким счастьем озаряются лица девушки и юноши при встречах, с какой теплотой и искренностью Афалия тянется к Лису, летунья растаяла, и приняла всё как есть.

Воспоминания о потерях и собственной боли были ещё очень свежи, и крылатая сестричка понимала, какой удар получит отец, потеряв возлюбленную, и вызвалась помочь, от всего сердца не желая видеть своего родителя несчастным. Теперь у неё есть ещё одна мама... Так вот...

Но перед решающим днём дочурка ещё раз поразила своего папаню, дав согласие на своё участие в новом эксперименте, но с одним условием: Афалия должна наступить на горло собственной гордости и помириться с отцом. Взбешённая поступком своего родителя дочь уже вычеркнула себя из семьи, не желая ничего иметь общего с «предателем, поручкавшимся с Сухомлиновым», но Элан с Лесавесимой устроили нешуточный прессинг. Убеждали, шумели, но девушка стояла насмерть, только вскипая от нравоучений, да так, что рыжий плут несколько раз переходил на повышенные тона. Ещё раз всё обдумав, Афалия сдалась, и наладила общение с родителями, хотя холодок в разговорах не пропал даже тогда, когда папа просил у дочери прощение на коленях, а та хлестала его по щекам, а потом просто рыдала у него же на груди... Помирились, одним словом...

– Хилья тоже держится молодцом! – Хельга подмигнула, – Элан снова оказался прав, мы можем сопровождать разом

эволэка разумом уже рождённого дитя!

– Да, – улыбалась довольная Марина, – Ещё одна цепь для нашего Якоря! Но...

Женщина на секунду запнулась:

– Неужели теперь придётся каждому эволэку вырастить по летунье?

– Пока не стоит забегать вперёд, – осадила её Хельга, – Это только второе практическое использование Якоря, надо отработать Еноселизу, потом обобщить данные по почти дюжине десятков контактёров, и тогда уже думать: делать ещё один шаг, или пока оставить всё как есть?

Сафинова до сих пор не могла до конца поверить в свершившееся – душа пела, звала вперёд, хотя и с имеющимся заданием работы было неспорно, а рыжий проказник уже торил новую дорожку. Лис всегда смотрел далеко вперёд, молчаливый и сосредоточенный, он не расточал пустых речей и обещаний, но в его голове явно были какие-то идеи, и идеи часто неординарные, и кураторы уже чувствовали назревающие перемены – скрытность подопечных обещала немало сюрпризов!

Самое поразительное, что при всём при этом Элан оставался очень скромным, не кичился успехами, пусть и трижды заслуженными, а все достижения воспринимал как нечто само собой разумеющиеся. В работе на первом месте для него всегда стояли соратницы, их жизнь и здоровье, во втором благополучие кураторов, напрямую зависящее от

успеха в выполнении контрактов, на третьем жизнь родного института, о себе любимом он вроде как-то и не очень пёкся. Полученные в боях раны юноша носил с нескрываемой гордостью, предпочитая их любым наградам, да так, что даже Императрица с трудом решилась возблагодарить своего подданного за ратный труд.

Элана, Афалию и старост специально пригласили во дворец на беседу с владычицей, и Анна Сергеевна сама поинтересовалась, чтобы хотел получить военный лидер эволэков за проявленное мужество и смекалку? Предлагать материальные блага рыжему плуту было бесполезно, но после многочасовой беседы Лис покинул гостеприимную владычицу в прекрасном расположении духа, а на все вопросы только загадочно улыбался, перебрасываясь со своей возлюбленной многозначительными взглядами. Лис с Лисичкой (с недавних пор девушку из высшего общества именовали именно так) затеяли очередную авантюру, под чутким руководством Хельги, эстетсвенно, и Саша с Мариной даже совместными усилиями не сумели ничего разузнать.

Попытка расколоть Амму традиционно закончилась катастрофой. Чертовка, получив живое тело, не только не сбавила пыла в увлекательном процессе доведения всех и вся до точки кипения с последующим выпуском пара в свисток, но и наоборот придумывала всё более изощрённые методы издевательств над личным составом. Оказавшись «на ковре» пред обновлённым Учёным Советом, электронная бес-

тия на прямой вопрос о планах конспираторов (ну не могла парочка хитрюг не поделиться с ней – надо было ведь проводить комплекс подготовительных мероприятий, чтобы он, этот комплекс, не подразумевал под собой!) незатейливо попросила членов этого самого Совета почесать свои языки о её неожиданно обрётённый орган. Мол, если мозгов всё равно нет, и кроме трёпа ничего изо рта не вылетает, так уж лучше без лишних слов получить все тридцать три удовольствия.

А замахнулись Элан и Афалия на многое и сразу...

Литана не очень стремилась выпасть из стаи, что то ныряла в предательскую глубину, то дружно поднималась наверх. Почему предательскую? Там часто таилась смерть, и рыбка, как и её бессчётные братья и сёстры сторонилась глубоких впадин, всячески стараясь прокладывать путь по коварному мелководью. Как бы ни была опасна дорога в каменных теснинах, сколько бы сил не отнимал перелёт через каменную или ледяную твердь, но все эти усилия и неизбежные жертвы не шли ни в какое сравнение с тем, какую цену приходилось платить за неосторожность.

Что это была за напасть, она не могла понять, но когда со всех сторон огромный косяк окружала плетёная стена, всё выше и выше поднимаясь над беспокойной поверхностью моря, Литана знала – её спасение только в скорости! И рыбка устремлялась вперёд не жалея сил, прямо навстречу ненасытному чудовищу, что стремилось поймать в необъятное брюхо как можно больше сестёр и братьев.

Только вперёд! Ведь если позволить чудовищу целиком выйти из воды, то тогда уже никаких сил не хватит, чтобы перемахнуть такую хрупкую на вид преграду, и ты со всего маху ткнёшься головой в невидимую паутину, и застрянешь в ней навсегда – почти никто из соплеменников, кому довелось бороться с капканом, не сумел из него выбраться!

Но сегодня мелководе не стало спасительной тропой, и Литана с ужасом почуяла признаки надвигающейся беды – как ударили по боковой линии знакомые вибрации, как зашумело море мириадами пузырьков, как заголосило чудище, будто тысячи твёрдых камней тёрлись друг об друга. Она специально держалась подальше от толчеи центра стаи, и теперь, более свободная в выборе направления, ринулась вперёд, прямо навстречу фонтанам, бьющим из моря. Её вечный спутник оказался неподалёку, так же устремившись навстречу опасности.

Их тонкие тела разрезали воду как стрелы, короткие прыжки позволяли быстрее сократить расстояние, быстрее очутиться в воде, чтобы снова набрать скорость для нового броска в податливом воздухе. Спереди и сзади, слева и справа творилась невероятная чехарда: кто-то из молодняка бежал куда глаза глядят, только приближая собственную гибель, более опытные рыбы, уже повидавшие такие нашествия неведомых хищников, наоборот не жалея сил неслись к поднимающемуся из моря неводу. Кто-то поддавался панике молодых, кто-то решил следовать за старшими,

кто-то искал спасения на скалах, что клыками разрезали море на несколько узких проливов.

Но Литана со своим другом, видя стремительное приближение коварных силков уже знала — они успели! Огромная фаланга рыб, повинаясь ритму волнения моря, ушла на глубину двух-трёх метров, волна легко подняла тысячи и тысячи тел ещё на пару метров вверх, и в ту же секунду братья и сёстры слитно рванулись вперёд и вверх.

Через поднимающуюся из пучины рыболовную сеть перелестнулась живая волна: бесконечный поток рыб-летунов рвался на свободу. В плотной массе устремившихся к свободе тел неведомым чудом никто не толкался и не мешал друг другу, и через секунду вода уже извергала настоящих водопад оперённых стрел, а поверхность кипела от ударов плавников.

Но, долго это продолжаться не могло. Вехи сетей поднимались всё выше и выше, по мере того, как жёсткие воздушные мешки наполнялись воздухом и всё больше и больше рыб, особенно тех, кто не пользовался приливными волнами, врезалось в паутину, и агонизировали в коварной ловушке, запутываясь всё больше и больше...

Литана со своим другом, поборов страх, остались понаблюдать за незабываемым зрелищем. Боги, приручившие морское чудовище, всегда приходили с небес, чтобы забрать дань у моря.

В густом, как кисель, воздухе плыли два острова, и оба

закадычных приятеля замерли и с изумлением смотрели на чудо, вступающее в противоречие со всем, что было знакомо им с первых дней жизни. Огромные плоские глыбы непривычно правильной формы спускали в сомкнувшийся капкан плетёные ловушки, и тащили их от одного конца к другому, а потом огромные клубки трепещущих рыб поднимались в небо, и пропадали в чревах летающих островов, и те, насытившись, исчезали вдали. А дальше происходили уж совсем невероятные вещи.

Боги никогда не брали большие половины попавшихся в плен чудовищу собратьев Литаны и её друга, и монстр опускался в пучину моря. Перепуганные рыбы, не веря в своё спасение, бросались врассыпную, кто в одну сторону, кто в другую, и проходили долгие часы, прежде чем стая собиралась вместе, поредевшая, но ещё достаточно многочисленная. Всё это время уставшие друзья качались на волнах, или сидели на скале, омываемой волнами, размышляя о странных властелинах небес. Кто они такие, откуда приходят и куда уходят?

Драбкина уже без былой оторопи наблюдала работу Якоря в его начальной фазе. Элан и Мирра хорошо вошли в течение Океанеса, но при этом не теряли связь с прошлым, которое пусть и грубовато, но вторгалось в их неземную жизнь, заставляя раз за разом Литанов, и девочку и мальчика, ломать голову над метаморфозами мира.

– Лариса, – слышался в коммутаторе голос Хельги, – А

мы не перемудрили с этой рыболовной тематикой? Что случится, если наши шустрые ребята попадутся?

Куратор часто задавалась подобными вопросами, но совершенно точно было известно только одно: чтобы не происходило вокруг, эволюция непременно выкрутится, разминувшись и с зубами хищника, и с рукотворными опасностями. Почему так? Никто не знает, странные миры Великой Реки, несмотря на долгие десятилетия практических контактов до сих пор не открыли тайну, почему девушки и юноши всегда выходят сухими из самых, казалось бы, глубоких омутов. Может просто потому, что это ИХ миры? Как знать...

– Всё в порядке, не волнуйся, – ответила Лариса, – Если брать статистику, наши.... рыбки, уже должны были давно попасться, но каждый раз успешно сбегает!

Человеческие способности действительно оставляли летающим рыбам мало шансов уцелеть, но в матрицу мира была вложена рачительность добычи морских деликатесов – с каждой стаи рыбы, с каждого скопления креветок, с каждой семьи китов брали только такую дань, которая не повредит дальнейшему развитию популяции. Человечество, чуть не погибнув на границе конца XX первой половины XXI веков, не повторяло ошибок прошлого.

На орбитах планет и на поверхности, будь то хоть материки, хоть огромные океаны, тысячи и тысячи людей каждый день неустанно оценивали возможности биосферы, разрабатывали меры по восстановлению утраченных ресурсов.

В расчёт бралось всё: численность животных, рыб, птиц и растений, ареалы обитаний, кормовая база, взаимодействие видов друг с другом, миграции, негативное влияние строек, прокладок дорог, рост городов и сельского хозяйства, планируемый прирост населения и далее без конца и края.

Еноселиза не станет исключением – для столь отдалённой системы вопрос продовольственной безопасности является ключевым. Единственная ошибка, и сотни тысяч людей попросту не успеют вывезти из лишившейся каждодневного пропитания звёздной системы, а контрмеры либо опоздают, либо потребуют таких расходов, что никакая добыча антиматерии не покроет убытков.

Это было тем более опасно, если учесть, что укрыться колонистам негде: на Лапреосф сила тяжести более чем вдвое превосходит стандартную земную, а на Эликомо почти в два раза. Это превращает продолжительное пребывание на поверхности в настоящую пытку для слабого человеческого тела и заставило сделать упор на робототехнику. Так что, если ИБиС получил очень выгодный контракт на работу по биосферам новых колоний, то другие получили заказы на производство многих нужных машин, без которых работа в столь тяжёлых условиях просто немыслима, а орбиты планет скоро, по меркам космоса, естественно, заполнит сеть станций, способных вместить прорву народа...

– Странная всё-таки эта штука – Эфирный Мир, – не унималась Хельга, чьё рациональное сознание с трудом мири-

лось с необходимостью работать в области, в которой её аналитические способности были почти бесполезны, – Я сопровождала Элана в погружение по тематике Деилес-Лесавесима, но это не дало практически ничего в плане понимания происходящих процессов. Мирра точно подметила – мы кузницы древности!

– Да, – согласилась коллега, – нет ничего более странного, чем создание матрицы будущего мира – это, если признать-ся честно, просто виртуальная модель, по образу и подобию которого эволэк лепит себе мир. Почему туда можно поместить почти всё, что угодно? Я даже не знаю, может всё это там уже просто есть? Может, мы всего лишь заглядываем во вполне предсказуемое будущее?

Лариса не просто философствовала, воспользовавшись временной передышкой – подопечные забылись во сне в толще воды, а честно пыталась понять природу Океанеса.

– Если ментальная река обращена и в прошлое и в будущее, – продолжила женщина, – что мешает опередить время и вырвать у эфира правильные решения, те, что будут соответствовать положению вещей, скажем через сто лет?

– Да согласна, – кивнула Хельга, – мы заранее проанализировали моря Эликомо как комплексную систему, предусмотрев не только их небогатую на видовое разнообразие флору и фауну, но и способы добычи морепродуктов! Если мыслить немного абстрактно, то ничего не мешает сделать примерно такое предположение...

Киборг на секунду осеклась, изо всех сил стараясь подобрать слова к теории, не имеющей ровным счётом никаких доказательств, кроме одного: эволэки никогда не ошибались. Н-И-К-О-Г-Д-А. Именно так, большими буквами. Что бы они с наставниками не предпринимали, связь с «богом», то есть Великой Рекой, всегда работала безотказно, и решение соответствовало не только текущему моменту, но и долгосрочной перспективе.

– Эволэк не может ошибиться, – продолжила киборг, – просто потому, что будущее формируется в текущий момент на основе имеющихся данных, под конкретные задачи, а соответственно, это не какое-то предвидение будущего, а его создание.

– Нет предначертанной судьбы, есть долгосрочные прогнозы? – скривилась Драбкина, – Ты это хочешь сказать?

– Именно!

– Фу, Оля! – Её по привычке часто так называли, – Какая ты скучная! Ни намёка на романтику загадочности нашей профессии!

Лариса потянулась, послышался треск затёкших суставов:

– Позволь с тобой не согласиться. Долгосрочные прогнозы – очень опасная вещь! Посмотри, например, на следствие комической программы Федерации, «благодаря», в кавычках, которой мы и занимаемся Еноселизой, – Лариса издала страдальческий вздох, – Сколько было разговоров, что не удастся получить твёрдую антиматерию и сколько столетий скеп-

тики получали подтверждение своим сомнениям? И что?

– Теперь системы строят звездолёты трёх разных типов – вот что! – Рассмеялась Хельга, – А перестраивать уже имеющееся производство под новое топливо, то есть оксиды антиметаллов, а уж тем более антивольфрам никто не решается – это натуральное разорение!

– Именно, моя дорогая! – подхватила женщина, – А откуда мы тогда знаем по каким путям пойдёт миграция Литанов? А? Откуда такая уверенность, что заложенные в матрицу ЭМ данные не претерпят коренные изменения в реальности?

– Какие, например? – Прищурилась куратор Элана.

– Что мешает рыбам уходить на зимовку в холодные моря, например, которые не промерзают до дна, – веско ответила Лариса, – Ведь подо льдом так же окажется богатая планктоном спокойная вода, где можно прекрасно жить, не зная тревог открытого моря! Если такое приключится, то колония останется без рыбного довольствия почти на полгода!

Хельгу давно, ещё с первых дней работы в ИБиСе потряс, если так можно выразиться, ИР ведь, факт с какой лёгкостью, если даже и не сказать легкомыслием, Федерация подходит к проблеме выживания миров, и не находила объяснений отсутствию катастроф в биосферах колоний. По всем расчётам уже не одна планета должна была столкнуться с резкими и очень тяжёлыми изменениями в растительном и животном мире, ставящими их на грань смерти. Причина

такого её скепсиса проста – ЭМ строятся на неких постулатах, основанных на теориях развития жизни, и в каждый вид живых существ, или представителей мира флоры, вкладывается некий алгоритм жизни, которому они должны соответствовать. Но кто сказал, что они обязательно должны жить именно так? По мнению Хельги, да и Искусственных Разумов первых поколений, все эти игры с долгосрочными планами развития экосистем в Эфирных мирах – мина замедленного действия, заложенная под колонии, но...

Но, ничего плохого не происходило – зверушки, рыбки, птички и растения, созданные эволэками, прекрасно уживались в новых мирах, вдохнув жизнь в мёртвые планеты. Шли года, потом столетия, а никаких фокусов от популяций никто так и не дождался. Это, конечно, и к лучшему, но логического объяснения данному феномену она не нашла. Да и не она одна...

– Мне не остаётся ничего иного, – честно призналась Хельга, – как признать наличие некой силы, направляющей наши действия в нужное русло. Другого объяснения у меня нет – по всем прикидкам вы, люди, уже должны были триста раз умыться кровью!

– Вот и я о том же! – Воскликнула Драбкина, просияв от радости, – Нас хранят Небеса!

Киборг невесело усмехнулась и протянула:

– Есть высшая воля, и творец нам помогает...

На её скептицизм подруга только закатила глаза – Лис

неустанно разносит по свету бациллы атеизма...

Уса с сородичами давно научилась премудростям охоты на креветок. Если просто плавать в толще воды, фильтруя несчётные кубометры жидкости, то проблема питания не оставляет времени ни на игры, ни на песни, ни на философские беседы, и компания океанских странников прибегала к хитрости.

Как только кто-то из стаи натёкался на рассеянное скопление любимого лакомства, тут же подавал сигнал, и к месту устремлялись киты, беря рачков в кольцо. Все члены семейства уходили на глубину, и начинали хоровод – они плавали на небольшом удалении от поверхности, а запас воздуха, что оставлялся в лёгких, превращался в занавес, не допускающий бегства добычи. Стена пузырьков пугала крошечных ракообразных, и, по мере того как киты сужали круги, те сбивались во всё более плотную кучу. Когда же вода превращалась в питательный бульон, начиналось настоящее пиришество!

Уса неспешно завершала работу, и вверх, к свету, стремились новые бурлящие воздушные пузыри всех возможных размеров и форм. Они словно занавес скрывали от зрителей происходящее за кулисами, и праздничный стол оставался приватным местом, где можно было без постороннего любопытства наесться до отвала.

Она поднырнула под шумный невод и на секунду замерла, целясь. Никто и никуда не спешил – родные никогда не нару-

шали важнейшего принципа коллективизма в жизни, и охота завершалась не раньше, чем последний член их семьи вселым пенем не возвещал о завершении приятного процесса. Пока не утолил голод последний кит, остальные не покидают круг, держа добычу в капкане, поднимаясь к поверхности только затем, чтобы сделать очередной вдох.

Она широко распахнула рот, и аккуратно работая хвостом, чтобы не разорвать круг ловушки, стала подниматься...

Впечатление было такое, что из пучины вынырнул кошелек великана – с жутким всплеском захлопнулась необъятная пасть Усы, сильные мышцы сжались, и вода с шумом вырвалась бесчисленными фонтанами назад в море, словно испугавшись возможности навсегда остаться в желудке левиафана. Но китовый ус, что частоколом рос во рту гигантского создания, был слишком плотным, и не выпускал креветок, настоящие легионы которых оказались в западне ненасытной глотки...

Марина довольно улыбалась – всё идёт прекрасно, девочка как всегда показывает высший класс. Её целеустремлённость часто переходит грань простого желания стать первой во всех начинаниях, и это служило Афалии хорошую службу: умела она взять себя в руки, сконцентрироваться на задаче, и работать до седьмого пота. От неудач дочь губернатора только становилась злей и упорней, и вести её проекты было бы одно удовольствие, если бы не темперамент.

Вспыльчивая и импульсивная, она легко выходила из состояния равновесия, высказывая при этом всем всё, что думает, не особо обращая внимания на обстановку вокруг и титулованность присутствующих при монологе лиц. И хотя со своим куратором она никогда не разговаривала сквозь зубы, Сафинова не могла сказать, что её четвёртая подопечная была самой удобной для создания тандема. Самая сильная? Да, вне всяких сомнений, но...

С одной стороны типичный эволэк, вечно витающий в облаках, в меру инфантильный, немного замкнутый тихоня, был куда как более покладист, и почти не доставлял куратору хлопот: промолчит, стерпит, редко станет разжигать костёр вспыхнувшего конфликта. Первые три её подопечных почти не доставляли хлопот вне периода реабилитации, соблюдали, в меру, естественно, правила и наставления, изо всех сил старались не подставить своего куратора под гнев начальства. С такими было тяжело общаться, но легче работать.

Но тут была и обратная сторона медали – их привычка не интересоваться мирскими делами и изрядная инертность требовали от наставника просто чудовищных усилий на выживание интересующих данных. Девчата и ребята с таким складом ума и души скорее хорошие исполнители, но по-настоящему оригинальных инициативных проектов, которые эволэку легче даются, чем закоряченному академику, от них ждать не стоит.

Афалия же была полна энергии и уже после первого погружения не побоялась второе совершить по собственному почину, и с блеском выполнила работу: её упорство и самоотверженность позволили создать для очень бурных рек планеты Олимп, названной так из-за преобладания горного рельефа, рыб-прилипал, причём те прилипали к камням дна, не тратя таким образом сил на ненужную ежеминутную борьбу с течениями.

Но после успеха её эмоциональность вышла боком – несчастная любовь так задела за живое, что к третьему погружению она подошла с полным безразличием. Выполнить, конечно, выполнила, но Марина не могла до сих пор забыть её раздражительности, вечно демонстрируемой на публике. И хотя снова результат был оценён на отлично, но, с точки зрения творчества, он мало что прибавил в копилку – Афалия приподнялась с шестого номера на четвёртую ступень, но на этом всё.

Дальше вообще стало плохо: не проходящая депрессия вкуче с зазеркальем, что усиленно терзало девушку по ночам, а потом и не только по ночам, привела к падению, клубок проблем нарастал подобно снежному кому. Эволэк всё чаще прикладывалась к бутылке, совершенно не интересовалась жизнью коллектива, беспрестанно конфликтовала с соратницами, и ждала проект Еноселиза с какой-то совершенно необычной для её кипучей энергии обречённостью. Все попытки отвадить её от употребления зелёного змия с

грохотом проваливались, нотации, даже тактичные и мягкие уговоры вызывали только приступы злости.

Сафинова уже стала подумывать о разрыве тандема – с такими настроениями лучше не подходить к столь сложной задаче. Уж лучше пропустить решающую битву нынешнего столетия, думала куратор, чем потом мучить совесть потерей подопечной. Дело даже было не в том, что Марина боялась влиятельного Доронина, тот был разумным человеком, но она ни разу за свою карьеру не допустила потерь, и всеми силами старалась сохранить репутацию – мало кто из её коллег мог похвастаться таким результатом! Тринадцать погружений и все с успешным возвращением, и прекрасно выполненной работой!

Женщина довольно улыбалась своим мыслям, глядя как за стеклом «аквариума» Лесавесима и Афалия синхронно «плыли» в океане грёз. Рыжего плута ей послали Небеса, не иначе!

Хитрый пройдоха сумел блестяще поставить на место идущую вразнос девушку, снова вернул ей вкус к жизни и творчеству. Дочь губернатора бросила пить. Совсем. О том, как Лис добился то неё этого ходили легенды одна невероятней другой, но выдавшая на своём веку женщина больше склонялась к собственной версии: после очередного дебоша Элан так подшутил, мягко говоря, над выпивохой, что у той теперь один вид спиртного вызывал стойкое отвращение. Но на этом чудеса не кончились!

Убедившись, что девушка уже стала возвращаться к жизни, проказник снова подтолкнул её вперёд, заставил вспомнить былые мечты и чаяния. Предложив ни много, ни мало, поучаствовать в отработке революционного метода погружения, он сумел снова зажечь огонёк её души. И хотя четвёртый контакт с Океанесом не подразумевал ничего сверхъестественного как в плане сложности создаваемого существа, так и в плане значимости Эфы для уже вполне сложившейся экосистемы Новой России, но он дал главное – чувство причастности к значимым событиям, событиям, повернувшим саму Историю!

И девушка расцвела. В считанные месяцы её стало не узнать: пропала, словно рухнув в пропасть, и не возвращалась агрессия, исчезла заносчивость, нормализовались отношения с соратницами, у многих она даже просила прощения за былые обиды. В самый разгар кризиса, когда судьба института повисла на волоске, Афалия проявила незаурядное мужество, встав с оружием в руках на защиту своих подруг, чем обрела всеобщее уважение. К проекту Еноселиза она подошла с настоящим рвением, граничащим с фанатизмом: сумела доказать, естественно с ней, куратором на пару, Министерству Экологии Федерации (!!!) перспективность крупных водных млекопитающих для планеты Эликомо, предварительно детально проработав сложнейшее живое существо. Всё шло прекрасно, но...

Марина тщательно прятала в глубине своего сознания по-

таённый страх. Женщина как всегда непринуждённо вела свою воспитанницу по жизни, улыбалась и шутила, много и плодотворно работала с ней, но тревога не уходила: а дальше что? Когда девочка выйдет из погружения, её ждёт совершенно заслуженная награда – создание столь высокоорганизованного существа под столь непростую среду обитания даст ей титул лучшего эволэка своего поколения, вознесёт на пьедестал, на почётное первое место. А дальше что?

Куратор прекрасно знала, что за тип личности представляет из себя Афалия: целеустремлённая, она не заикливалась на одной работе, смело берясь, после достижения успеха, за новое дело. Так было всегда: добившись первого места в стрельбе на большие дистанции на всепланетных соревнованиях среди девушек, она перешла к конному спорту. Когда вожаденный Золотой Кубок Высшей школы верховой езды оказался у неё в руках, она сделала новый решительный шаг – рассталась со своей легендарной лошадью. Туча обрела нового хозяина как раз перед первой пробой Якоря, ведь Афалия не могла отдавать теперь лошади столь же много времени и сил, как прежде. Сейчас, когда до первой строчки в табели о рангах остался всего один шаг, Марина всё чаще и чаще думала над своей дальнейшей судьбой, присматриваясь к молодым девчонкам, только прошедшим стажировку на «пилотажке». Девушка из высшего общества почти наверняка не станет продолжать карьеру эволэка, ведь получив Хрустальный Цветок, она получит не просто признание за-

слуг от общества, руководства ИБиСа и соратниц – это символ успеха, в **этой** области достигла **всего**. Что дальше?

* * *

Старая, как само время, «Акула» с бортовым номером 2-Т10-17/120 (2-й класс, транспортный, грузоподъёмность 10000 тонн, 17-ая единица в серии из 120 однотипных братьев и сестёр) уже больше двадцати лет болталась на орбите Паллады, ближайшего к Новой России по-настоящему крупного небесного тела. Класс 2 – это корабли, предназначенные для межпланетных полётов внутри систем, и увидеть новые миры им почти не судьба, только некоторым улыбалась удача, и их вводили в состав межзвёздного флота, хоть и путь от одного светила к другому они проделывали на стыковочных узлах «прыжковых» кораблей.

Но «Акулу» такая судьба обошла стороной, и ракета всю свою сознательную жизнь носилась по треугольнику Диана-Новая Россия-Паллада. Её силовая установка, с использованием плазмы ядерного горючего в качестве источника высокоэнергетических частиц для нагрева рабочего тела, заслуженно считалась музейным экспонатом на фоне достижений в космической отрасли Федерации – путь между тремя планетами она проделывала не менее чем за 180 стандартных суток.

Почему строили такие раритеты? Простота и относительная дешевизна – вот ответ. Тратить дорогостоящую антима-

терию для внутрисистемных полётов – это непозволительная роскошь. И Империя Аврора-2 развивала более традиционные схемы двигателей, поставив на поток производство изотопов, компактных, конструкционно простых, а потому долговечных «плёночных» реакторов. В такой силовой установке легко было регулировать тягу двигателя в очень широком диапазоне за счёт простого изменения подачи рабочего тела (РТ) и температуры его нагрева. Расход рабочего тела к расходу ядерного горючего мог варьироваться от 1:1 до 10000:1, позволяя при одинаковой мощности плазмы реактора получать нагрев РТ от 2000 градусов по Кельвину до 10 в пятой степени градусов, а скорость истечения топлива из сопла менять по желанию от 8 до 220 км/с.

Как кто ни старался, а вытеснить этих ветеранов с внутренних линий не получалось – корабли с иными силовыми установками хоть и проделывали путь между освоенными небесными телами куда как быстрее, но при этом стоимость перевозки пассажиров и грузов зашкаливала за все рамки разумного. Но даже такие в принципе примитивные, хоть и довольно большие корабли строились сериями в десятки, но ни как не тысячи экземпляров. Так что, несмотря на Колониальную Эру, абсолютное большинство людей не могло похвастаться причастностью к космическими путешествиями даже с одной планеты системы на другую, не говоря уже о межзвёздных маршрутах.

А «Акула», почти выработав за прошедшие с момента

своего рождения сто пятьдесят лет ресурс, с потушенным реактором тихо коротала дни на орбите Паллады, рядом с почти дюжиной своих братьев и сестёр, так же выведенных из эксплуатации. Плотная стайка уставших рабочих лошадок по инерции наматывала круги – их специально не оставляли в статичном положении, дабы если что не тратить лишнее топливо на разгон, ведь проще добавить импульс, чем начинать с нуля.

Время от времени то одна полукилометровая громадина, то другая оживала. Прилетали, как правило, на большом челноке, люди и брали в оборот очередной корабль, отправляя на верфи для капитального ремонта, а на смену получающему вторую жизнь товарищу приходил новый уставший странник, оставивший за своей кормой бессчётные миллионы километров и десятки лет активной службы. Так было и сегодня. Ну, почти так...

В стылых от полного вакуума помещениях «Акулы» в абсолютной темноте (планета загородила светило) плыли закопанные в скафандры два человека, поочерёдно отпирая механические замки на дверях – электричество уже давно не бегало по цепям мёртвого корабля. Большинство переборок было открыто, ведь отсутствие атмосферы самым благоприятным образом сказывается на долговечности многих материалов, ибо нет контакта с кислородом – мощным окислителем. Даже в былые времена экипажи изящной красавицы старались минимизировать число отсеков, наполненных жи-

вительным газом, а уж сейчас, когда долгие годы на борт не ступала нога человека, в этом и подавно не было необходимости.

В самом отдалённом от капитанского мостика отсеке двое мужчин остановились — дальше идти просто некуда. Реакторный отсек, отгороженный от остального корпуса мощной системой биологической защиты, был не так страшен. На пультах управления и контроля мигало несколько огоньков, свидетельствующих, что «Акула» не так уж и безжизненна. От развёрнутого полотнища солнечной батареи сюда, в самое сердце космического странника, бежали электроны, накапливаясь в аккумуляторах, и не давая кораблю совсем уж погрузиться в пучину непроницаемой для взора тьмы.

— Смотри-ка, Денис! — В рации раздался удивлённый возглас одного космонавта, — Ещё живая рыбка!

— А ты как хотел, — отозвался тот, — на совесть делали!

Он осторожно подплыл к креслу и, ловко перекрутившись, занял место оператора, пристегнувшись ремнями — так не нужно было тратить время на борьбу с невесомостью. В каждом движении человека чувствовался огромный опыт нахождения в стихии космоса при ноль «Же». Толстые белоснежные пальцы скафандра касались переключателей, вызывая в утробе командного пункта силовых систем закономерные реакции. Помещение залилось светом, заиграли огнями панели, вспыхнули экраны.

— Ну, Валера, поехали, — спокойно подал команду своему

напарнику Денис.

Тот подплыл к консоли, откинул крышку из красного пластика, и достал ключ, вставив его в гнездо. Сидящий в кресле мужчина так же извлёк ключ, и тонкое жало исчезло в аналогичной замочной скважине.

– На счёт три, – Скомандовал Денис, – Раз, два, три.

Оба ключа синхронно повернулись по часовой стрелке, и над консолью вспыхнула трёхмерная картинка реактора: стержни медленно уходили из активной зоны, которую голограмма насыщала красным светом, сигнализирующим о возвращении жизни. Пройдёт ещё немало времени, прежде чем сплав побежит по трубкам системы охлаждения, приведёт в действие генераторы, и корабль уже не будет балансировать на тонкой грани клинической смерти.

* * *

Лис не особо задумывался над природой мира, в котором жил, хотя тот не имел ничего общего с привычными канонами, тысячу и один раз описанными многими авторами. Не было ни бескрайних лесов, ни полей, ни рек с озёрами. Негде было поискать укрытие от палящего солнца, его попросту никогда не увидишь в тесных коридорах станции, никакими усилиями не вырыть нору в земле – твёрдый сплав не поддаётся лапам, не поймать ни птицы, ни зайца, ни мышки, на худой конец, они попросту не живут в лабиринте из ме-

талла. Как же он жил? Да, просто жил себе и всё.

У него были две подружки. Одна такая же, как и он, настоящая рыжая Лисичка, с которой Лис и проводил всё время. День или ночь, прогретые ли, полные яркого света помещения, где жили двуногие, или бесконечная череда стылых тёмных лабиринтов, где единственным путеводителем был твой собственный запах, оставленный на перекрёстках путей. Кладовая ли, полная упоительно пахнущей еды, или же голодные времена, когда долго не удавалось поживиться ничем вкусеньким, но они всегда были вместе. Вместе беззаботно играли, грели друг друга холодными ночами, прятались от двуногих, что никак не желали смириться с их присутствием и вечно пытались поймать в хитроумные ловушки.

Ловушки. Они не задавались целью убить или искалечить, но постоянно, как только нужда заставляла спускаться к обжитым этажам, приходилось держать ушки на макушке. Особенно часто путь преграждали сети, а хитроумная система рычагов и противовесов призвана была закрыть ими и вход, и выход из помещения, коридора, или вентиляционного канала.

Людам просто интересно было их поймать. Это как соревнование – люди, Лис и Лисичка это знали совершенно точно, очень любят состязаться друг с другом в чём угодно, находя интерес в играх. Они тоже часто соревновались в ловкости и выносливости друг с другом, а с двуногими в

хитрости. На каждый новый коварный замысел прямоходящих рыжие чертенята находили обходные маршруты, а те в ответ строили ещё более замысловатые капканы. Один раз они даже попались.

Еду можно было достать во многих местах этого огромного дома. Первый и самый рискованный вариант – это место, где еда была легкодоступна. Тут всегда были люди, когда всего несколько, а когда и почти не оставляя свободного места в отнюдь не маленьком помещении. Причём, что удивительно, жизнь этой земли обетованной никогда не затихала ни днём, ни ночью. Одни двуногие приходили поесть, другие уходили, наевшись, но эта смена персонажей не прерывалась ни на час, заставляя двух воришек осторожничать.

Самое вкусное, сырое мясо, можно было стащить только непосредственно из кухни, где всё и готовилось. Разогретые блюда наполняли воздух сводящим с ума коктейлем ароматов, но надо было проявлять выдержку, а потом и не дюжую храбрость – покинуть короб вентиляции и стремительным броском завладеть добычей! А ведь для этого приходилось каждый раз сталкиваться с человеком нос к носу! Но, к счастью, огромных лисиц при внезапной встрече люди пугались не меньше, чем сами рыжие проказники хозяев станции, и короткий бросок обычно сопровождался воплем изумления, а прямоходящие как один бросались врассыпную, хотя ни у Лисички, ни у Лиса и в мыслях не было пополнить

свой рацион человечинной.

Таких потрясающих мест в огромном доме было несколько, и рыжие плуты часто наведывались то в один, то в другой, и первое время не знали печалей и забот. Вот тут-то их и подловили.

Лис долго дождался, когда что-то говорящий сам себе человек не отвернётся от свежего куска мяса: он посыпал его остро пахнущим порошком, тщательно обмазал какой-то белой субстанцией (Господи! Откуда берутся такие слова?!), и, очень довольный полученным результатом, всего на минутку вышел в соседнее помещение. Рыжий плут стремглав подлетел к столу, а его напарница по разбою к другому, оба уже успели сцапать зубами добычу – Лис кусок жирного мяса, а Лисичка огромную птицу, уже лишённую оперения, но тут ловушка и захлопнулась.

Не успели они ещё по-настоящему оценить гамму вкусов, что ласкали их язычки, как на пол с грохотом упали тяжёлые кольца, вмиг разматав от потолка сети. Две лисицы в испуге рванулись что есть сил, но тугая плетёная ловушка не поддавалась – оба как на пружинах отлетели назад, и кубарем покатились по скользкому полу. Вмиг забыв о еде, они судорожно принялись искать выход, но кольцо не имеет ни конца, ни начала, а тяжёлое основание не позволяло даже приподнять его!

– Попались! – восторженный голос заставил вздрогнуть, и ещё плотнее прижаться друг к другу.

В проёме двери стояла ОНА. Лис и не знал, почему вдруг так забилося сердце, стоило ему только встретиться взглядом с ней.

Он уже видел такую картину и не раз! Огромное чёрное покрывало за прозрачной стеной, всё испещрённое яркими точками, вроде тех, которые люди зажигали на громадной скале, повисшей в пустоте, но далёкие и холодные. Их было так много, что рыжие проказники в изумлении часами сидели не шевелясь, лицезря картину космоса, куда даже всемогущие люди не ступали иначе как в скорлупках своих исполинских, по меркам Лиса, естественно, кораблях, что часто появлялись из этой пугающей пустоты, и устало причаливали к Дому.

У неё такие же глаза, бездонные, но огни собрались вместе, двумя яркими скоплениями, от которых во все стороны разбегались лучи.

– Так вот вы какие! – Её восторг был трудно объясним. – Ах! Какие симпатяги!

Обычно кража съестного сопровождалась иной реакцией – люди страшно шумели, бросали всякие тяжёлые предметы вслед, а если попадали, такое хоть и редко, но случалось, то ушибленное место потом долго болело! Эта же...

Она подошла к ловушке и, сев на корточки, очень осторожно приподняла грузы, нырнув без страха внутрь сетчатого шатра. Лис и Лисичка от испуга чуть не лишились сознания, когда её руки потянулись к ним, и коснулись острых

мордашек.

Как пахли её пальцы! Оба рыжих проказника, вмиг позабыв о панике, охватившей было их души, замерли на несколько секунд, вдыхая божественный аромат, напоённый теплом и спокойствием. А гостья и не думала останавливаться, лаская носики, взъерошивала короткую шёрстку, и они быстро таяли под её прикосновениями...

– Что ты творишь, Лесавесима?!?!

От громового голоса вся троица испуганно сбилась в кучу, словно не только лисье племя занималось разбоем на кухне, и теперь всех троих ждала суровая кара.

– Ничего! – Заикаясь, ответила незнакомка, – Они очень хорошие и добрые... вот...

Стоя на коленях, девушка обняла их шеи, практически повиснув в воздухе – рост у хвостатых возмутителей спокойствия был не маленький.

Быстро собирался народ, обступив попавшихся в капкан разбойников, не очень-то и дружелюбно рассматривая источник многих переполохов. И хотя ни Лисичке, ни Лису термины типа, сдереть шкуру живьём, выбросить через иллюз в космос, отправить медикам на опыты, или пустить на воротники к шубам, не говорили ничего, но по реакции Лесавесимы они поняли, что дело плохо. Девушка постоянно рычала в ответ на такие заявления:

– Не отдам! Я их поймала, и я буду решать, что делать! Уговор был такой!!!

Удивительно, но её, самую слабую из всех присутствующих двуногих, послушались – огромный, как медведь, человек быстро добился тишины, просто крикнув:

– Тихо все! – убедившись, что его внимательно слушают, он продолжил, – Намылить бы им обоим шею, но...

Он нагнулся к сетке так стремительно, что рыжие непроизвольно оскалились, а девушка ещё сильнее прижала их к своим бокам.

– Но уговор действительно был, – сказал гигант уже гораздо мягче, – Ладно, девочка, поступай, как знаешь, но я, как шеф-повар обещаю – если поймаю их лично, суп сварю!

Народ расступился, сеть поднялась и оба лиса пулей выскочили в коридор и бросились наутёк. Бежали без оглядки, пока не забились в какой-то лаз, голодные и испуганные.

С тех пор постепенно оборона этих благодатных краёв крепчала – люди намертво заделали все ведущие к кухням туннели, а проскочить по коридору нечего было и пробовать, так что пришлось отступить.

В поисках новых источников пищи они чуть не сбили в кровь лапы, но нашли.

Царство холода хранило бесчисленные запасы всякой еды, но проникнуть сюда можно было только через единственный вход, который открывался и закрывался какими-то железными истуканами, приходящими за провизией несколько раз в сутки. Иногда Лису и Лисичке удавалось вынести из одной из многочисленных холодильных камер мясо

пока двери были открыты, но иногда они, увлечённые процессом отгрызания мякоти, не успевали, и приходилось коротать часы в рукотворной зиме, дожидаясь нового прихода андроидов. Но в любом из двух случаев поесть сразу не получалось.

Холод так сковывал мясо, или рыбу, что приходилось долго ждать, пока та не оттаает. Благо, хитрюги быстро сообразили таскать мороженные продукты к трубам, через которые шла горячая вода, или к раструбам вентиляции, гоняющим перегретый воздух, так что желудки мучились спазмами не так долго.

Был ещё более интересный вариант – раз в несколько дней на затерянную в бескрайней пустоте станцию прилетал корабль, и привозил свежее мясо, ещё не успевшее по-настоящему сильно промёрзнуть, и огромные ангары заполнялись поддонами с едой. Их было так много, что спящие люди, как правило, и не замечали пару разбойников, и те успевали натаскать в укромные уголки такие богатые запасы, что рисковать больше не надо было до следующего прилёта корабля.

В эти счастливые дни они бесились, гоняясь друг за другом по бесконечным, но уже хорошо знакомым лабиринтам, вылизывали друг другу шёрстку, всласть наедались до отвала, много и беззаботно спали. Только вот, поднимаясь на самый верх, и глядя сквозь прозрачный купол на звёзды, они никак не могли забыть глаза своей спасительницы...

Спокойствие сохраняла только Хельга, Саша и Марина были в предобморочном состоянии.

– Как Афалия сумела разделить сознание на два потока? – Полякова металась между экранами – на одном шёл видеоряд, на втором бежали данные по созданному странному ЭМ.

– Видимо, мы действительно зря считали способность Элана работать над двумя существами чем-то уникальным, – покачала головой Сафинова, – Он сам всегда утверждал, что отсутствие аналогов его способностям – это простое невнимание к деталям. И Учёный Совет, и мы, кураторы, слишком привыкли к накатанной колее!

Киборг вполне разделяла эту точку зрения – её подопечный и девушка из высшего общества пропадали вместе часами не потому, что очень хотели насладиться своими телами, их чувственностью и жаром. Нет, с этим у них всё было в порядке, Хельга ведь не слепая, просто для Элана и Афалии близость была лишь одной из сторон их любви, и далеко не самой главной. Они практически каждый день по многу часов проводили наедине, причём, что самое примечательное, в это время куда-то пропадала из виду и Амма.

Электронная бестия как всегда успевала везде и всюду, не отказавшись от своего бестелесного образа, но девушка-биоробот так же принимала самое живое участие в жизни института, живое настолько, что Хельга часто её осаживала. Но именно «живая» Амма каждый раз, как только Лис с Лисич-

кой исчезали из поля зрения, растворялась не менее загадочным образом. Где пропадала эта троица неуёмных энтузиастов, чем занималась?..

Иногда они, как по маху волшебной палочки, вновь материализовывались дружной компанией, весело о чём-то шушукались, замолкая, как только неподалёку оказывался лишний свидетель, то вдруг, после очередного таинства расходились по углам, дуясь друг на друга. Частенько по вечерам троицу конспираторов можно было видеть на крыше башни Клана Воды, где они о чём-то оживлённо спорили.

На расспросы решительно настроенные экспериментаторы отмалчивались, точнее, отмалчивались только Афалия с Эланом, заверяя кураторов и членов Совета о непричастности задуманного к проекту Еноселиза и работе эволэков как таковой. У Аммы же наоборот случались прорывы плотины с водопадами словесного поноса: несносная нахалка, если не попросить заткнуться, часами разглагольствовала на тему их тайных собраний, выдумывая такие рецепты любви на троих, что авторам Камасутры оставалось только использовать свой бессмертный труд в качестве груза на шее для собственного утопления.

– Зачем им понадобились так менять Эфирный мир? – Марина явно была раздосадована такой скрытностью своего эволэка, которая только подогревала её опасения.

Парочка хитрюг затеяла нечто грандиозное, с далеко идущими последствиями, но тот факт, что они скрывали суть

опыта от своих же кураторов, вызывал у Сафириной приступы плохо скрываемого раздражения – Афаля явно собиралась уходить с поприща, и опробовать себя на новой стезе. Только вот, что это за стезя?

– Эта станция, на которой обитают лисы чем-то выделяется из себе подобных? – Александра всё же не могла назвать себя большим специалистом в кораблестроении, хоть и немало полетала на своём коротком веку.

– Нет, – отрезала Хельга, – Стандартная Альфа, как мы и планировали. Я проанализировала звёздные карты такими, какими их видят Элан и Афаля глазами лисиц – это высокая орбита Новой России, без сомнений!

– Во всём этом должен быть смысл, наш рыжий плут не станет просто дурачиться, – заметила Саша, – да и Афи девушка целеустремлённая. Что же они задумали?

Женщины сосредоточились, а Полякова стала беседовать вроде как сама с собой:

– Итак, Эфирный мир создаётся для преобразования собственной ментальной проекции в живое существо, – онаглянула на мониторы, но привычной картины там не наблюдалось, – Амма строит цепочки ДНК для Литана и Усы, которые живут в ином ЭМ, а двумя лисицами наша электронная бестия не интересуется. Почему?

– Потому что, нашим пронырам не нужна перестройка ментальной проекции, – криво усмехнулась Марина, – Они будут перестраивать свои собственные тела!

Женщина с силой врезала кулаком по подлокотнику, сжав зубы, и уже с трудом сдерживая гнев. Кураторы переглянулись с перекошенными от ужаса лицами – догадка была не лишена основания, ведь иного смысла создания «лисьего» ЭМ взамен человеческого вот так с ходу предложить никто не мог.

– Какой в этом смысл? – бледная, как накрахмаленная скатерть, Саша упала на стул-вертушку.

– Задумка интересна, – взялась пояснять Хельга, сосредоточенно сморщив лоб, – Заселение планет идёт медленно по единственной причине – колонисты изначально не приспособлены к новой среде обитания, и это предопределяет их малую начальную численность.

Это делалось специально. Рождаемость в новоиспечённой колонии искусственно сдерживали на несколько поколений, чтобы если так называемые генетики, а более грамотно молекулярные биологи, не дай Небеса, ошибутся, то число жертв хоть и будет измеряться десятками тысяч, но уж не десятками миллионов. Всё-таки новая планета – это новая планета, и чисто земная флора, и фауна там, как правило, не приживалась без тех, или иных изменений.

– И, как следствие, – продолжила мысль киборг, – невысокий темп освоения нового дома. Что же касается возможности **предварительного** изменения организма... Амидел и Манитса в преобразовании пошли до конца, но не сумели сохранить себя...

– Ну а что, если реакция управляема? – подхватила Марина, уже оправившись от шока, – Тогда можно будет преобразовывать **людей** до того, как они ступят в новый мир!

– И то верно! – Саша подпрыгнула на стуле, – Это позволит без проблем переселять на любую планету, близкую к земному типу, уже приспособленных к её среде колонистов! Девчонки! Вы только подумайте, какое сбережение ресурсов!!!

– Полностью согласна, – кивнула Хельга, – Переселенцы смогут сразу жить на открытом воздухе, так сказать, не прячась в жилищах, больше похожих на противоатомные убежища! Им с первых дней жизни на планете не надо будет прятать тела в скафандры, дожидаясь, пока биологи справятся с комплексной направленной мутацией и выведут новые поколения, устойчивые к особенностям среды обитания! Экономия времени и затрат будет просто колоссальной!!!

– Бл-и-и-и-н, – протянула без стука вошедшая Амма, – Какие вы все тупые...

Электронная бестия висела в воздухе, в метре над полом, отчаянно зевая – была глубокая ночь.

– Никогда не понимала людской неспособности схватить на лету такие очевидные вещи, – продолжила язвить девочка-призрак, – Только собравшись вместе вы на что-то способны, а поодиночке...

Она «подошла» к стеклу аквариума, и задумчиво созерцала непривычную картину: кроме юноши и девушки в поме-

щении спала летунья. Первоначальные опасения не оправдались — сильное и большое существо не доставляло неудобств людям, и никаких болезненных столкновений не происходило, несмотря на то, что сквозь чистые каналы связи моторика тел проходила в этот мир без малейшего труда. Именно присутствие Лесавесимы позволило избежать по-настоящему серьёзных нагрузок Элану: она взяла на себя значительную часть моторики «Лиса», в то время как моторику «тела» «девушки» со звёздными глазами Хельга гнала в тело своего подопечного. Получилось настолько здорово, что первое время никто из кураторов не верил собственным глазам! Ещё одна цепь Якоря в исполнении неугомонного плута...

— Хорошо, — Марина упёрла руки в бока, хмуро глядя на Амму, — насколько сильно они собираются менять свои тела?

— Чуть-чуть, — не отрывая взгляда от эволэков, заверила та, — они хотели пойти сразу на кардинальную перестройку...

От этих слов и Поляковой и Сафировой сделалось дурно. Вопрос тут и в колоссальном риске, ведь единственный (а единственный ли?) подобный случай с сёстрами, добровольно ставшими основой Алгоритма, потребовал ни много, ни мало, отказа от самих себя, от своих личностей! Кроме того, обе женщины сильно сомневались, что процесс можно повернуть вспять, а если нельзя то что? Стоило только представить первое свидание родителей со своими вышедшими из погружения детьми: здравствуйте, Андрей Николаевич, Екатерина Вячеславовна, здравствуйте господин Доронин! Тут

небольшое ЧП случилось – ваши дети стали лисицами, но вы не волнуйтесь, у нас есть замечательные вольеры для животных, и мы будем за ними присматривать! А вы приходите почаще, гостинцы приносите своим чадам: мясо свежее, потроха они очень любят...

– Чуть-чуть – это сколько? – Марина Евгеньевна рухнула на стул, пытаясь справиться с головокружением.

– Вот данные, – Амма соизволила обернуться к куратору и указала ручкой на монитор.

Все трое бросились к экрану, рассматривая мелькающие изображение – бестия в розовом не стала мелочиться и показала процесс поэтапно. Хотя ничего по-настоящему кардинального дети не задумали (точнее задумали, но Амма их сумела переубедить, и заставила ограничиться «малым»), но хватило и этого...

Сафинова сползла на пол так стремительно, что даже Хельга не успела ничего предпринять. Женщину привели в чувства довольно быстро – многоопытному куратору было не привыкать к жутким сценам, но она ещё долго тяжело дышала, вцепившись руками в грудь, словно онемевшие от испуга пальцы могли унять бешенное сердцебиение.

– Почему они нам ничего не сказали?! – резко спросила Саша.

Поступок эволэков она уже воспринимала как прямое недоверие: ставить столь серьёзные опыты не поставив в известность собственного куратора – это... это... Да, это вооб-

ще чёрт знает что!!!

– Сами и спросите, – Амма махнула на экран.

Вспыхнуло изображение: Элан и Афалия сидят на диване в комнате девушки, лица смущённые, улыбки виновато-извиняющиеся.

– Привет всем! – юноша неуверенно машет рукой, – Стало быть, вы уже многое поняли, раз смотрите эту запись. Простите, что не сказали сразу...

Доронина тяжело вздыхает:

– Простите, пожалуйста, но если бы мы выложили задуманное, то, уверена, Учёный Совет не дал бы санкцию на такое. А так... Процесс уже запущен и остановить его не получится.

Да, уж! Связь с «лисыим миром» теперь не разорвать – это всё равно, что выстрелить эволэкам в лоб!

– Вы же знаете, как медленно и мучительно идёт освоение планет, – Элан оправдывался, хоть и не любил этого делать, но понимал, как расстроятся, и даже рассердятся кураторы, – а методика изменения тел, метаболизма и прочего даст возможность сразу поселить в новый дом сотни тысяч, даже миллионы людей – возможности «прыжковых» звездолётов это позволяют!

– Конечно, остаётся вопрос этики, и личного мужества колонистов, – продолжила Афалия, – ведь одно дело нянчить детей, усилиями учёных способных свободно гулять по земле нового дома, а совсем другое менять себя! Но, мы уве-

рены, что добровольцев найдётся множество, особенно в перенаселённых мирах, которые в силу тех или иных причин не сумели удержать демографическую ситуацию под контролем.

– Вы не переживайте очень сильно, – Лис обнял девушку, – никакой фундаментальной ломки не будет, да она и не нужна, нужен первый шаг. Он укажет направление и возможность воплотить теорию в жизнь, именно для этого и был создан мир для двух лисиц, у которых мы просто заимствуем некоторые элементы.

– Марина, пойми! – Афалия с жаром взывала к своему куратору, – Мы не собираемся бросаться в омут с головой! Если что-либо пойдёт не так, то довольно простые операции избавят нас от приобретённого! Мы не хотим ставить свои жизни на кон, без оглядки стремясь вперёд, и уж тем более не хотим поставить вас, наших наставников, в неловкое положение! Не сердись, пожалуйста!

– Фух! Хоть на это у вас двоих ума хватило, – Сафинова уже не сердилась.

– Прости Оля, – Элан часто так называл своего куратора, особенно когда нашкодит, – Но вам выпадет самое трудное погружение, которое по сложности поставленных задач и продолжительности однозначно превзойдёт всё то, с чем приходилось сталкиваться раньше. Не верю я в то, что бывают лёгкие пути.

Повисла пауза и Хельга поняла, что теперь её время зада-

вать вопросы.

– Зачем понадобились такие сложности? Вы могли поделиться с кураторами, раз уж не хотели доверяться Учёному Совету!

Дальше произошло невероятное – эволэк на записи стал отвечать именно на заданный вопрос:

– Тут проблема в том, что данный опыт не имеет никакого отношения к работе эволэка, – пояснил рыжий плут, – Никто даже в обновлённом Учёном Совете не смог бы нам ничем помочь. Это как нырок в карстовой пещере – может будет воздушный карман в следующем гроте, а может и нет? Принципиально ваша предварительная осведомлённость не даёт вам ничего. Даже если бы вы не догадались, что просто смешно, учитывая ваш ум и опыт, Амма проследила бы за соответствующим питанием наших тел, ведь для трансформации нужна материя, так сказать, строительный материал.

– Допустим, – чуть заметно кивнула Ольга, – Но тогда ещё вопрос: почему космическая станция? Зачем создавать столь странный ЭМ на высокой орбите нашей планеты? Почему бы не позволить развиваться обоим лисам в более привычной среде?

Новый ответ и снова поражающая точность в предсказании:

– Нам нужна предельно жёсткая привязка к человеческой цивилизации, – ответила Афалия, – ведь мы не можем отпускать разум по-настоящему далеко – надо будет контро-

лирование формирование нового тела, вряд ли это возможно при полном погружении сознания в Эфирный Мир.

– Кроме того, – продолжил Элан, смущённо улыбаясь, – есть ещё одна задумка, по поводу использования преобразованных тел...

Как спасительница сумела отыскать их в лабиринте ходов рыжие проказники так и не поняли. Просто, проснувшись однажды, они обнаружили, что греются не теплом друг друга. Короткая шёрстка плотно прижималась к комбинезону незнакомки, которая неведомо как прокралась в нору из металла и пористого наполнителя спасающего живые тела от холода бездушной стали, обманув и острый слух, и прекрасное обоняние обоих разбойников. Девушка лежала на спине, бережно обняв лисьи шеи, а рыжие проказники устроили свои мордочки на её плечах, утомительно сопя номами.

Неожиданный визит не вызвал у Лиса никакой паники. Открыв глаза, он только повёл своей мордой, коснулся уха Лисички, и сладко зевнул. Лесавесима не спала – это можно было понять, просто прислушавшись к дыханию человека, и как только её приятель разлепил веки, девушка распахнула свои...

В эти глаза можно было смотреть хоть вечность. Лис как замороженный сидел у изголовья избавительницы не смея шелохнуться, и едва дыша, тонул в огне звёздный скоплений. Девушка только едва заметно улыбалась, но беззвучный зов заставлял нервно биться сердце, а сознание лете-

ло навстречу огненной феерии, где в вихрях пышущей жаром стихии взгляд всюду ловил картины прошлого. Ещё одна жизнь в бесконечной череде, снова та же дверь, что не раз и не два открывалась в обе стороны, то зовя в неведомые миры, то приглашая ступить на шаткий мостик, ведущий домой. Ты пока ещё здесь, но только пока, и череда удивительных превращений не остановиться, не будет конца странным пересечениям и разветвлениям дорог, и куда бы ты ни шёл, эти течения всё равно приведут тебя назад. Рано, или поздно, но ты снова окажешься у родных берегов, где так ждут возвращения волшебного корабля. Ты очень нужен там, поверь, чтобы не связывало тебя с твоими мечтами, есть нечто большее, что всё равно заставит тебя ступить именно на эту дорогу, дорогу, ведущую домой... Но, пока твоё пристанище тут...

– Отлично! – Марина широко улыбалась, глядя на реакцию Эволэков, – Крылатые сестрички стали настоящей палочкой-выручалочкой!

– Да, – согласилась Ольга, – Наши летуны не делят жизнь в Океанесе и в нашей Вселенной на две половины и не теряют себя ни там, ни тут. Не дадут «утонуть» и нашим подопечным! Блестяще!

Недели шли чередой, и кураторы перестали замечать тесноты операторских комнат, с головой уйдя в работу. Больше ста девушек и юношей так загрузили ИБИС работой, что никто не замечал смены цифр на табло – время суток, часы, да-

ты, всё превратилось в абстрактные величины, и красные огни, отсчитывающие размеренный, но напряжённый ход жизни, всё реже и реже удостаивались взглядов и вздохов, то полных радости, то разочарования, то облегчения.

– Я себя чувствую очень и очень глупо, – честно призналась Полякова, рассеянно мешая сахар в двух стаканах одновременно, – Мы, наставники, не видим горизонтов, которые видят наши эволэки.

– Да, стареем, – покачала головой Сафирова, – Я Элана не понимала. Ну, зачем, думала, ему эта военная хунта? А оно вон как...

– Именно так, – Саша подала чай обоим кураторам, – И Мирру к схватке с Сухомлиновым подготовил и проторил дорожку к полноценному статусу потомков Лесавесимы и Хильи, а теперь ещё и столь необычный симбиоз душ эволэка и его дитя в Эфирном мире!

– Как так можно просчитать всё наперёд? – не унималась Марина.

– Если быть до конца честной, – ответила Ольга, – то Элан и не особо занимается прогнозированием, а действует скорее по наитию. Намечает цели и идёт к ним, решая задачи по мере их поступления. Всё складывается как бы само собой. Наверно, это и есть то, что люди называют Судьбой.

– Как проходит формирование... эээ... лисьих частей тела, – Саша адресовала вопрос сидящей в операторской Аме.

Телесное воплощение интеллектуального стержня института не собирался забивать себе голову нормами этики и вело себя более чем просто развязано. Хотя на высочайший смотр её удалось принарядить в пристойное платье, но в обыденной жизни чертовка предпочитала разгуливать по институту в том, в чём она застала свой обновлённый материальный образ в законсервированной шахте. Фривольно развалившись в кресле (куратор постоит, насидится ещё!) девчонка-бесстыдница задрала ноги кверху, используя в качестве опоры боковой монитор, демонстрируя всем желающим их безупречность, а заодно и нижнее бельё. Сафинова, видя такой беспредел, медленно багровела от злости, в то время как Полякова внешне сохраняла невозмутимость.

– Пока всё находится в подготовительной стадии, – нехотя ответила Амма, разглядывая собственные чулки, – я наблюдаю процессы, схожие с теми, какие запускают при регенерации тканей у людей потерявших конечности. В общем, это несложно, современная медицина вырастить может практически что угодно, но вот только медицина к происходящему не имеет никакого отношения.

– Меня кое-что другое беспокоит, – Александра испытывающее смотрела на свою соратницу, – внешних изменений для опыта недостаточно. Нужна глубинная перестройка организма и жизнеспособное потомство, перенявшее от родителей нововведения, соответственно, эти нововведения должны закрепление на уровне ДНК, только в этом случае

имело смысл пробовать.

Электронная бестия закатила глаза:

– Не считайте других глупее себя. Естественно, ваши эволэки это предусмотрели. Изменения коснутся многих органов: будут выращены новые ветви кровеносной системы, нервные окончания, обострится обоняние, слух, зрение уже не будет столь беспомощным ночью, как ранее. Думаете, перестройка глаз, тончайшего инструмента зрения – это пустяк?

Полякова всё это прекрасно понимала, да и молодёжь вполне благоразумно решила ограничиться «малым», но в тоже время затронула важные струны. Риск? Да, разумеется, но оправданный.

– Дети эволэков всё равно отличаются от обычных детей, – продолжила Амма, – это установленный факт! Не мне вам рассказывать, что некоторые специфические умения им передаются по наследству. Если быть до конца откровенным, то Океанес становится их спутником жизни с самого рождения.

– Но контакт с Великой Рекой у них не так ярко выражен, как у родителей! – Возразила Марина довольно спокойным тоном, сумев побороть эмоции, – Если эмпатические способности пары эволэков принять за десять баллов, то у потомства он равен три-четыре балла, не больше, а дальше, зачастую, от поколения к поколению идёт затухание. Иными словами, закрепить это в ДНК не получается.

– Не всегда получается, – уточнила Хельга, не переставая работать с гантелями.

Долгое прозябание в закрытом помещении даже для киборга чревато атрофированием мышечных тканей, так что, приходилось хоть несколько раз в день гонять себя в немногие свободные минуты. Но диалогу это не мешало:

– У пары Волдан-Даката дети и внуки стали прекрасными эволюэками именно благодаря полученному наследству!

Эта легендарная пара действительно основала настоящую династию контактёров, уже в пятом поколении показывающую прекрасные результаты, хотя и Волдан и Даката относились к категории крепких середнячков – не было особых недостатков, но и особых достоинств то же не замечалось. А вот потомки устойчиво входили в первую десятку, и представительница самого молодого поколения, Луколи, посеяна под седьмым номером и выполняет очень сложное задание – масленичная культура, в основу которой положен подсолнух. Судя по уже имеющимся данным девочка справляется с работой на отлично. Впрочем, как всегда.

– Ну, будем надеется, что нашим прохвостам так же повезёт, – тяжело вздохнула Саша, загоняя страх поглубже.

Боялась она даже не столько возможных осложнений при перестройки организмов своих неуёмных экспериментаторов, сколько выяснения отношений с их роднёй – рыжему плуту и его подружке отцовские ремни точно мягкие места разукрасят... Ну, а потом достанется и руководству инсти-

туда, в том числе и ей...

Уже чуть ли не каждую ночь сны не приносили им долгожданного отдыха. Души тоненькой струйкой невесомой матери тянулись в далёкий мир к знакомому и незнакомому одновременно месту и ещё более странным созданиям, населяющим этот забранный в стекло и белоснежный, словно скованный стужей кокон.

Лис и Лисичка узнавали в чёрных как смоль фигурах, свернувшихся калачиками прямо на полу, самих себя, хотя тела поразительно походили на спасительницу со звёздными глазами, и не имели ничего общего с привычным образом хвостатых разбойников. Что-то заставляло их осторожно касаться этих неуклюжих двуногих тел, будить в них что-то потаённое, то, что они уже давно забыли...

Поначалу слабый отклик вызывал лишь отчаяние, и желание бросить бесполезное занятие, но Лесавесима настойчиво каждый раз звала их в дальнюю дорогу, безошибочно прокладывая маршрут сквозь удивительные миры в эту тесную коморку, за прозрачной стеной которой маяком горели знакомые по прошлой жизни души. Под их пристальным взглядом лисы эфирными облаками дурмана, ежась от страха, снова и снова пробуждали в пустых оболочках первобытное начало, будоража их своими сладкими обещаниями новых горизонтов и удивительных открытий.

Откуда это желание поделиться наслаждением от создающих с ума запахов? Откуда страстное стремление по-

дарить им песнь, что поёт каждая капелька воды? Откуда жажда дать увидеть всю красоту небес, показать всю сложную вязь путей облаков газа, странствующих сотни тысяч лет меж миллионов светил? Почему это так важно, показать пути, ведущие к самым далёким звёздам, что выдают себя едва заметными огоньками?

Но ещё более странной и пугающей предстала в своём облике Лесавесима, не оставившая своих друзей и в этом странном месте. Куда девалась стройная девушка, с присутствием которой лисы уже успели привыкнуть?

Огромное существо, даже спящее беспробудным сном, вселяло трепет в их души. Мощь и сила, гордость и красота, ждали пробуждения. Так же терпеливо и с такой же уверенностью ждёт прихода весны стылая, укутанная снегами земля. Тепло обязательно вернётся, снова заголосят ручьи и птицы, снова зелёный ковёр накроет грязь, и жаркие лучи подарят покой и душе, и телу. Так будет.

Лесавесима призраком кружила рядом, внимательно следя за Лисичкой и Лисом, и только иногда сквозь её железную волю пробивалась тоска по былому и в резонанс этой тоске дрожали огромные крылья и веки спящего дракона. Один шаг, один синхронный вдох и распахнуться глаза, один удар сердца и можно будет снова подняться к облакам.

Не сейчас... Ещё рано...

На крошечном капитанском мостике «Акулы» воцарилась гробовая тишина: два астронавта, вскрыв электронный пакет с заданием, были более чем просто удивлены, или озадачены.

– Это что, шутка такая? – Валера бросил быстрый взгляд на своего напарника.

– Едва ли, – ответил тот, – Мы с тобой подписались на очень рискованный эксперимент, но, видимо, наверху решили всё же не рисковать нашими жизнями.

От такого поворота событий космонавт взорвался:

– Но ведь ещё неизвестно, будет ли вообще хоть что-то?!?!

План менялся на ходу. Им, как и ранее, предстояло вывести корабль в определённую точку пространства, и ждать. Сколько? Никто не знал. Недели четыре, а может месяца два – даже Учёный Совет ИБиСа не брался предсказать дату выхода эволэков из погружения. Теоретическая модель рассчитана, и всё должно случиться в назначенное время, но непредсказуемый Океанес горазд на сюрпризы, и двух смельчаков сразу попросили не надеется на планы, а набраться терпения. Но это ладно. А вот почему сразу после разгона «Акулы» им теперь предписывалось покинуть борт на мощном челноке класса «Ладья» и рвать на максимально возможной скорости точно противоположным курсом?..

– Слушай, Валера, не шуми, – взялся урезонивать своего товарища штурман, – ты же видел предполагаемый сценарий!

Пилот осёкся. Лучше бы не видеть...

Когда им прислали приглашение на приём к Императрице Денис Холодов и Валера Слюсаренко очень удивились – с чего это вдруг владычице захотелось побеседовать со скромными тружениками внутренних линий? Но, естественно, откликнулись.

Во дворец прибыли уже под вечер. В рабочем кабинете собралось всего пятеро участников ночных посиделок: Анна Сергеевна, два космонавта, то есть они сами, и совсем ещё молодой юноша, которого оба странника космических просторов узнали сразу.

Перед ними был ни кто иной, как эволэк Элан, уже достаточно известная личность, в немалой степени благодаря самоотверженности которого был спасён целый мир, планета Измер. А уж после Кризиса, попытки злодеев уничтожить ИБиС, когда молодёжь под его руководством сломала все планы негодяям, портрет этого военного лидера эволэков не сходил со страниц газет, журналов и выпусков новостей.

Ещё одной колоритной фигурой была женщина-киборг Ольга, погибшая в схватке с бандитами, но ныне воскресшая куратор Института.

Первое что насторожило Валеру и Дениса – это спокойное деловое общение Императрицы и её протеже. Об открытом конфликте Анны Второй и спасителей института было прекрасно известно. Как ни старались скрыть, но их напряжённый диалог перед воротами дворца стал достоянием гласно-

сти. Чем конкретно было вызвано чудовищное напряжение, чуть не вылившееся в открытое столкновение между эволюками и гвардейцами толком никто не знал, но претензий к правящей династии у молодёжи явно было немало.

Тем страннее была вполне непринуждённая атмосфера вечера. Рыжий плут тепло поздоровался с прибывшими, и Анна Сергеевна после дежурного угощения гостей чаем перешла к делу.

– Я предлагаю Вам, очень опытному экипажу, поучаствовать в необычном деле, – она загадочно улыбалась, и немного смущалась одновременно, – Откровенно скажу, то, что вы сейчас услышите и увидите, может показаться в лучшем случае не очень научной фантастикой. Элан, расскажи, пожалуйста, суть идеи.

Тот подошёл к голографическому проектору, и, краснея от неловкости, выдал:

– Не подумайте, что мы сумасшедшие, но вот, что нужно проверить...

Следующие полчаса космические волки, потеряв от изумления дар речи, только слушали тезисы выдвинутой теории. Начал юноша издалека, описав особенности погружения в Океанес, заострив внимание на выходе сознания контактёра из ментальной реки и на тех явлениях, которые этот выход сопровождают, и совершенно неожиданно сцепил в единое целое космические путешествия и трудно объяснимые на человеческом языке феномены из собственной практики.

Очень быстро и Денис и Валера поняли, куда клонит рассказчик.

– Это голые домыслы, – довольно резко ответил вечно прямолинейный Слюсаренко, когда эволэк набросал последние штрихи, – нет вообще никаких гарантий что это работает.

– Именно, – Элана совершенно не задел ни тон, ни явное пренебрежение, – И это надо доказать.

– Если выдвинутые постулаты – глупость, – вмешалась Хельга, – что ж! Отрицательный результат – то же результат! Но если здесь есть рациональное зерно, то было бы глупо не попробовать, разве нет?

Пилот и штурман переглянулись, на лицах немой вопрос: это параноидальный бред, или просто фантазии юнца, заболевшего «звёздной болезнью», и уже неспособного отличить реальность от выдумки? Правда, поддержка киборга класса А-1 заставляла сомневаться в собственных сомнениях – аналитические способности королевы электронной вселенной весьма высоки, и просто так трепать языком она не станет. Но если всё подтвердиться, то....

Вырвавшись из нахлынувших воспоминаний, Валера махнул рукой:

– Ладно, так, значит так.

* * *

Везение раньше или позже может кончиться, и парочка закадычных друзей имела несчастье убедиться в этом. Сколько сменилось ярких солнечных дней, сколько ночей, полных очарования звёздного неба, или неистовства штормов они пережили вместе, сколько раз, играя со смертью, уходили от опасностей! Доигрались...

День начался как обычно и стайка летучей рыбы весёлой гурьбой, наперегонки с невысокими волнами прилива, мчалась к берегу. Он манил тёплой водой и богатой пищей, и друзья-подруги в эти благодатные дни не упускали ни одной возможности побаловать себя разносолъем.

Литаны то скользили в воздухе, то ныряли в воду, сбрасывая излишки тепла, и снова рвались вверх, туда, где плотный газ позволял без особых усилий стремительно мчаться вперёд. Хорошо знакомый маршрут не таил никаких опасностей. Даже мели, чьи бесчисленные клыки рядами акульных зубов преграждали дорогу не вызывали ни страха ни сомнений – странники морей слитной массой поднимались над границей моря и камня, живыми стрелами резали воздух, сбивающий с плавников-крыльев мириады брызг, и снова окунались в родную стихию, оставляя за спиной созданные природой крепостные стены.

Так было всегда, так было и сегодня...

Литан даже не уловил момент, когда случилась беда, просто вырвавшись из объятий солёной воды, с не проходящим восторгом скользнул взглядом по быстрым телам сво-

их соплеменников, и...

Как зебры по одним им понятным, мельчайшим изменениям рисунка полос безошибочно узнают своих родных, так и он по одним ему видимым признакам не нашёл в весёлой стае свою закадычную подругу. Взгляд несколько ударов сердца метался по телам парящих слева и справа рыб, слясь разглядеть такие знакомые черты. Ничего. Нет неподражаемых переливов цветов, тёмно-зелёного на спине и небесно голубого на брюшке, не видно излома кончика левого крыла, что неосторожно испробовал когда-то на прочность морское дно...

Литан резко крутанулся в воздухе и почти вертикально вошёл в воду, не без труда избежав столкновения с камнями, и бросился назад. Запах, что оставили сородичи в воде, быстро таял, разгоняемый приливом, но, к счастью, решающие минуты ещё оставался достаточно сильным, и он не сбился с курса. Забыв про несостоявшийся завтрак, Литан метался между отмелями, высматривая свою подругу и с воздуха и под водой. Время бешено мчалось, словно стремясь обогнать испуганный ритм сердца, дорожка знакомого запаха истончалась, по мере того как неугомонные волны гнали всё новые и новые массы воды к берегу. Он уже начал отчаиваться, но очередной короткий бросок через каменную грядку вознаградил старание сполна – в предательской трещине бездушной глыбы солнце всего на миг блеснуло на чешуе...

Когда он выбрался на сушу, и отчаянно работая плавниками, сдирая чешуйки с собственного брюха, добрался до расщелины, тут же понял, что дело плохо. Литана, видимо столкнувшись в воздухе с кем-то из собратьев, рухнула в разлом. Отполированная штормовыми волнами ловушка не изувечила её тело, не сломала плавники, но... Увидев своего друга она рвалась вверх, а скользкий, покрытый мельчайшими водорослями камень, насмехаясь над её потугами, не пускал жертву – раз за разом Литана соскальзывала на дно колодца...

Так уже было когда-то. Отчаянное желание выбраться из каменной могилы и помочь Ему! Так же неуклюже она рвалась вверх, но увечья не пускали, оставляя только страх за ушедших в смертный бой товарищей, и рык сквозь слёзы на собственно бессилие. Она, как когда-то, рвалась вверх снова и снова, но коварный капкан не пускал жертву... Всё, как тогда...

Лариса дышала так, будто только что разгрузила фуру с арбузами. Не замечая ничего вокруг, даже примчавшихся по тревоге медиков и Амму, она с ужасом смотрела на экраны. Эхо. Попавшаяся в безвыходную ситуацию душа Мирры там, в Эфирном мире, вспомнила своё прошлое – бой в каменном мешке, падение, сломавшее ей спину, ставшее вдруг таким непослушным тело, отчаяние, душевную боль. Якорь подразумевал гораздо более тонкую работу, скольжение по грани между осознанием себя и необходимостью прожить жизнь в

теле другого существа, но не такое!

– Драбкина!!! Что застыла?!?! – телесное воплощение Аммы отвесило куратору такой подзатыльник, что несчастная женщина чуть не упала лицом на терминал, – Решай, же!!!

Это привело её в чувства, а обижаться, и выяснять отношения было некогда. Вариантов два. Первый – это медицина, мощнейшие стимуляторы гасят сознание, и ставят блокаду, в надежде, что потом удастся достучаться до контактёра. Стандартная процедура, вполне оправдавшая своё применение, хотя заканчивается не всегда хорошо. Второй вариант вроде как размеренно сопел носом в боксе, отгороженном от девушки-эволэка эластичной сетью. Хилья.

Лариса метнулась от одного экрана к другому. Её подопечная в ЭМ после ряда попыток выбраться наверх явно бросила бесполезное занятие, и теперь просто сидела во впадине, а её приятель оседлал гребень, и ждал, будучи не в силах чем-то помочь своей подруге. Эхо спало, но не ушло – Мирра в белоснежном зазеркалье перестала биться, но дёрганные движения и по ту и по эту стороны реальности подсказывали, что кошмар может повториться в любую секунду.

– Ждём Хилью! – выкрикнула куратор, и медбригада, уже было бросившаяся к двери в «аквариум», застыла как вкопанная.

Так заведено. Она куратор и ей сейчас решать, чему быть, а чему нет. Какие бы приказы не отдавал наставник эволэка,

его выполняют беспрекословно все, и лаборант, и Председатель Учёного Совета, но и ответственность за жизнь девушки несёт она.

– В конце концов, – сглотнув ком, выдавила Лариса Константиновна, – крылатая сестричка за этим туда и послана...

Солнце поднималось всё выше и выше. Вместе с его неудержимым бегом поднималась вода гонимая невидимым в ослепительном солнечном диске спутником планеты, и обе рыбки терпеливо ждали, когда, наконец, полагая зыбь оседлает вершину каменной гряды, заполнит собой разлом, ставший ловушкой для Литаны, и выпустит пострадавшее существо на волю. А страдала она нешуточно – жаркие лучи нагрели тело, и даже каменная твердь дышала жаром.

Литан помогал, как мог, загоразживая провал собственными плавниками, и терпел, пока становилось совсем невозможно. Но в воду он позволял себе окунаться редко, только чтобы сбросить излишки тепла, ведь они быстро накапливались в теле, и снова занимал своё место, защищая подругу от немилосердных лучей светила. Собственно, его самоотверженность, да небольшая лужица на дне разлома, были единственными причинами, по которым Литана не сварилась в собственном соку. Каждый удар сердца приближал заветный миг – волны всё сильнее и сильнее захлёстывали каменные зубы, готовясь заполнить капкан своими пенными потоками, вселяя надежду в измученных жаром друзей, но всё благополучно разрешилось и без их участия.

По мелководью, уверенно разрезая беспокойные воды, что ручьями и речушками прокладывали себе дороги в скальных нагромождениях, шагало странное двуногое существо. Оно не скользило на предательских камнях, безошибочно находило твёрдую опору, пальцы ступней экзоскелета с такой силой впились в камень, что даже удары волн были бесильны пошевелить колосса.

Обе рыбки замерли, когда механическая громада замерла над ними, заслонив пол небосвода.

Литан не знал, что и делать. Одна его часть требовала спастись бегством, другая никак не желала расставания со своей верной спутницей, готовая принять любую расплату за упрямство, пусть даже и смерть, но было и ещё кое-что, что не позволило ему скатиться в воду, и дать дёру в панической попытке спасти собственную шкуру. Её глаза.

Он готов был поклясться, что уже когда-то очень давно видел их. Два бездонных океана вместивших в себя мудрость и укор, радость и печаль, силу и ранимость. Он уже видел их, но... Где и когда?..

Женщина с медовыми глазами управляла шагающей машиной так, словно они родились из одной утробы и с самого первого вдоха были неотъемлемой частью друг друга. Собственно, передвигаться иначе по поверхности планеты, сила тяжести которой очень сильно превышает привычные значения иначе не получится. Гравитация и без того давила каждый день, заставляя сердце бешено стучать да-

же при небольших нагрузках, и похожее на огромного богомола чудо техники оказалось настоящей палочкой-выручалочкой. Принимая нервные импульсы от мозга, оно позволяло передвигаться на довольно большие расстояния, не разрывая от натуги собственные мышцы и сухожилия, не калеча суставы и кости, такие прочные на вид.

– Что такое, рыбка, никак не выбраться?

От её голоса оба покорителя океанов заметно вздрогнули, но даже тот, что не попался в созданный самой природой капкан, не сделал попытки спастись в бурных водах прилива.

– Тише, тише, – уговаривала женищина пленницу, бережно сжимая механические ладони.

Вся сила серво приводов, способная раскрошить в песок и щебень самый твёрдый камень в её умелых руках превратилась в нежные руки заботливой матери, которая с величайшей осторожностью подняла из ловушки собственное дитя...

Хельга хохотала от души, глядя на одревеневшее от полного ступора лицо своей коллеги – Лариса не могла поверить во всё случившееся. Сначала «чудесное спасение» двух рыжих разбойников в «лисьем» ЭМ, а теперь ещё и на эфирной Эликомо попавшую в беду бойцовскую рыбку удалось без лишних осложнений заставить окунуться в привычную среду обитания.

Драбкина прекрасно понимала, что они сумели найти ещё

и панацею от излишне острой обратной связи, которая часто является причиной образования Эха – самого опасного явления, без преувеличения ставящего эволка на грань физического выживания. Именно в моменты критического положения вещей в Эфирном мире, когда контактёр, а точнее его ментальная проекция, попадает в сложную ситуацию, и происходит прорыв человеческого Я в Океанес.

Стремление выжить любой ценой будит в человеке инстинкты, пробуждает невероятную силу, добавляет остроты реакции, нередко позволяя на волосок разойтись со смертью. Эта звериная сторона обычно спит где-то в глубинах сознания, и проявляет себя в стрессовых ситуациях: на войне, стихийных бедствиях, техногенных катастрофах, заставляя хрупкое тело драться с невероятным упорством за самую возможность дышать. Любой человек, прошедший по лезвию ножа подтвердит правоту этих слов.

Но с эволэком всё иначе. Отдавшись звериной природе, чему-то первобытному, он с трудом воспринимает взрывное пробуждение собственной человеческой сущности. Результат нередко плачевный – Лариса Константиновна на заре своей карьеры потеряла одного подопечного, а уж сколько видела «уходов» у своих коллег...

Сеть, связывающая операторские кабины, гудела растревоженным ульем – естественно, весть о произошедшем вмиг облетела всех кураторов, подняв на ноги даже тех, кто позволил себе немного расслабиться и подремать прямо на ра-

бочем месте.

– Мы с Эланом, Лесавесимой, покойной Ханнеле, и Хильей ещё до кризиса обсуждали в общих деталях возможность использовать дитя, уже зрелого, сформировавшегося, как наши крылатые сестрички, для гашения возникающих в Эфирных мирах кризисных ситуаций, – взялась разъяснить Хельга, отправив своё изображение и голос всем желающим слушать.

Сама женщина ловила своё изображение и не могла не видеть различий между собой и остальными кураторами: многие коллеги уже выжаты, как лимоны. Хельга, же, напротив, как и положено киборгам была полна энергии и целеустремлённости.

– С появлением Якоря, – продолжила она, – в том числе и его начальной стадии, Знаках, помещённых в ЭМ, проблема борьбы с «эхом» и притупилась и обострилась одновременно.

– Да, – согласилась Амма, беспардонно поправляя нижнее бельё прямо перед камерой, – С одной стороны, постоянное столкновение со Знаками ненавязчиво подталкивает эволюцию к мыслям о человеческом бытии, что делает реакцию при Эхе не настолько острой как раньше.

Что-то явно не ладилось с гардеробом, и электронная чертовка уже совсем бессовестно задрала короткую юбку, внимательно рассматривая трусики, и закружилась на месте, поворачиваясь к зрителям то передом, то задом, беспрестанно.

но вертя головой. Кто-то от такого бесстыдства покатился со смеху, кто-то мученически закатил глаза, прося Небеса избавления от страданий, кто-то одними губами передавал чертовке нецензурную брань.

– Но с другой, – как ни в чём не бывало, продолжала бесстыдница, – до изобретения Якоря полный отказ от собственного Я возводил труднопреодолимый барьер на пути спонтанного всплытия, хоть это и почти без исключений приводит к очень тяжёлому выходу из Погружения...

Прервав речь, Амма скривилась, словно сжевала стакан соли, и, прорывав: да будь оно не ладно, стащила с себя трусики, со злостью швырнув не приглянувшуюся вещицу в угол операторской, и с облегчением рухнула на стул.

Тут уже ИБиС чуть не раскололо от атомного взрыва гомерического хохота. Натянутые нервы живых людей требовали эмоциональных разрядок, а Амма давала множество поводов и стравить пар и посмеяться над её чудачествами.

Когда, обессилив, волны смеха пошли на спад, и кураторы, вытирая слёзы, наконец, стали приходить в себя после бурного веселья, Хельга подхватила мысль:

– В случае с Литаной-Миррой, конечно, ничего по настоящему опасного не было – приливные волны заполнили бы разлом, и наша рыбка снова оказалась бы на свободе.

По мониторам пробежали красочные трёхмерные картинки, воспроизводящие то, что бы случилось не получили попавшая в беду эволэк «нежданной» помощи. Действительно

капкан не был безвыходной западнёй, но послужил катализатором мощного Эха.

– Проще говоря, – взяла слово Анастасия Парфёнова, уже зрелая женщина, куратор Диолеи, – крылатые сестрички стали, так сказать, духовными защитниками эволэков?

– Именно, – утвердительно кивнула Амма, смакуя какое-то пойло личного изготовления.

С недавних пор она получила возможность наслаждаться прелестями бытия, и, казалось, стремилась наверстать всё упущенное за столетие прозябания в своей замкнутой электронной вселенной. Но беседа её занимала больше:

– Если Эфирные миры принять за некую совокупность... э-э-э... высокоэнергетических субстанций, то многое происходящее в них получает очень логичное объяснение. Есть душа эволэка, и есть то, что можно назвать сопутствующими эфирными образованиями, которые помогают ему жить в ЭМ. Это воздух, которым можно дышать, вода, которую можно пить, еда, свет, тепло – все они двигают эволюцию ментальной проекции вперёд.

– Но есть и обратная сила, – подхватила Люда Захарова, – такая же совокупность эфирных субстанций, которые мешают нашим подопечным, в частности те, что образовали разлом-ловушку для Мирры!

В принципе, это дано известные вещи, но... Именно свежая волна, в частности наблюдения Хельги за пробой Яко-ря, позволили ибисовцам разглядеть ещё одну возможность

помочь юным храбрецам в их опасном путешествии по волнам Великой Реки. Это была практически целиком её идея – Элан даже не подумал использовать способности Хильи и Лесавесимы столь необычным образом. Рыжего плута интересовали более земные проблемы: сестрички должны были стать, и стали, прекрасными бойцами, во многом благодаря самоотверженности которых и удалось спасти институт. Но зря куратор неугомонного Лиса корила когда-то себя за некомпетентность – именно она и подтолкнула мысли людей на неожиданную в своей простоте дорожку.

Всё произошло практически случайно. Ольга припёрла своего подопечного к стенке, пытаясь добиться от него вразумительного ответа: как и почему в ЭМ, где создавались сёстры-двойняшки, оказалась она, любительница водных процедур, и Элан-второй, пилот планера. Иригойкой честно пытался грамотно формулировать ответы, но из этого мало что вышло, зато куратор ухватила другую ниточку, и на очередных посиделках у камина выдала такую идею, что у ветеранов погружений пропал дар речи.

– Если принять во внимание тот факт, что природа Эфирных миров до сих пор остаётся загадкой, – Драбкина уже оправилась от шока и включилась в дискуссию, – то да! Раньше эволэкам приходилось самим выкручиваться из опасных ситуаций, и хотя они не гибли, но проснувшееся человеческое Я рвало связку ОЧК, и душа контактёра нередко уходила в Океанес совсем! Но теперь есть возможность дать им

духовного защитника!

– Невероятно! – выдохнул кто-то.

– Может тогда есть смысл первое погружение новичка тратить именно на создание защитника? – Полякова уже мыслила не как куратор, а именно как член Учёного Совета. – Раз уж Якорь увеличивает количество относительно безопасных погружений в разы, то с нас не убудет!

* * *

Жизнь разбойников пошла на лад. Уже не приходилось тайком пробираться в кладовые – девушка со звёздными глазами изо дня в день угощала их всякими вкусностями, и лисицы всё больше и больше проникались к ней симпатией.

Они вместе играли в пустых коридорах в догонялки, и прятки, вместе коротали часы отдыха, грея друг друга собственными телами, а когда случались даже недолгие разлуки хвостатые забияки сильно тосковали, и очень радовались новой встрече.

Уже не надо было опасаться – Лис с Лисичкой при появлении других двуногих только плотнее прижимались к своей избавительнице, иногда прятались за спину, но люди, завидев Лесавесиму, только улыбались, беседовали с ней о каких-то непонятных вещах, а рыжих воришек только с любопытством рассматривали, не пытаясь ни прогнать, ни тем более обидеть.

Им было хорошо втроём. Дни проходили в чередё весёлых игр, невероятных историй, которые девушка рассказывала своим новым знакомым, необыкновенных песен, которыми баюкала уставших лисиц, и те засыпали...

И снова душа Лесависимы звала их за собой в далёкий и почти забытый мир, в котором, скованные ледяным сном спали два неуклюжих, как и все двуногие, существа. И снова Лисичка и Лис тянулись к ним, будили песней, кружили хороводы, и звали, звали, снова и снова. Они зывали к иной стороне их сути, к той, которая никогда не просыпалась по-настоящему, лишь иногда мелькая в непроглядной тьме закоулков человеческой души.

Отзывы каждый раз приходили по-своему. В начале, словно своенравные особы знатного происхождения, не желающие общаться с простолюдинами, они ворочали носы от тихих эфирных голосов и странники Реки получали долгожданный ответ только в самом финале, когда Лесавесима уже не менее настойчиво звала их назад, в привычный мир орбитальной станции, забранный в холодный металл. Но с каждым разом их упрямство делало хоть небольшой, но всё же уверенный шагжок назад, и Лис с Лисичкой каждый раз всё глубже и глубже проникали в тайники их бытия.

Их проводница всегда была рядом, и не только торила одной ей известным способом дорожку в это странное место, но и внимательно следила, чтобы их пребывание не оказалось слишком долгим.

Так же было и сегодня. Привычный хоровод, замыкающий два круга восьмёркой, ещё более ясный отклик своих полузабытых половинок, и ещё большее недоумение, адресованное Лесавесиме.

Зачем мы тут? Зачем это делаем?

Так надо. Когда вы оба вернётесь сюда, то узнаете себя, соединившись в одно целое.

И они ей поверили, отдавшись сладким обещаниям, божественной песни и волшебной мелодии.

*В его сердце стучит барабан
Заглушая внешние звуки
Заставляя в бешеном ритме
Двигаться ноги и руки.*

*Её сердце – виолончель
И струны натянуты в нём,
Их то гладят, то дёргают пальцы
То терзают упругим смычком.*

Отбросив все сомнения, они снова закружились в волшебном танце, и, вторя их беззаботному веселию, так же плавно и легко плыли в воздухе их половинки, не разжимая рук, и все четверо улыбались друг другу.

Я сижу и не знаю, что делать,

Ощущениями пьяна я
Слушаю музыку ветра
И музыку странного сна.
Начинаю наружу рваться
Нарастают звуки опять, но
Дрожит мой голос, и пальцы
Неспособны всё передать.

Её сердце похоже на флейту,
Сквозь него сжатый воздух проходит,
Открываются и закрываются
Дырочки в тёплой плоти.

Ему хочется петь очень нежно,
Но всё получается басом,
Вибрирует кровь по струнам,
Гудят и пульсируют фразы.

Я сижу и не знаю, что делать,
Ощущениями пьяна я
Слушаю музыку ветра
И музыку странного сна.
Начинаю наружу рваться
Нарастают звуки опять, но
Дрожит мой голос, и пальцы
Неспособны всё передать.

В эти бесконечные мгновения они забывали обо всём. Отточенные движения эфирных гостей отдавались эхом в живых телах, и те, вспомнив и приняв родные души, радовались их возвращению после столь долгой отлучки. Четыре души, двух лисиц и двух людей, и удивительной проводницы со звёздными глазами, в унисон пели гимн перемен.

*Гитара звенела так громко, что
Не было слышно крика,
Ведь боль от последней капли
Всегда поёт очень тихо.*

*Давили на слабые кнопки
И нежно играли со скрипкой,
И я боюсь, что не скрыть мне
Дурацкой, странной улыбки.*

*Я сижу и не знаю, что делать,
Ощущениями пьяна я
Слушаю музыку ветра
И музыку странного сна.
Начинаю наружу рваться
Нарастают звуки опять, но
Дрожит мой голос, и пальцы
Неспособны всё передать.*

Стихла, будто устав, флейта, скрипка своим резким голосом ещё провожала утихающие ритмы фортепьяно, умолкали тамтамы, и белоснежное зазеркалье снова опустело, отпустив двух лисиц и их провожатую в странный мир, наполненный светом далёких звёзд и стужей вакуума.

Будь в операторских два человека, и бригада дежурных медиков получила бы себе на голову вдвое больше забот и хлопот, а так приводить в чувство пришлось только Сафирову – Хельги всё ни по чём!

Пробой можно было вписывать в учебники, но оба куратора прекрасно понимали, что это не классический случай лёгкого прорыва Океанеса в наш мир – эволэк, вне зависимости от мастерства и опыта, в погружении такого отплясывать не может. Отплясывать в самом прямом смысле слова.

Когда Элан и Афалия с запредельной синхронность поднялись с белоснежного пола, и, подчиняясь не слышной в этой вселенной мелодии, закружились в танце, демонстрирую невероятную пластику и совершенство движений, Марине Евгеньевне от такого зрелища стало плохо. Многоопытного куратора, казалось, уже ни чем удивить невозможно, но сорвиголовы снова продемонстрировали правильность поговорки: ученику часто мешает авторитет тех, кто учит.

И куратору, стремительно бледнея, только и оставалось, что с изумлением смотреть на жуткий беззвучный танец закованных в смоляные костюмы фигуры эволэков. Воздух за-

густел и кружил голову запахами вина, часы словно сошли с ума, замедлив бег, растягивая каждую секунду, казалось, в вечность, и несчастная женщина медленно опустилась на пол – колени предательски дрожали и уже не держали одеревеневшее тело, а из груди с хрипом рвались не то вдохи и выдохи, не то стоны.

И хотя танец за стеклом не длился бесконечно, а Марина просто невероятным усилием воли сумела под конец взять себя в руки, но эскулапы всё же почтили их пенаты своим присутствием – даже укол пришлось сделать, чтобы сердце не шло в разнос, в унисон с расшалившимися нервами.

– Они оба были тут, – хрипло, но с непоколебимой уверенностью заявила Сафирова, глотая один стакан холодной воды за другой вперемешку с таблетками.

– Думаю, ты права, – согласилась Хельга, – А я-то голову ломаю – что за странные всплески эмпатии в их телах? Всё гадала над их периодичностью, а тут, оказывается, это просто наши непоседы почтили нас своим присутствием. Интересненько.

Она ещё раз окинула взглядом утихомирившихся лицедеев – доведя живого человека до предобморочного состояния, оба эволэка тут же снова улеглись на пол и застыли, словно и не было никого безумства жуткого танца. Аквариум снова окутала тишина – нет больше шёпота почти беззвучной поступи, рисующей на полу безупречные па, не шумят приводами сунпорты, танцую под белоснежным потолком в такт

с человеческими телами. Только шёпот свежего воздуха, и мерное дыхание девушки и юноши.

Пройдясь до мусоровода, киборг отправила в утиль приготовленный утренний кофе с молоком: никто толком не знал почему, но молочные продукты на дух не переносили прорывы ментальной вселенной и вмиг теряли все свои замечательные свойства, превращаясь в опасную отраву.

– Неужели их присутствие становится катализатором всех процессов, – Марина ни как не могла успокоиться, ломая голову над метаморфозами, что происходили у неё прямо на глаза.

Она снова и снова прокручивала запись, и как загнанная волчица металась от одного монитора к другому, пока те, безучастные к её отчаянию, с холодной трезвостью демонстрировали «выступление артистов».

Хельга хоть и не прерывала потуг своей коллеги, но со знавала их бесполезность – она уже проанализировала данные и снова, как и во время сопровождения первого погружения, констатировала собственное бессилие. С точки зрения логики и знаний об устройстве Вселенной она не могла предложить ни единой здоровой версии, и осталось только лишь следовать на поводу событий, надеясь, что понимание придёт потом. Всё-таки, у неё есть одно преимущество – вечная жизнь, лишённая многих дорогих сердцу живого человека вещей, но зато бесконечная, как Космос.

Элан не раз и не два высказывал сомнения по поводу воз-

возможности перестройки тела эволюка, и кристалл электронного сознания куратора подтверждал правоту этих сомнений, но... Случилось что-то, что заставило подопечных передумать. Вот только что?

Не Книга Вакона – это точно. Сёстры Амидел и Манитса, добровольно ставшие основой алгоритма? Да, возможно, но сама суть процесса кардинальной ломки собственного организма до сих пор осталась тайной за семью печатями, даже Учёный Совет ИБиСа по-прежнему пребывал в неведении. Вот и встал перед Эланом и Афалией вопрос без ответа: как они это сумели? Естественно, всё это подразумевало, что рассказ императрицы – правда, а пара энтузиастов явно верить никому на слово не спешила, пусть этот кто-то и представлял правящую династию Империи Аврора-2...

* * *

«Акула», расцвеченная гирляндой бортовых огней, замерла в готовности, но команды никак не поступало, и два космонавта уже откровенно скучали. Перепроверив по много раз системы корабля, они уже вынуждены были сами себе придумывать занятия.

Новый день не принёс долгожданных вестей с далёкой планеты, так что, рабочая лошадка грузовых трасс осталась болтаться в космосе между Палладой и Новой Россией, выстроившихся почти точно в одну линию вместе со светилом.

Валера и Денис, дабы скоротать ещё один условный день (в космосе разделение суток на ночь и день всегда условно), устроили себе прогулку на «свежем воздухе».

Под брюхом корабля словно образовался гигантский длинный нарост, обезобразив бузепрочно-стремительный силуэт корабля – ёмкость с рабочим телом атомного двигателя. Именно она и стала объектом пристального внимания этим утром. Больше в «Акуле» проверять особо было нечего, а вот многие километры швов огромного бака давали широкое поле для деятельности. Теоретически, приборы меряют температуру, плотность и давление РТ, и должны сигнализировать об утечке, если таковая есть, но обязательно проводились и визуальные осмотры, просто на всякий случай.

Две закованные в скафандр фигуры, словно крались, скрытые резкой тенью корабля, вдоль бульбы носового обтекателя бака. Неспешно, шаг за шагом, чётко фиксируя ноги на поверхности, позволяя магнитным подошвам плотно присосаться к металлу, они шли вдоль видимого только приборам шва, постепенно approaching к линии терминатора, месту, где могильный холод космоса уступал место испепеляющей жаре безвоздушного пространства.

– Слушай, Денис, – пилот как всегда был нетерпелив и словоохотлив, – что это за зов такой?

Холодов дёрнул его за фал, что связал обоих путешественников:

– Забрало закрой! – довольно резко одёрнул штурман сво-

его пилота.

В космосе нельзя расслабляться ни на миг – забудешь опустить световой фильтр, и всё, яркие лучи вмиг выжгут сетчатку глаз. Слюсаренко на окрик не обиделся, хоть и сам был на чеку, но лишних предосторожностей в их деле не бывает.

Они вышли на свет, и лучи Авроры вцепились в белоснежные скафандры, в бессильной попытке добраться до хрупких человеческих тел.

– Насколько я понял, – уже спокойным тоном ответил Холодов, – Это просто сгенерированный электронный поток, который достигнет сознания эволюков. Зов дитя, так это называется, используется для облегчения выхода из погружения.

Он медленно вёл массивным на вид, но лёгким, как пёрышко в невесомости газоанализатором вдоль шва, чьи показания стабильно показывали «ноль» – целостность бака не нарушена. В наушниках слышалось сдавленные смешки Валеры:

– Если ничего не выйдет, то я про этот полёт и рассказывать никому не стану – засмеют!

Вечно серьёзный и довольно молчаливый Денис поддержал шутку:

– Я семье тоже наврал в три короба – сказал, что полечу на верфь Паллады принимать буксир после ремонта.

Тут уже оба зашлись смехом, и волны понесли их безудержное веселье в бесконечность залитого светом про-

странства.

* * *

Решение иначе как глупым и назвать было трудно, и Амма не замедлила воспользоваться ситуацией:

– Бог мой! – телесное воплощение электронной бестии выдала своё присутствие так неожиданно, что Сафинова и Полякова почти отпрыгнули в стороны.

Три заговорщика столпились над лежащими на полу эволюэками, причём те почивали в довольно странных позах: кураторы зачем-то перевернули их на животы, положив предварительно на пол подушки. Так что, и Элан и Афалия беззаботно спали, задрав корму кверху.

– Может вас арестовать за непристойное поведение? – продолжала изгаляться девчонка, подпирая дверной проём, ведущий из операторской в «аквариум».

Хотя если кого и надо было засадить в кутузку за разврат, так это её саму: чертовка мало того была практически в чём мать родила, ночь видите ли на дворе, так ещё и рассматривала эволюэков с нескрываемым любопытством.

– У бедняжек такая недвусмысленная поза. Извините, конечно, за настойчивость, но что вы с ними собрались делать?

Красные от смущения Александра и Марина налились бардовым цветом, но уже от полыхнувшей злости, и счастьем было то, что их с ответом опередила Хельга, а то неизвестно

каких разухабистых выражений пришлось бы наслушаться:
– Амма, хватит подтрунивать, ты прекрасно знаешь, в чём сложность.

Хоть киборг и попыталась погасить пламя, но члена Ученого Совета всё же прорвало:

– Вам троим всё хиханьки, да хаханьки!!! – Саша шипела и плевалась, как перегретый утюг, – Вы никого в известность и не удосужились поставить, а нам теперь разгрёбать последствия!!!

Они с Мариной уже прекрасно представляли, что за испытание их ждёт в самом ближайшем будущем. Эволэки, все, а не только Афалия и Элан, дружно просили своих близких не мешать кураторам, и не посещать «аквариумы» – наставникам и без того предстояло сопровождать очень продолжительное и тяжёлое погружение, и лишние нервотрёпки, в виде посещения родителями своих ушедших в Океанес чад лучше избежать. После жарких баталий девчонки и мальчишки взяли верх, и родители отступили, и теперь никто не тревожил кураторов – общение с родными эволэков проходило почти исключительно по телефонам, иногда позволяли посмотреть видео, естественно в минуты затишья, но... Погружение не будет длиться вечно и тайное всё равно станет явным!

– Тем не менее, – уже спокойно продолжила Амма, подойдя ближе, – не могу удержаться от комментария: взрослые женщины, как девчонки-пацанки, ворующие яблоки из

соседского сада, прокрались сюда в самую глухую пору, да ещё и стащили у медиков скальпели... Фууу...

Всё это она сказала с такой укоризной, и с такой обречённостью, а на лице смешались сожаление и ирония, насмешка и едва читаемое в мимике презрение, что Полякова и Сафинова от стыда глаза в пол опустили.

И действительно, что на них нашло? Всё равно не скроешь и не спрячешь...

– Ладно, о морали поговорим позже, сейчас надо сделать то, зачем пришли, – отрезала Хельга.

Все склонились над эволюками и пристально рассматривали чуть бугрящиеся ниже копчиков смоляные костюмы.

– Так-с, – Хельга медленно повела указательным пальцем по глянцевої коже, – разрез начнётся тут и придётся его вести аж сюда...

– Да, – согласилась Саша, – Это ещё не конец истории, они ведь будут расти!

– Лучше сделаем с запасом, – закивала Марина, – шланги СЖО тут не проходят.

Она вытащила из кармана одолженный у эскулапов отточенный до невероятной остроты инструмент, и потянула руку к костюму, но скальпель мелко дрожал.

– Давай я, – Хельга отняла опасную вещь у своей коллеги по несчастью.

Лучше было не рисковать – взвинченные нервы живого человека могли подвести в самый ответственный момент, и

тогда быть беде. Насмерть, конечно, не зарежет, но...

Киборг своими железными пальцами собрала в складку чёрную кожу костюма, и с запредельной точностью выполнила молниеносное движение. Не было никаких алых фонтанов, окровавленных лезвий – Хельга наоборот постаралась не задеть живую плоть, и это получилось, а только освободить путь пробивающимся росткам.

Полякова и Сафинова стали белее стен «аквариума», когда ткань разошлась, явив их взору настоящий кошмар.
– Невероятно...

Их вмиг охрипшие голоса кроме изумления не излучали ничего...

* * *

Река кипела пенными потоками – вверх по течению, преодолевая коварные пороги, двигались бесчисленные стаи рыб. Бегущая от далёких гор лента свинцовой воды пенилась, переливалась цветами, будто из моря в неё зашла приливная волна, не потеряв чудовищной энергии на долгом пути. Она стремилась всё дальше и дальше вглубь континента, словно задавшись целью назло всем законам мироздания достигнуть отвесных отрогов и ледников, что вдыхали жизнь в эту артерию, паутиной притоков разрезававшей огромный участок суши.

Две рыбы и не помнили, что за лихо сорвало их в такую

даль, оторвало от родных бескрайних просторов коварных, но хорошо знакомых, океанов и морей. Что за голос звал их в тихие гавани, закованные со всех сторон в камень, сквозь который к дому вела только эта узкая ленточка полноводной реки.

Все стремились вперёд: и ещё молодые особи, и уже закалённые ветераны, не раз и не два проделавшие в своей жизни этот трудный путь. Те, кто окончательно выбивался из сил, уходил в боковые протоки, оставаясь дожидаться заветного дня в не самых удобных местах, полных сильных течений и крутых берегов. Кто покрепче, не давая отдыха натруженным мышцам, продолжал свой танец с волнами реки: разгон, и водная гладь отпускает дитя, расправляются плавники-крылья, и воздух послушно несёт длинное тело вперёд, позволяя хоть на несколько секунд прекратить тяжёлую борьбу с тугими потоками.

Уже который раз небосвод поменял непроницаемую темноту на ослепительное сияние, а Литан с Литаной крыло к крылу неслись вперёд. Всё мельче становилась река, всё с большей осторожностью приходилось подниматься в короткие полёты, всё внимательней перед приводнением высматривать камни на дне. Всё меньше и меньше братьев и сестёр оставалось рядом – выбившись из сил, они оставались в заводях, что подворачивались под руку. Можно и остановиться, но шум каждого нового каскада больших и малых порогов, оркестром из тысяч ревущих труб звал бой-

цов вперёд, и они внимали этому призыву. Дальше! Дальше! Ещё чуть-чуть!..

Утро нового дня. В воде, ещё не тронутой лучами светила, устало бьют хвостами сотни и сотни крылатых рыб – тяжёлая дорога выжала их без остатка, и воздухе было пустынно, только торчащие над поверхностью плавники и спины резали речную гладь, словно какой-то сумасшедший озорник пустил тысячи маленьких игрушечных яхт. Сотни живых парусов переливались в свете мироздания яркими оттенками красных и оранжевых цветов.

Никто уже никуда не спешил. Огромная заводь с тихим течением и прозрачной водой, обширными отмелями, и впадинами с многометровыми глубинами, где можно было укрыться от палящего полуденного зноя – весна уже вступила в свои права отгоняя кромку льдов всё дальше и дальше в океан, истаяли ледники в горах, и реки, присмирив до поры до времени, уже не пытались смести яростным половодьем всё на своём пути.

Именно такая тихая гавань и сорвала с привычных мест легионы рыб-летунов, заставила, не щадя себя, искать лучшей доли своему потомству. Искать в далёких краях напoeнные тишиной и спокойствием райские сады, где икра не будет унесена в пучину морей, на радость вечно голодным креветкам и мелким рыбёшкам, где мальки и их потерявшие покой от забот родители не будут больше умирать под ударами чудовищных волн неистовых штормов.

Литан облюбовал себе местечко среди плоских камней, чьи подточенные течением основания давали прекрасные места для кладок, где будущий выводок не будет перегреваться на солнце, но и не будет стыннуть из-за слишком больших глубин, где вода свежа и жабрам дышится необыкновенно легко. Он кружился, тёрся о камни и гальку, оставляя на них пахучие секреты, давая тем самым понять, что удобная гавань уже имеет своего хозяина.

Неутомимая Литана, выдержав все тяжести опасного перехода, всё охотней отзывалась на его ухаживания, и её плавники с каждым днём перерождались из серых невзрачных тонов в упавшую в воду радугу. Они были вместе, как и прежде...

Лариса и Хельга хохотали от души, наблюдая, как их подопечные, лёжа на полу, трутся «о камни» и «друг об друга» – в «лисьем» ЭМ случился небольшой перерыв, и моторика летающих рыбок прорывалась не только из Мирры, но и из Элана. Их резкие, но плавные движения в молчаливой пустоте «аквариумов» вполне могли сойти за пародию, наподобие того, как маленькие дети пытаются неуклюже копировать движения разных животных, вызывая искреннее веселье у родителей.

Кураторы специально не стали «гнать» через их тела моторику крылатых сестричек, отказавшихся в Эфирных Мирах от привычной свободы бескрайних небес – телам эволэков всё же лучше давать свободу, позволять реагировать на

всё происходящее в Океанесе, иначе можно навлечь грозное Эхо, явление стихийное, и нередко разрушительное. Дорогу моторике человеческих проекций Хильи и Лесавесимы они открывали осторожно, чтобы контактёры, не дай Бог, не «вспомнили» раньше времени о своём прошлом бытие, оставленном за гранью, но и не давали застояться и атрофироваться мышцам, которые не участвуют в жизнедеятельности рыб-летунов и хвостатого разбойника.

Честно говоря, Элан, был против этого эксперимента – крылатым сестричкам придётся вкусить все без исключения «прелести» выхода из погружения. За долгие месяцы они просто разучатся летать, да и ходить на первых порах будет тяжело: женщины со звёздными и медовыми глазами, живущие на орбитальной станции и негостеприимной планете, не имеют ничего общего с их настоящей сущностью. То, что дочурок ждёт тяжёлое испытание, папаня не сомневался ни на секунду – сколько раз сам проходил через этот кошмар!

Да и Света Гончарова, то есть бывшая Ханнеле, о чьём возвращении в институт под чужой личиной знали только пять человек и один киборг, не хотела отпускать свою ненаглядную «малышку». Они только-только начали понемногу налаживать живое общение, а не довольствоваться редкими ночными встречами вдали от посторонних глаз. Эти встречи всегда начинались с практически истерических нот, когда истосковавшиеся друг по другу мать и дочь просто рыдали от счастья. Постепенно, конечно же, с каждым новым свидан-

нием пережитое отчаяние и боль уходили, но этих часов им хватало всё меньше и меньше.

Тем более для всех стало неожиданностью, когда и большая сестра и серая молния высказали пожелание пойти с Миррой и Эланом в породивший их Океанес. Летуньи не только искренне хотели помочь людям в их тяжёлом труде, но была и ещё одна причина.

Хилья, изменив своей терпеливости и степенности, решила форсировать события: выход из погружения будет непростым, но зато последующая реабилитация открывала практически неограниченные возможности для общения с мамой. Массовое погружение и практически единовременное, плюс-минус несколько недель, всплытие десятков эволэков приведёт к закономерному результату – к заботам о вернувшихся в наш мир девушкам и парням придётся привлечь всех, кто только имеет допуск в самое сердце ИБиСа. Вот тут-то Света, вроде как случайно и получит важное и ответственное задание – выхаживать большую сестру...

А пока она только иногда навевывалась в «аквариум» к Хилье. Стояла, затаив дыхание, за спиной Драбкиной, и не сводила глаз с удивительного создания, что то безмятежно спало, убаюканное знакомым течением Великой Реки, то металось в клетке из матов и сетей.

– У меня каждый раз сердце кровью обливается, когда она вот так крыльями бьёт! – Света вздрогнула, когда Хилья, повинаясь происходящему в стране чудес действу, так рез-

ко раскрыла свои огромные полотнища, что перья ударили, пусть и не сильно, по сетям, сплетённым из широких полос прорезиненной ткани.

Эти импровизированные стены, похожие на аварийные барьеры, что использовались когда-то давно на авианосцах для остановки промахнувшихся мимо посадочных тросов самолётов, делили необычно большой «аквариум» на две совсем уж неравные части. В маленькой, естественно, обитала староста Клана Воды, а большую отдали на откуп Хильи, естественно не забыв увеличить и высоту.

– Ничего девочка, привыкай, – Лариса ободряюще обняла её, – и ты скоро будешь так же дёргаться.

Она разжала объятия и направилась к столику за очередной порцией кофе, продолжая давать пояснения:

– Это может и выглядит жутковато, но надо просто повторять себе самой: это только моторика тела, не больше того. Люди ночью тоже часто живут своими снами, тут то же самое, только сон очень долгий.

Судя по тонам в их диалогах, женщина искренне не подозревала, кто эта посетительница, что, пусть и не часто, но приходит проводить большую сестру – летуны всегда вызывали живой интерес. Света же, никак себя не выдавала, и не только потому, что Драбкина общалась с «покойной» Ханнеле не так часто: ей на уровне рефлексов, ненавязчиво ввели иные поведенческие привычки.

Если Ханнеле от смущения всегда опускала глаза, прижи-

мая подбородок к шее, то Света словно стремилась отвернуться, но воспитание не позволяло ей этого сделать, и она только застенчиво улыбалась, немного скашивая взгляд влево и вниз. Она действительно стала неузнаваемо другой: иначе говорила, не оттягивая гласные, по-другому сидела, почти не пила молоко, хотя в прошлом жить без него не могла. Читать стала, держа книгу в правой руке, а не левой, всё время зачем-то закидывая одну ногу на подлокотник кресла, или подушку – старшие ей постоянно эту коронную позу ставили на вид, пытаясь приучить к мысли, что девушка не должна так сильно раздвигать ноги на людях, да и позвоночник искривляется. Даже бывшие подруги по Клану, похоже, и не подозревали о том, что погибшая защитница института и не мертва вовсе.

Света и Лариса дружно повернулись на шум открывшейся двери – глава всех эскулапов, Калядин, совершал, с целой свитой коллег, обход операторских.

– Добрый вечер дамы, – вежливо откланялся.

– Добрый вечер, – Лариса Константиновна улыбнулась в ответ, а Гончарова же от смущения только что-то пискнула, залившись краской.

Вообще-то ей тут быть не полагается, и главврач не замедлил напомнить девушке об этом:

– Светлана, ты уже час как должна быть в своей комнате! Ох! – тяжело вздохнул, – Как старосты уходят в погружение – так хоть чрезвычайный режим вводи – никто старших не

слушает!

Объект негодования помялся, но всё же девушка решилась:

– Виктор Иванович, я уже готова!

– Правда? – тот шутливо прищурился.

Света уже выручила как-то Хилью, обработав довольно серьёзный порез на лапе, а потом ежедневно меняла повязки, и когда встал вопрос о будущей няньке для реабилитации вышедшей из погружения драконихи долго голову не ломали – кандидат уже был. Этот спектакль, так же как многие другие, был тонко и умело срежиссирован самой девушкой и её дочуркой.

Но перед тем, как получить допуск, Гончаровой надо сдать довольно серьёзные экзамены по анатомии и физиологии летуны – так что «новенькая» уже много недель подряд якобы пахала за двоих, успевая и на текущих занятиях, и на дополнительных.

– Да, готова, – уже вполне твёрдо ответила Света, вполне уверенная в своих знаниях – старалась на совесть!

Калядин ещё раз смерил её оценивающим взглядом, и согласно кивнул:

– Ладно, завтра в пятнадцать ноль-ноль я тебя аттестую, а сейчас пулей к себе в башню!

Когда девчонка выскочила из операторской, бригада принялась за куратора и её двух подопечных: анализы крови, уколы и прочие радости жизни...

Тихая бухта давно освободилась от льдов, что как армия кочевников, повинуюсь смене времён года, то захлёстывала безбрежные океаны всех северных широт, то снова отступала в царство вечного холода, недовольно бурча скрежетом громадных плавучих белоснежных гор, словно обещающая вернуться снова. А природа, не терпящая пустот, заполнила эту тишину пением китов.

Уса со своей семьёй проделала долгий путь от палящих зноем тропиков, где вода летом прогревалась слишком сильно, заставляя бесчисленные семьи морских исполинов искать лучшей доли и освежающей прохлады. Но они устремлялись сюда, проделывая путь в тысячи километров, не только за этим.

Защищённая от ветров и волн, эта бухта из года в год, из поколения в поколение манила к себе неутомимых странников, влекла своими спокойными водами и невероятной акустикой.

Звуки и пение, всегда занимали важнейшее место в жизни китов, но тут, в возведённой и тщательно охраняемой самой природой подводной консерватории, голоса сородичей, и свой собственный, приобретали совершенно новое качество.

Они раздвигали границы, словно игнорировали каменную твердь берегов и дна, стирали границу между водой и небом. Резонируя, эти струны мироздания вели китов в волшебном танце в собственной Вселенной, чьи бескрайние просторы заполняли песни всех поколений, что звучали сейчас, или ли-

лись из прошлого, достигая неведомыми путями сознания.

Уса в блаженстве отдалась этому пению, прибавив к хору собственный голосок, который, влившись в общую симфонию, добавил ещё большие очарования живой музыке. Она плела узоры из звуков, и, повинаясь голосам Вселенной, грациозно скользила в волшебном мире, наполненном умиротворением и светлой печалью.

Она даже не слышала, а скорее ощущала душой близкое присутствие своего собрата. Они узнали друг друга, хотя и не виделись целый год. Повзрослевшие, остепенившиеся, оба повелителя глубин уже не напоминали шумных и нетерпеливых подростков, какими встретились когда-то давно. Они помнили и вспомнили. Голоса китов так же удивительно разнообразны, как и подводные пейзажи, что проплывают под широкими плавниками – вернувшееся эхо всегда передаёт их красоты и неповторимые черты, а светлый разум, не засоренный мелочами, запоминает их навсегда. И даже спустя много лет, Уса безошибочно вспоминала маршруты, по которым летала над бездонными пропастями хоть раз.

Так же она помнила и голоса. Мать и отец, братья и сёстры, другие семьи, все, с кем свела её судьба, оставляли в памяти частички собственных душ, вложенные в эти божественные звуки и прекрасные песни...

Два кита, следуя дорогой собственных песен, танцевали в пучине полный огня и жара танец. Они кружились, всплывали и снова падали в глубину с невероятной синхронностью,

а музыка жизни вела их вперёд в этой такой маленькой и бесконечной одновременной Вселенной, Вселенной, где всегда начинается новая Жизнь...

Марина Евгеньевна была очень довольна своей подопечной – в морях эфирной планеты Эликомо всё шло прекрасно. Клан Воды подтвердил свою высокую репутацию, а её подопечная безупречно, на одном дыхании, справилась с поставленной задачей. Жизнь Усы, вопреки сомнениям и опасениям многих видных учёных, протекала как по нотам, и из Океанеса беспрерывно шёл поток данных. Амма на каждом этапе подтверждала правильность выбранных решений, без обычных своих едких шуточек выставляя её с Афалией тандему высшие баллы по всем показателям: по тщательности проработке проекта, по синхронизации со сложнейшей аппаратурой при погружении, по чистоте, скорости и совершенству формирования ЭМ (столь тяжёлый Эфирный Мир всегда создавали ветераны, и только потом, в уже в готовую среду «ныряли» менее опытные эвоэки – это позволяло снижать нагрузку на новичков) по чистоте канала связи ОЧК, и прочему, и прочему...

– Ты просто светишься от счастья, – Хельга, бесшумно подошедшая сзади, взялась размять затёкшую шею коллеги.

– Да, я уже успокоилась – с китами всё получилось, – промурлыкала, жмурясь от удовольствия, Марина, – Да и остальное приняла как есть.

Сафинова уже даже махнула на переживания по поводу

«лисьей» составляющей погружения. Хулиган и хулиганка полностью сознавали то непростое положение, в которое попадут кураторы в самом недалёком будущем, и приготовились принять удар на себя: в час «Икс» в руки родителей попадёт видеозапись должествующая снять ответственность с наставников за их лиходейства. Элан и Афалия в своём послании слёзно попросят у родных прощения, попросят понять и принять важность задуманного, ведь их идея, в случае успешного завершения, гарантирует принципиальное изменение колониальной политики, сделает процесс заселения новых планет гораздо более быстротечным, не говоря уже о том, какие астрономические средства и ресурсы удастся сэкономить. Родители, и Раткины, и Доронины, всю жизнь положили на благо общества, и знают цену свершениям и тратам, поту и крови, которыми даётся большой успех, поэтому они поймут... Должны понять!

– Уса и Литаны вошли в завершающий этап – «дети» уже формируются, – едва слышно продолжила женщина, отдавшись умелым рукам Хельги, что выгоняли из уставшего тела скопившееся напряжение.

– Да, первые эволэки выйдут из погружения уже послезавтра, – киборг подбадривала смертельно уставшего куратора – уже почти конец.

Марина немного сморщилась, напрягая память:

– Тониан и Ламар?

– Да.

Парочка ветеранов-юношей, каждый с четырьмя погружениями в активе, три года поддерживались в разогретом состоянии, как и ещё более чем три десятка опытных эволэков – подозревая о предательстве и убийствах, Ворожейкина придумала оригинальную систему выпроваживания якобы отработавших своё кадров на заслуженный отдых, а Императрица помогла воплотить её в жизнь.

– Верно, Клан Земли. Они работают над очень полезными созданиями – сухопутными крабами. Их предполагается разводить в огромных количествах, для обработки пахотных земель.

Ещё одно неординарное решение, положенное в копилку института: большие, по пять килограмм, крабы «перепахивают» почву клешнями и лапками, извлекая из неё мелких червей, и удобряя одновременно. Естественные, так сказать, пахари, не дающие тонкому плодородному слою истощиться – тащить комбайны сквозь бездну пространства, ровно как и организовывать их производство на месте, не представляется возможным. Нет, конечно, совсем без сельхозтехники обойтись не получится, но каждый шаг в создании простенькой (число эволэков не столь уж и велико!) экосистемы направлен именно на то, чтобы всеми путями упростить процессы выращивания урожая. Выражаясь прямо, ставка делалась на естественный круговорот жизни, а люди всего лишь будут собирать такую часть биоресурсов, чтобы не сломать равновесие, но и самим не тратить силы на добывание про-

питания: всё же вырастить урожай, в том числе и с обязательным мясным рационом, на орбитальной станции – дело сложное и невероятно дорогостоящее.

Рыбы стали двигаться ещё осторожнее, чтобы не балластить воду, и не тревожить соседей: самки литанов не отходили от кладок, и лучше было не действовать им на нервы, а не то получишь взбучку.

Огромная заводь словно превратилась в сказочную сокровищницу – всюду, между камней прогретых щедрыми лучами отмелей, сверкали, словно сотканые из красных кораллов, ленты. Каждая самка-литана откладывала две такие ленты, в которой отдельные икринки клейкой секретцией скреплялись в неширокую, но довольно длинную однослойную ленту, а будущая мама прикрепляла один её конец к камню. Намертво схватившись за надёжную опору, клейковина позволяла ярко-красной ленточке трепетать в потоках свежей воды, и вся отмель стала напоминать расцвеченную праздничными флагами поляну, на которой готовились весёлые состязания: кто больше?

День шёл за ночью, снова наступал новый рассвет, а в полупрозрачных коконах природа прятала от любопытных глаз удивительные преобразования крошечных огоньков едва теплящейся жизни в яркий огонь, что вдохнёт новую силу в уставшие и поредевшие за долгий год племени летучих рыб.

Литан и Литана с нетерпением ждали великого дня, уже забывая о том, что случилось в недавнем прошлом...

Был обычный день, наполненный уже стихающей суматохой: самки только-только отложили икру, и многочисленная стая, добравшаяся до тихой гавани, уже стала успокаиваться, меняя яркие брачные тона плавников на невзрачный покровительственный окрас, как странные существа, что всегда приходили с небес, и брали тяжкую дань со странников морей, снова заявили о своих правах.

По отмели шагал уже знакомый исполин-богомол. Аккуратно, стараясь из всех сил не задеть ни обитателей водоёма, ни их бесценные кладки, чудище медленно, чтобы не перепугать рыбок, ступало вперёд, и к воде тянулись щупальца. Осторожно опускаясь в неглубокие протоки, эти живые змеи безошибочно находили отложенную икру, и отделяли от одной и двух коралловых ленточек половинку, оставляя вторую нетронутой, а добычу отправляя в огромную корзину, которую неведомый зверь держал поближе к земле – та уже просто ломилась под тяжестью собранного богатства.

Литан и Литана, два неутомимых путешественника, создавших семью в этом райском уголке, не испугались и не попрятались, когда настал их черёд отдать дань. Так устроен мир, Они – Боги, создавшие его, они всегда приходят за данью, но никогда не берут больше, чем положено Законом, Законом, имя которому Жизнь. А Она одна на всех...

Они уже стали забывать тот день, хотя он и не ушёл из памяти до конца, но всё сильнее и сильнее их занимали тре-

*пеицие комочки, сладкими, хоть и едва слышимыми голо-
сами, звавшие своих родителей...*

Киборг с ледяным спокойствием следила за нарастанием реакции в реке эфирной планеты – зов детей пошёл к Мирре и Элану. Пока это лишь тоненький ручеёк, подсказывающий эволэкам будущий маршрут, тонкая ниточка, переброшенная через океан того, что невозможно назвать ни временем, ни пространством. Как опытный рыболов приманивает свою добычу, так и Хельга мастерски приманила две изрядно подзабывшие прошлое бытие души сладкими обещаниями. На конце этой невидимой в течениях Океанеса лесы эволэков ждал жёсткий крючок – псевдосознание не рождённых ещё «детей», которое и вытащит обоих назад в бренный мир.

В этом погружении она работает только на троицу Элан-Мирра-Афалия. Парочка влюблённых хоть и трудиться в двух разных ЭМ одновременно, но рыжий плут привязан ещё и к бойцовой рыбе. У двух лисиц никаких детей не будет – у разбойников задачи иные. Именно так, множественное число: одна – преобразование тел эвлэков, а вторая...

От одной мысли о задуманном у Сафировой кружилась голова. Если план сработает, то он может стать новой вехой в экспансии человечества и откроет дорогу к самым далёким мирам. Но для этого всё надо прощупать в живую – феномены Великой Реки теоритическому моделированию не поддаются, так что Лис с Лисичкой на орбитальной станции бу-

дуг использовать псевдосоздание детей просто как опорную точку для смелого опыта.

Собственно, никаких детей, выведенных в искусственных матках, на этот раз не будет совсем: формирование пусть и упрощённой, но экосистемы планет, займёт не год и не два. Готовые данные по ДНК будущих неведомых зверушек (негостеприимная Еноселиза не оставила выхода, кроме как окунуться с головой в решения, которые иначе как новаторскими и назвать было трудно!), а так же растений, полетят в разные миры, и каждая система возьмёт на себя бремя расходов. Воспроизвести огромное количество живых существ и растений, поместить их в герметичные «аквариумы», внутри которых будет произведена агрессивная среда обитания двух планет, доставить этот хрупкий груз на орбиту, поместить в чрева гигантских «прыжковых» звездолётов. А потом остаётся только молиться: чтобы долетел корабль, чтобы успешно прошла выгрузка первых легионов колонизаторов, чтобы им пришёлся по вкусу новый, но уже знакомый по Эфирный Мирам дом...

– Командую: всплытие! – Озорно и слитно прогорланили Сафинова и Драбкина.

Было чему радоваться: вся троица подопечных живо откликнулась на Зов, и реакция пошла. За возможное отставание Усы от Литанов не волновались – не синхронный выход, когда одна половинка души эволэка прицепом вытаскивает вторую из другого ЭМ уже отработана на тандеме Деи-

лес-Лесавеима. Хотя и тяжело придется в этом случае, но ничего фатального не случится: проверено на практике, а уж кто-кто, а Афалия, номер четыре по табели о рангах, не подкачает точно! Раз уж Иригойкойя, всего-то крепкий середнячок, вечно болтающийся где-то в хвосте первой двадцатки, вытянул, то уж девушка из высшего общества на счёт три выйдет! Как говорят французы: благородное происхождение обязывает.

* * *

«Акула» уже которую неделю висела неподвижно, подчиняясь только неспешному бегу двух планет – Паллады и Новой России. Постепенно строгая линия, соединяющая эти небесные тела и Аврору-2, ломалась, превращаясь в неравносторонний треугольник – ближайшая к светилу обитаемая планета отставала от своей более удалённой соседки, и этот факт немного беспокоил экипаж транспортного корабля. И хотя смещение пока можно было увидеть только на штурманской карте, голограмма которой заняла весь обзорный экран, но Валера сидел как на иголках:

– Что б им колодец заклинило на два-пятнадцать!

Гравитационный колодец Сунь Фо хоть и разрешил до известного предела вопрос выживаемости экипажа при резких манёврах на субсветовых скоростях, но требовал мгновенной переориентации вектора усилия – иначе на чудовищ-

ную переменную перегрузку, возникающую при отклонении звездолёта от курса всего на доли градуса, и последующего возврата на прежний курс, наложится и сила тяжести созданная человеческим гением, и несчастный корабль просто разорвёт на кусочки.

– Спокойно, летун, – парировал неизменно невозмутимы Денис, осторожно касаясь пальцами сенсорных панелей, – сейчас добавим мощности, всё, как и написано в расписании.

В утробе «Акулы», прямо в первом от жилого модуля отсеке, уже давно была смонтирована странная аппаратура. Жуткая смесь электроники и органики соединяла в одно целое возможности мощнейшего компьютера и выращенных искусственным путём нейронов, открывала путь преобразования неживых языков программирования в ментальный зов, который слышат пугающие в своей странности создания, эволюки, номинально считающиеся людьми.

– У меня от одного вида этой штуковины, – продолжал жаловаться пилот, кивнув в сторону кормы, – волосы дыбом встают!

Он сидел без дела, только следил за ориентацией судна в пространстве, чтобы оно находилось на условленном расстоянии от Паллады и Новой России: всего в четвери миллионов километров от первой. Скучная и монотонная работа, изо дня в день.

– А что тебя пугает? – недоумённо спросил напарник, медленно перемещая указательный палец по расцвеченной ог-

нями панели.

Повинуясь этому неторопливому движению, на экране полз вверх пульсирующий столбик. Жёлтый у основания, он едва начал свой подъём, но острый взгляд уже видел перемену цвета – чем выше, тем быстрее менялся спектр. Сначала это едва заметный розовый тон, потом будет плавный переход в цвет спелой вишни, и в самом конце он станет пронзительно красный, как будто предупреждая людей об опасности безумного поступка.

– Стандартная ИБиСовская штукавина, «рука дружбы», так сказать.

– Знаю, читал, – хмуро отмахнулся Валера, – Ею кураторы зовут эволэков, когда надо возвращаться назад.

Да, до души ушедшей в Океанес не докричаться, хоть голос сорви, вот и пришлось создать сложный симбиоз машинного разума и живой мозговой ткани, схожей с изменённым гипоталамусом контактёров. Только эта система, Зов, и позволяет куратору приоткрыть дверцу в страну чудес и достучаться до сознания подопечного.

– И мы тоже звать начинаем, – Денис с самым серьёзным видом едва заметно кивнул, остановив силу сигнала на нужном, то есть указанном в инструкции уровне.

Действовали они синхронно с институтом: только что с далёкой планеты пришёл условный сигнал. Пришёл он настолько неожиданно, что оба обитателя корабля немного опешили, привыкнув к глухой тишине передатчиков, в ко-

торых если что и можно было услышать, так это электромагнитные вихри солнечных вспышек. Но это был не обман уставшего от пустоты космоса разума! Тут же на Новую Россию полетела депеша, и через считанные минуты вернулось подтверждение: всплытие началось!

— Скоро узнаем, откликнуться ли пацан с девчонкой, а если откликнуться, то чем всё кончиться.

Ещё сильнее окунувшись в раздражение, пилот буркнул:

— Катастрофой...

* * *

Лесавесима не стала спускаться в глубокий колодец, что вёл в царство холода не отапливаемых технических помещений, где даже дышать приходилось осторожно, дабы не застудить лёгкие. Хоть именно там, в бесконечном полумраке лабиринта и можно было зачастую найти хвостатых разбойников, но сегодня её путь лежал наверх.

Она уверенно меряла расстояние твёрдыми шагами, оставляя позади поворот за поворотом, пока не оказалась у трапа, выполненного на корабельный манер: множество скоб, впившись в стену, уходили на много этажей вверх, прорезая узкими лазами полы и потолки разных уровней. От одного вида этой анфилады у человека могла закружиться голова, и затрястись от страха коленки. Даже отсюда, с четвёртой платформы, невозможно было различить конца

этого опасного аттракциона, в котором можно надеяться только на крепость собственных мышц, хорошую реакцию и здравый смысл, не дающий опустить взгляд вниз, и увидеть во всей страшной красоте убийственную высоту колодца.

Но девушка и бровью не поняла, когда её руки спокойно, без внутреннего надрыва и паники, ухватились за поручни, одна нога упёрлась в скобу, а другая повисла над пропастью. Быстро и ловко, но без суеты и спешки, которая никогда ни к чему хорошему не приводила при подъёме на головокружительную высоту, Лесавесима стала подниматься наверх. Сильные пальцы уверенно держали тело, ступни с едва слышимым глухим стуком считали ступени, и перед глазами происходили удивительные метаморфозы пространства: мелькали этажи, потолки становились полом, мигали неяркие огоньки, приглашая сойти на достигнутом уровне, а не испытывать судьбу. Но она упрямо карабкалась вверх, зная наперёд, где наверняка сейчас можно встретить двух своих странных друзей.

Когда до заветной цели остался один этаж, девушка произвольно сбавила темп, и неслышно, крадучись, преодолела последние метры пространства, медленно подняла голову из люка.

Как и любой ход в вертикальную шахту, лишённую и намёка на безопасность, этот был обозначен яркими красными лампочками и предупреждающей надписью кровавого цвета, что беспрерывно мигала, стараясь привлечь к се-

бе внимание. Бесполезно. Лесавесима пружинисто подтянулась, и бесшумно выбросила собственное тело на твёрдый металл пола.

Огромный, по меркам искусственного сооружения, болтающегося годами, а нередко и столетиями, в космосе, стеклянный купол открывал взору захватывающую панораму космоса. Чистый вакуум, свободный от облаков и дымки, что так мешают наблюдать за вселенной с поверхности планеты, демонстрировал непередаваемую красоту россыпи звёзд, вуаль туманности, что огромной лентой прочертила непроницаемо чёрные небеса. Сквозь прозрачный пол блистера можно было лицезреть шар планеты, купая уставшие от урбанизированного пейзажа глаза в зелени материков, любоваться облачными фронтами, скрывшими колоссальные океаны.

Но двух неестественно огромных лисиц, что сидели плотно прижавшись друг к другу, не захватывали ни удивительные красоты бескрайнего мира, ни тесный мирок рукотворного сада, где они так любили озорничать в самые глухие ночные часы, когда неутомимые стрелки часов загоняли большинство людей в каюты. Два рыжих разбойника, девочка пронзительного, почти оранжевого цвета, и мальчик, светлый, как выжженный солнцем песок, не отрывали глаз от одной им видимой дорожки, что вела в невообразимую даль, словно ныряя под не знающий ни начала, ни конца, диск туманности.

Они были настолько поглощены созерцанием, что только едва заметно повернули острые мордочки в сторону гостей, да чуть качнулись ушки, ловя едва слышимый даже им шёпот шагов.

Не было ни намёка на безудержное веселье, которое охватывало двух лисиц при одном виде девушки со звёздными глазами. Они не сорвались молниями с места, не бросились ей на грудь, валя наземь, не ласкались, тыкаясь носами в лицо и грудь, не получали в ответ полные смеха упрёки за свои проделки...

Лесавесима зашла спереди, развернулась, и опустилась на колено между головами лисиц. Руки обняли сильные шеи, и нежно прижали потерявших покой хвостатых разбойников к тёплому человеческому телу, и девушка замерла, тоже глядя в пустоту космоса.

Впрочем, сказать, что космос был пуст – значило покрыть душой. Прямо напротив обзорной площадки горела самая яркая звезда небосвода, и, казалось, именно в её белый шарик впились две пары глаз лисиц.

Они зовут.

В голове Лесавесимы вспыхнули образы: туман едва различимых, но отчего-то таких знакомых голосов, будоражил воображение хвостатых непосед, заставил их сорваться с места и примчаться сюда, где можно было не только слышать. Они безошибочно нашли точку в необъятном небе, откуда в их души лилась эта тихая мелодия. Она тоже

слышала её и ответила.

И вы их позовите, они обязательно откликнутся.

Сафинова постепенно теряла способность удивляться: обе лисицы, находясь в Эфирном Мире, слышали зов, генерируемый с борта старой «Акулы». Она уже слышала похожую историю: Элан после возвращения с Измера рассказывал, что ощущал собственных «детей», запертых в гигантских холодильниках на борту «Сталинграда» даже тогда, когда корабль был довольно далеко от Новой России. Но сейчас это расстояние превышало восемьдесят миллионов километров (разница на порядок!), даже если считать от высокой орбиты, на которой совершала бы неспешные круги станция «Альфа» – дом двух лисиц. Океанес снова подкинул загадки исследователям.

– Что ж, – протянула Марина, – допустим, это не новость сама по себе, хотя, признаюсь, расстояние от корабля до «лисьего ЭМ» впечатляет.

Нервно хихикнув, она поправилась:

– Ну, это если наложить наш мир на Эфирный... Или если предположить, что расстояние в ЭМ меряется теми же аршинами, что и в этой Вселенной, тогда всё сходиться – наши лисы смотрят точно на эфирную Палладу...

Хельга неотрывно наблюдала за пробой пера: пока неуверенно набрасывались первые строки, ещё не было ни осмысленного начала, ни конца, но писатель уже ухватил ниточку, суть идеи уже пробивалась в сознании робким ростком.

– Они приняли Зов, и пока достаточно хорошо реагируют, – прокомментировала киборг.

Склонившись к мониторам, она неотрывно следила за происходящим в стране чудес: троица контактёров, Лесавесима, Элан и Афалия, как замороженные слушали «голоса детей», что донесли до их слуха волны Великой Реки. Он их интриговал, заставил с беспокойством биться сердца, разум, пока неуверенно, но всё настойчивей тянулись к источнику этих прекрасных песнопений – с борта транспортного корабля экипаж из двух отчаянных смельчаков подал обнадеживающую весть. Сложнейшая электронно-нейронная аппаратура уловила «голоса» и Лиса и Лисички. Те звали своих чад, пока осторожно, не поверив до конца в то, что дети оказались так далеко от дома.

– А если не получится? – с сомнением спросила Сафинова, бросив быстрый взгляд на Хельгу, и снова с жадностью голодного хищника впиалась в двух эволэков.

В белоснежной комнате за стеклом привычная по многим погружениям картина. Пробой. Афалия и Элан чётко копируют позы лисиц, естественно с поправкой на человеческую анатомию. Это объективно хорошо – канал связи ОЧК чист, как первый снег, и моторика рвётся из Океанеса, а значит, и всплытие будет мягче.

Железная леди на отсутствие энтузиазма у коллеги только улыбается:

– Может это будет и к лучшему, – помолчав продолжи-

ла, – не очень мне нравился этот... «выход прицепом» с того самого дня, как я его увидела собственными глазами.

Обеих кураторов уже мало занимали миры Усы и Литанов. ДНК готовы, и там всё шло своим чередом, хотя в выходе из погружения именно псевдосознания рыбьей молодежи и китёнка проложат душам эволэков дорогу домой. А двух рыжих разбойников просто подхватит жёсткая связь так же, как когда-то Лесавесима выбросила Деилеса сначала в мир крылатых сестёр, а потом и в нашу Вселенную, вернув Элану обе половинки души.

Сейчас будет так же, и ментальный зов не рождённых (пока?) детей Лиса и Лисички нужен совсем для иной цели. Кое-что очень необычное предположили номера двадцать два и четыре после тщательного осмысления первой пробы Якоря.

– Тебя что-то конкретно смущает? – не унималась встревоженная Марина.

Хельга ответила максимально прямолинейно:

– Не люблю строить теории, объясняющие явления, не поддающиеся анализу и расчётам, но...

Она задумчиво почесала подбородок, помялась, словно боясь несуразными высказываниями испортить высокую репутацию ИР, но продолжила:

– А что, если мы наблюдаем некое наложение Эфирного Мира на наш мир?

– Но оно всегда есть! – Удивилась собеседница, – Планеты, что создают наши девчонки и мальчишки в Океанесе и

есть проекция реальных планет Галактики!

– Да, – согласилась Хельга, – но всегда ставилась задача протащить через маленькую щёлочку душу эволэка, не более того! А выход пары Лесавесима-Деилес чем сопровождался, помнишь?

Сафинова тяжело вздохнула:

– Помню, разве такое забудешь. Очень рискованная это затея.

Парочка новаторов-энтузиастов (как Амма любит это словечко, точно передавая интонацией всё, что думает о пристрастии человека-«разумного» к воплощению в жизнь безумных авантур!) получила в своё полное распоряжение целый космический корабль вроде как для невинной затеи. Приоткрыть это самое окошко, создав перекрёсток между мирами и посмотреть, во что всё выльется. Ничего опасного в этом не разглядели, ведь в каждом погружении такой перекрёсток приходится создавать, да и Императрица дала согласие с условием – точки соприкосновения будут вынесены на безопасное расстояние и от Паллады и от Новой России, но....

– Именно, – со злорадной усмешкой ответила Хельга, – Элан и Афалия – практики, как и все эволэки, им не интересны споры на тему: а возможно ли это? Их не интересует «теория совмещенности» Океанеса и нашей Вселенной. Им интересней всё прощупать своими руками.

Иригойкой не очень доверял официальной версии о ми-

роустройстве, всегда придерживаясь точки зрения, что Великая Река не существует обособленно, но кто из учёных мужей будет слушать подростка?

– Процесс создания перекрёстка запущен, и его уже не остановить, как и преобразование тел. Тем более, что на первое мы согласились ещё до начала погружения, – напомнила Хельга и на несколько мгновений замерла, превратившись в снежную королеву.

Её мозг с головокружительной скоростью просчитал массу вариантов развития событий, которые можно было смоделировать, основываясь по большей части на недоказанных никем и никогда постулатах о некоем гипотетическом единстве Океанеса и нашей Вселенной. Картинка получилась не особо радостной, и киборг позвала свою верную подругу:

– Амма!

Девчонка тут же выкристаллизовалась из воздуха и взяла под козырёк:

– Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа!

– Приготовь на всякий случай наш мобильный комплекс, а то у меня нехорошее предчувствие...

Усе не нужны были ни доктора, ни сложное оборудование, что бы совершенно точно знать о зарождении жизни в своей утробе. Мать задолго до того, как раздуется живот, прекрасно знает, что она уже не одна: тело перестраивается, готовясь выкармливать детёныша, ведь тот много месяцев после первого вдоха не сможет самостоятельно

добывать себе пищу. Все эти бесконечные смены дня и ночи, пока будет расти чадо, наполнятся заботами и тревогами, радостью и гордостью, а все тяготы материнства сторичей вознаграждаются непередаваемым восторгом. Видеть, как растёт дитё, чувствовать ровный ритм его сердца, когда убаюканный маминой колыбельной шумный непоседа будет засыпать у поверхности воды, покачиваясь на волнах словно поплавок.

Она уже сейчас говорила с ним, пела песни, рассказывающие о бескрайних морях и приливах, хороводе солнца и луны по небосводу, о крепкой семье, что никогда не оставит в беде ни маленького китёнка, ни его маму в бесконечных странствиях.

И он отзывался. Она слушала его песни о далёких мирах, откуда они оба пришли и куда вернуться вместе снова...

Свинцовую воду вспорол острый хребет, гигантский фронтан брызг устремился почти вертикально вверх. Уса с наслаждением глотнула свежего воздуха, разрезала невысокую волну, снова вмиг выжала лёгкие без остатка. Ещё один сладкий вдох, наполняющий мышцы силой, заставляющий сердце чаще и сильнее биться.

Радость от жизни, радость от каждого вдоха, от каждого прекрасного восхода, и не менее очаровательного заката, что раскрашивают небосвод всеми оттенками синих тонов. Тёплый солнечный день, или наполненная таинственной темнотой ночь, спокойная вода погожих деньков, или

кипучая энергия налетевшего шторма – всё прекрасно. Уса радовалась этому миру и никогда не задавалась вопросом: какой и зачем ей быть?..

Большая семья китов уже третий день как покинула гостеприимную бухту и двигалась назад, на юг. Знойное лето отступило, тропические воды быстро остывали, далеко у царства вечного холода снова готовились к наступлению эскадры белоснежных кораблей, подчиняющиеся ветрам и сильным течениям. Скоро будет снова с каждым днём крепчать ветер, поднимая крутую тяжёлую волну, снова с её пенных гребней будут срываться потоки воды и стаи стремительных рыб-летунов, пытающихся убежать от очередного шторма.

Они снова были в пути, неспешные удары могучих хвостов несли тела вперёд, а прозрачные воды и тёмные глубины наполнялись волшебным протяжным пением, но Уса незаметно отдалялась от родных, её звало собственное дитя, и странницу морей отныне ждала своя дорога.

* * *

Эта рукотворная громадина, поражающая воображение своими исполинскими размерами, изяществом, прекрасно продуманной функциональностью, уже давно стала визитной карточкой системы Аврора-2. И хотя «Полярная Звезда» фактически привязана к Новой России, но именно ей

выпала судьба стать опорной точкой Империи.

Кстати, в слове «привязана» нет ни тени шутки, или преувеличения, и образными выражениями тут так же и не пахнет. Как и любая орбитальная станция «Полярная Звезда» связана с поверхностью планеты лифтами, то есть фактически на месте её удерживают широкие ленты мономолекулярных тросов, тянущихся от земли на невообразимую высоту. Это потрясающее изобретение конца XXI века позволило в немалой степени облегчить острую проблему: невероятную дороговизну доставки в космос грузов, хотя и само сооружение таких систем обходилось, ох, как не дёшево, но со временем они себя с лихвой окупали.

Дежурный на мостике, Кожемяко Дмитрий, чувствовал себя немного неловко в роли такого временного капитана странного корабля. Странного, во многих аспектах.

Во-первых, хоть его, а точнее её название и связывалось с северными широтами, но никакого отношения к географическому расположению так называемого «Стола» она не имела. Наоборот, опорная плита циклопических размеров, на которой и была возведена вся инфраструктура космических лифтов, так же не страдающая приступами минимизации в массово-габаритных характеристиках, располагалась почти точно на экваторе, неподалёку от столицы. Своё название чудо инженерии получила потому, что её было прекрасно видно именно из района обоих полюсов: это особенность архитектурных решений, из-за которых конструкции

отражают свет Авроры именно к районам вечной мерзлоты и дала имя всему космическому комплексу

Во-вторых, Стол. Без него невозможно создание столь масштабного объекта, буквально привязанного к небесному телу. Уже от него, в космос тянулась целая дюжина лент мономолекулярных тросов, из-за чего вся «Полярная Звезда», подчиняясь бегу планеты вокруг собственной оси, крутилась вместе с Новой Россией.

Дмитрий хорошо запомнил уроки, на которых преподаватели развивали в учениках образное восприятие. Возьмите камень, привяжите к нему верёвку, и, зажав её свободный конец в своей ладони, раскрутите камень в воздухе над головой. Ваша ладонь – планета, верёвка – мономолекулярный трос, а камень – космическая станция, вот так и работает эта система. Станция остаётся статичной, всегда строго сориентирована в пространстве и висит над одной и той же точкой поверхности планеты, а уже из далёкого воздушного океана в холодный вакуум и назад снуют кабины грузовых и пассажирских лифтов.

Кожемяко, совсем ещё безусый юнец, выпускник Академии имени Гагарина, прекрасно знал все эти особенности «Полярной Звезды», но одно дело теория, а вот практика...

В сознании ещё с немалым трудом укладывались особенности небесной механики, которой подчинялась станция, и Дмитрий постоянно ловил себя на том, что бес конца озирается на голографическую модель, показывающую всё то,

что было у него под ногами. Кресла дежурной смены были окружены со всех сторон проекторами, так что, манипулируя сенсорными панелями, офицеры могли получить полное представление об окружающем пространстве и обо всё, что в нём происходило и пугающего и интересного. Можно проследить, как стыкуется челнок к длинному, выведенному подале от тела станции, рукаву, механические суставы которого могли подстраиваться под манёвры кораблика. Можно увидеть, как повинувшись смещению планеты, меняют положение в пространстве ослепительные в своём блеске сегменты солнечных батарей. Можно увидеть астронавта, который, ругая какого-то растяпу на чём свет стоит, пытается догнать в вакууме выскользнувшую из рук неумёхи, или просто уставшего к концу смены товарища, отвёртку мудрёной конструкции – для работы в космосе многое приходится делать не так, на земле!

Выпускник снова нервно заёрзал в своём кресле, и в который раз переориентировал изображение так, чтобы стали видны вброшенные в безвоздушное пространство ленты тросов и приближающаяся кабина лифта.

– Дима, не отвлекайся! – одёрнул его товарищ по смене, Антон Комаров.

Напарник был заметно опытней – пятый год он бороздил систему, сначала мотаясь на челноках между орбитами и землёй, а потом перешёл на более спокойную работу – очередная медкомиссия, год назад, решила, что летуну нужен

перерыв, и определила молодого мужчину на новое место. Антон, в звании четвёртого помощника капитана, и принял под своё крыло новичка.

Кожемяко извинился, и снова вернулся к монотонной, хоть и важной задаче – обзор окружающего пространства. Ладонь, забранная в перчатку, касается виртуальной панели, и перед глазами вместо бездны пространства снова появляется череда таких же виртуальных приборов.

Монотонной – это ещё мягко подмечено. Орбиты всех опасных объектов, способных столкнуться с планетой и станцией, уже давно рассчитаны с запредельной точностью, все корабли, большие и малые прибывают столь своевременно, что хоть часы сверяй. Даже «космический мусор» до последнего крошечного кусочка металла нанесён на карты: только протяни руку, и шарик планеты тут же оплетёт паутина красных нитей, показывающих траектории опасных объектов, способных с лёгкостью пробить корабль насквозь, покажет их текущее местоположение, скорость направление, высоту, всё...

Скучно. Фазированные решётки радаров тысячами невидимых лучей простреливают пустоту, но ни одного отражённого сигнала на экранах нет уже почти час: очередной трудяга орбит уже ушёл к далёкому космопорту Белограда. Оптические системы, работающие во множестве спектров разу, показывали уже до боли знакомую ещё по курсантским годам карту звёздного неба. Скучно...

Взгляд Дмитрия медленно и уже рассеяно блуждал от экрана к экрану, так что едва заметные изменения в показаниях он разглядел не вдруг.

Сразу три системы слежения распознали неладное, и хотя ничего пока не предвещало грозных событий, ИР «Полярной Звезды» зажёл красные предупреждающие огни, привлекая внимание умаявшихся от монотонного дежурства людей. Первым отреагировал пространственный радар Мирошниченко. Этот агрегат, принцип действия которого возьмётся объяснить даже не каждый космонавт, мерял структуру пространства, по отклонениям гравитации показывая присутствие материальных объектов, определяя их координаты, примерную массу, размеры и даже траекторию движения и скорость, хоть две последние величины и без особой точности. РСП-М на заре межзвёздных путешествий стал настоящим ангелом спасителем звездолётов с фотонными двигателями: на субсветовых скоростях обычные радары, основанные на электромагнитном излучении, уже ничем не помогали, и о присутствии смертельно опасных препятствий на пути первопроходцы узнавали только тогда, когда каменные глыбы прошивали их корабли насквозь. Прошивали, нанося чудовищные повреждения, сбрасывая с траектории, обрекая на долгую и мучительную смерть в остывающем без энергии корабле, и экипажи умирали, лишённые даже надежды на спасение.

И сегодня РСП-М не подвёл. Как только в семи тысячах

километров от «Полярной Звезды» на одной с ней высоте от поверхности пространство вдруг слегка дрогнуло, словно проваливаясь в небольшую воронку, система тут же подавала тревожный сигнал. Следом, через считанные мгновения, другая система засекала магнитную аномалию, а ещё через секунду и мощнейшая оптика уловила изменения в привычной картине небосвода.

Дима от неожиданности даже сказать ничего не смог, с изумлением таращился на диво, что показывали голографические модели прямо перед его рабочим местом, хотя поставить в известность своего товарища по дежурству он просто был обязан.

– Кожемяко! – Из ступора вывел окрик Антона, – Ты что уснул!?

Новичок пролепетал в ответ:

– Нет, тут чертовщина какая-то...

Комаров вмиг взял ситуацию в свои руки: пальцы заплясали по сенсорным кнопкам, словно виртуоз играл на пианино, и перед начальником смены развернулась удивительная картина, не похожая ни на что, что он видел собственными глазами, или читал в учебниках...

Просторная капитанская каюта ничем не выделялась из подобных помещений, призванных дать отдых уставшей команде, а просторной она считалась по космическим меркам, меркам, где идёт постоянная борьба за каждый кубический метр пространства, защищённого то убийственного холода

вакуума и жёсткого излучения не такой и далёкой звезды. Капитан «Полярной Звезды», Головкин Андрей Григорьевич, в лихие молодые годы избородивший чуть ли пол галактики, дослуживал последние годы на сравнительно спокойной должности старшего офицера орбитальной станции.

Размеренная работа, неторопливый ритм которой нарушался всего несколько раз до того дня как Новой России, да и собственно всей системе Аврора-2 выпала нелёгкая доля.

Еноселиза. Освоение дальней системы, лежащей практически на пределе радиуса действия даже самых совершенных «прыжковых» звездолётов, поломала неспешную жизнь ветерана космических трасс. Поток кораблей, проходящий транзитом через «Полярную Звезду», постоянные погрузки-выгрузки с борта на борт опаснейшего топлива – антимагнетизма, без которого рывок к далёкой голубой звезде просто немыслим, постоянный приём тысяч пассажиров, их спуск на планету, отправка к другим рукотворным объектам на орбитах Дианы и Паллады...

Андрей Григорьевич очень скучал по дальним рейсам, по рискованным разведывательным полётам вглубь рукава, навстречу необъятному шару звёзд, образующему ядро галактики. Но годы, а точнее годы тяжёлой работы и колоссального напряжения уже взяли своё – ему всего месяц назад стукнуло семьдесят, вроде ещё пол жизни впереди, но...

Он отдал себя всего, без остатка, и каждый раз вставая утром с постели, глядя на своё отражение в зеркале, матёрый

волк дальнего космоса понимал, что своих правнуков ему не увидеть. Организм быстро сдавал, измученный чудовищным напряжением многолетних полётов, а тут ещё и навалилась «стройка века», как называли её тупые писаки, не способные осознать и сотой доли той тяжести, что легла на астронавтов многих звёздных систем.

Капитан перевернулся на правый бок, поправил одеяло. Сон не шёл. Даже не глядя на подсвеченный настенный циферблат, Головка точно знал, что уже прошло часа два, как он погасил свет в каюте, а тело словно издевалось над душой, жаждущей покоя, не желало уплыть в мир грёз. Предстоящая через четыре дня почётная отставка не была тому причиной – он был готов к жизни пенсионера и морально, и материально. Амбиции его не мучали: он достиг всего, чего только мог желать человек – дотянуться до звёзд, увидеть иные миры, бесконечные видеозаписи о пребывании на которых займут в его тихом домике в спокойной провинции достойное место. Он не бросил ни одно дело, за которое брался, и «Полярная Звезда» так же после его ухода не осиротеет, Орлов Харитон Олегович, его первый помощник, подхватит эстафету.

Сон не шёл, и когда прозвучал сигнал экстренного вызова с мостика, капитан даже обрадовался. Сбросив одеяло, он тут же принял вызов:

– Капитан Головка, слушаю. – голос крепкий, прямо по военному.

На экране взволнованное лицо Комарова, ещё молодого, но очень перспективного офицера. Мимика и голос сказали каперангу больше, чем слова – что-то неординарное должно было произойти, чтобы вогнать в лёгкий испуг уже опытного космонавта.

– Андрей Григорьевич! – Антон почти кричал, – Извините, что разбудили, но тут такое твориться!..

– Что твориться? – недоверчиво спросил Головкин, видя на экране практически три четверти мостика – там как ужаленные метались люди в форме.

Чем бы ни было ЧП, а оно уже подняло на ноги не только дежурных.

– Какая-то странная пространственная аномалия, и всего в семи тысячах...

Комаров замялся, не зная, как и объяснить увиденное, но капитан уже понял, что надо посмотреть на всё своими глазами, и, бросив на ходу короткое, ждите, рванулся к шкафчику...

* * *

Зов детей всё больше заглушал звуки мира, всё меньше двух лисиц интересовали простые радости, заполнявшие череду дней и ночей. Они не ели и почти не спали, просиживая долгими часами у прозрачной, как самая чистая вода, стены, и не отрывали взгляды от яркой звезды, которая на са-

мом деле была и не звездой вовсе, а планетой, и звали, звали...

Девушка со звёздными глазами сначала тенью неотступно следовала по пятам потерявших покой хвостатых разбойников, выпроваживая с их пути людей, чтобы двуногие не разрушили хрупкой сосредоточенности лисиц, и постепенно, с каждым новым днём, верхние этажи орбитальной станции становились всё пустынее. Только два зверя с горящими от возжелания глазами, да их провожатая нарушали тишину сада под стеклянным куполом, открывающим вид на чёрный небосвод с ярким светилом. На ослепительном диске уже потерялась далёкая планета, от которой, как казалось, и шёл Зов, но рыжие упорно силились рассмотреть в бездне пространства источник сладких песен.

Даже сквозь плотно прикрытые веки, они чувствовали слепящие лучи звезды. Не видя ничего глазами, Лис с Лисичкой неотрывно следили за единственно верной дорогой, которую проложили их разумы. Сознания детей всё живей откликались, ласкались к своим родителям, всё чаще и чаще эти встречи происходили не в бесчисленных километрах от дома родителей, а всё ближе и ближе к стеклянной скорлупке, парящей в пустоте. Их чада с каждым днём делали всё более уверенные шаги навстречу...

Лесавесима шла по пустому коридору. Ноги неслышно касались пола, пальцы скользили по стене, грустный взгляд впитывал картины ставшей родным домом станции. Она

хотела её запомнить, место, где судьба свела её с удивительными созданиями, весёлыми, озорными и жизнерадостными лисицами, с которыми она и проводила большую часть свободного времени. Они стали ей друзьями, но пришёл час расставания. Ей пора назад, в мир, где её ждут перемены, в мир, где она встретит своих хвостатых разбойников снова, а пока...

Станция была пуста. Девушка со звёздными глазами знала о тех разрушительных по своим масштабам и силе изменениям, которые грядут в самом ближайшем будущем, ведь они пришла в этот мир именно для этого. Проложить дорогу между мирами, заставить вернуться Лисичку и Лиса, но...

Она слишком много времени провела с людьми, что работали и жили в этой рукотворной громадине, сдружилась с ними, много и усердно трудилась, стараясь постичь премудрости человеческого бытия. Целая жизнь, яркая, полная и радостных моментов, и тяжких огорчений, беззаботной радости и запредельного напряжения сил, всё она оставит тут, унеся с собой только воспоминания.

Пустота. Нет больше беготни и несмолкающего гомона людских голосов, весёлых застолий по вечерам, когда шумные компании собирались вместе. Не сидеть ей больше рядом с этими странными созданиями, что с такой лёгкостью приняли в свою большую семью незнакомку, у которой от человека если что и было, так это некоторое внешнее

сходство. Она стала для них родной, чужая и непохожая, мудрая и вечная, как свет, что лился из её звёздных глаз. Они приняли её такой, какая она есть, и она их приняла со всеми странностями и чудачествами. Но настала пора проститься...

Предупреждённые о грядущем катаклизме все друзья и просто знакомые двуногие уже покинули станцию, которой выпала нелёгкая судьба стать пристанищем для трёх пришельцев из иного мира. Лесавесима не смогла забыть их потрясённые лица, когда иномирянка поведала об истинных причинах своего появления, и о том, зачем два рыжих разбойника, чья неуёмная энергия не раз и не два переворачивала вверх дном размеренную, в общем-то, жизнь космического поселения, пришли вместе с ней.

Никто не упрекал её, никто не кричал, не бросал в лицо обвинения, но... Она не могла, и не сможет уже никогда забыть то прощание, когда её друзья убывали вдаль, подалые от готового разразиться шторма. Они не хотели этого расставания, не хотели отпускать её, не хотели расставаться даже с лисами, хоть те первое время так насоловившимися им своими кражами съестного. Они успели сдружиться и на свой лад полюбить друг друга, даже шеф-повар растаял, угощая лисиц самыми вкусными порциями, не вынашивал большие грозных планов сделать из них воротники для шуб. Но настали тяжёлые минуты расставания, и пришлось прощаться...

Лесавесима, погружённая в собственные мысли, неспешно шла по коридору, касаясь руками неярких огней притушенного освещения. Дом уходил из этой Вселенной, и девушка со звёздными глазами совершенно точно знала, что они больше не увидятся. Это расставание навсегда, и она никуда не спешила, прощаясь с родными стенами...

Если первое практическое использование Якоря ввело всех без исключения кураторов и руководителей ИБиСа в изумление, то происходящее сейчас просто не поддавалось осмыслению. Точнее поддавалось, но с массой допущений, многим из которых пока не судьба получить научные подтверждения даже факта своего существования.

– «Эфирная Альфа» пуста? – с недоверием переспросила Ворожейкина.

Она так же заняла одно из кресел Учёного Совета, органа, который был разрушен кризисом, а до проекта Еноселиза так и не успевшего принять даже подобие стройной организационной структуры. Старому руководящему составу доверия уже не было, более того, он в полном составе попал под подозрение, и сейчас во всю силу, пусть и не гласно, но шло следствие, а новый ещё не сформировался до конца.

Елена с нескрываемым интересом наблюдала в последние дни за происходящим в ЭМ литанов-Усы и лисиц. Таня уже вышла из погружения, успешно справившись с задачей создания наземных млекопитающих, чем-то похожих на миниатюрных бегемотов. Мощная гравитация переполненной

тяжёлыми металлами Лапреоф (остряки утверждают, что такое несуразное и трудночитаемое название планете при-
своил вдрызг пьяный астронавт – экипажи двух кораблей,
в основном выходцев из Испании, были очень расстроены
«окрытием»!) практически не оставляла Клану Земли выхо-
да, кроме как работать над животными, ведущими полувод-
ный образ жизни.

Так что, новоиспечённый, а точнее, испечённая член Со-
вета, несмотря на чудовищную усталость от прошедших по-
чти пяти месяцев сложнейшего погружения, пропадала в
операторских залах Сафировой, Хельги и Дробышевой. А
посмотреть было на что.

– Да, пуста, – подтвердила Хельга, – Лесавесима как-то
убедила эээ... людей...

– Эфирные образования, которые мы воспринимаем как
людей, – поправила Лариса, чьё изображение заняло весь на-
стенный экран, настолько широкий и с таким прекрасным
изображением, что создавалось впечатление, будто никакой
стены между операторскими залами и нет вовсе.

– Хорошо, образования, – согласилась женщина-киборг, –
Итак, наша крылатая красавица уговорила их уйти.

– В любом случае – это есть огромный плюс, – широко
улыбаясь, заметила Марина, – Ведь неизвестно до сих пор,
что именно из себя представляют эти образования! А вдруг
они так же реальны, как и мы? Пусть они и не люди, а просто
разумы эволюков преобразуют их в более понятные и при-

вычные нам явления и образы, но...

Все поняли, куда клонит Сафирова: нести моральную ответственность за массовую гибель разумных существ (а как ещё объяснить общение девушки-Лесавесимы с «экипажем» эфирной «Альфы»?), пусть они и трижды не люди, не желал.

– Превосходно, просто превосходно! – Лена обняла Хельгу, нежно поцеловав в щёку, – Даже если опыт с «Акулой» и не оправдает ожиданий, Вы всё равно просто молодцы! Такие идет в голове, да ещё и их прекрасная реализация!

Да, было от чего потерять голову от счастья. Теперь можно было не сомневаться в итоге: кураторы в лепёшку расшибутся, но добьются введения в штат «духовных защитников». Можно уже не сомневаться в том, что Элан, пусть и выступавший ещё до погружения против такой затеи, несмотря на все свои способности, этот бой проиграет, и уступит мнению коллектива.

Тут вопрос в том, что шаг в создании специализированных «духовных защитников» несколько спорен с точки зрения морали. Человек нового общества, сознавая ответственность за будущее всего народа, что ложиться на каждого индивидуума в момент достижения возраста персональной и коллективной ответственности, отдаёт себе отчёт, когда ставит под угрозу собственный разум и жизнь за что, и ради чего он рискует. А вот летуны, или те, кто придут им на смену, неважно какие образы вложат в их тела фантазия эволэков...

– Не будем торопиться, – урезонила свою коллегу Хельга.

Она не собиралась спешить с выводами по одной единственной, но очень важной причине...

* * *

Капитанский мостик «Полярной Звезды» был запружен служивым людом, и даже недовольство этим вавилонским столпотворением, кое громко высказывал Головкин, не доходило до большинства ушей. Перед изумлёнными взорами людей пока осторожно, словно боясь своего появления в чуждом мире, росла невиданная аномалия космоса.

Невероятной протяжённости туннель искривлённого пространства уходил на многие миллионы километров в космос, нацеливаясь чуть расширяющейся воронкой почти точно на Палладу, а остриём, казалось, едва не касаясь атмосферы Новой России. Приборы врать не умеют, и уже не первый час опытные космонавты ломали головы над метаморфозами пространственно-временного континуума: в аномалии явно не было привычных законов физики, во всяком случае, выбросы солнечного ветра, коих угораздило попасть в воронку, выходили из загадочного туннеля, достигая планеты гораздо раньше, чем должны. Волны энергии, порождённые безумством термоядерного огня Авроры, ещё только начинали удаляться от Паллады, а небольшая их часть, словно по мановению волшебной палочки, уже выбрасывалась из выходного клина «коридора». Но на этом чудеса не заканчива-

лись.

Космос словно вспорол чёрный тонкий клинок, загородив звёзды от глаз наблюдателя – аномалия, искривив пространство, отбрасывала свет далёких солнц в стороны, и туннель было уже видно в простые телескопы. Электромагнитные вихри били из острия воронки, силясь сломать магнитную решётку планеты, но пока, к счастью, сами разбивались о её несокрушимую силу.

Все экраны обзора были забиты изображениями: какие-то показывали дивное диво, какие-то служили для визуальной связи с планетой, на которой не на шутку перепуганные учёные на все лады пытались понять суть явления. Жуткий гвалт и на мостике, и в эфире отнюдь не способствовал нормальной работе, а заставить замолчать людей не получалось, пока сквозь неразбериху и суматоху не прорвалось сама Императрица.

Все сразу же притихли, и на станции, и на земле, а Владычица, явно рассерженная таким бардаком в средствах связи, утихомирила людей.

– Не стоит паниковать, господа, – заверила Анна Сергеевна, – Это просто опыт ИБиСа, который преследует несколько задач, самой важной из которых является опробование нетрадиционного способа перемещения в пространстве.

– Я, конечно, извиняюсь, Ваше Величество, – прорычал в ответ Андрей Григорьевич, – но неужели нельзя было предупредить!

Возмущение капитана было понятно, но Императрица не разделяла опасений: опорная точка аномалии не пересекала космических трасс. Естественно, каким бы любопытным ни был опыт, какие бы захватывающие перспективы ни открывал, о безопасности думали в первую очередь.

– Скажу откровенно, – призналась Императрица, ничуть не рассердившись на резкость, – мы не были уверены, возможно ли вообще такое.

О плане знал только предельно узкий круг посвящённых, таковых можно было перечитать по пальцам, – выставять себя на посмешище в случае провала всё же не хотелось.

– Но пока всё идёт примерно так, как и предполагали, – она нахмурилась и спросила, – Остриё не движется к атмосфере?

– Нет, – облегчённо ответил каперанг, – оно стабильно с момента своего появления и направлено точно на Институт Биологических Систем, словно он является каким-то фокусом всех сил, породивших аномалию.

– Так и есть, – утвердительно кивнула Анна Вторая, – Мы попробуем в автоматическом режиме провести через тоннель транспортный корабль класса «Акула». Он сейчас близко от Паллады, и длинна созданного перехода составляет примерно восемьдесят миллионов километров.

Все, кто был на связи, и услышал эту сногсшибательную новость, дружно ахнули – Оборудование «Полярной Звезды» показывало, как оказалось, только чуть больше поло-

вины аномалии, и только сопоставив данные, полученные с ближайшей от светила обжитой планеты, удалось получить целостную картину.

– Это опасно, – запротестовал человек на экране, высокопоставленный вельможа, – Если с ИР корабля, или с его система что-то случиться произойдёт непоправимое!

Несколько человек, в том числе и Головка, согласно зашумели. Непоправимое – это не совсем точное слово, которое не передаст и тени того, что произойдёт, когда материальный объект массой в тысячи тонн пройдёт атмосферу на скорости от нескольких до нескольких десятков (как предсказать эту величину?) километров в секунду. Это чревато катастрофой если и не планетарного, то континентального масштаба уж точно! Но офицеры флота и тут зря переживали.

– Ничего страшного не случиться, – парировала владычица, – У вас же ракеты-перехватчики, снаряжённые антивеществом?

Самое разрушительное оружие, созданное пытливым (безумным?) человеческим разумом – аннигиляционные боевые части средств поражения. Контакт всего одного килограмма, например, самой простой в получении антиматерии, антиводорода, и килограмма нормальной материи, всё равно какой, приводит к мгновенному выбросу энергии, эквивалентному взрыву более чем сорока миллионов тонн тротила.

Термоядерные боеприпасы такой мощности имеют колос-

сальные габариты и массу, а тут всё укладывается в небольшой комочек зловещей субстанции, которую от контакта со стенками боевой части боеприпаса удерживают магнитные поля довольно простой конфигурации. Пока по магнитным катушкам течёт ток, можно ни о чём особо не волноваться, но когда настанёт момент истины, бег электронов мгновенно замирает, и...

Ещё до Колониальной Эры человечество единогласно приняло решение, запрещающее не мирное использование антивещества – наигрались, и чуть не доигрались с атомным оружием. Хватит. Но когда люди освоились в других звёздных системах, встал вопрос защиты новых домов, да и матушки Земли от грозной опасности – астероидов и комет. Эти странники космоса легко могли поставить точку в истории если и не человечества, то конкретной планеты. Одним ударом они могут превратить рай, созданный колоссальным трудом, в ад из пепла, лавы, чудовищных землетрясений и гигантских волн, цунами, от которых спасётся только кучка счастливиц, волей судьбы оказавшихся в космосе, на борту корабля, или орбитальной станции.

Рисковать понапрасну достижениями, в которые вложены невероятные средства и ресурсы, не хотел никто, и все державы и союзы пошли на мировую. Теперь каждая освоенная планета на обязательной орбитальной станции имела перехватчики разной мощности, способные разнести на молекулы небесные объекты массой от нескольких тысяч до милли-

онов тонн. Только бы вовремя засечь опасность, чтобы невероятной силы взрыв, пусть и в безвоздушном пространстве, неспособном породить ударную волну, произошёл как можно дальше от планеты.

«Полярная Звезда» не стала исключением и оснащена была в лучших традициях: целая батарея «Копий» была готова разметать в пыль любого «тихого убийцу», как прозвали астероиды астрономы, за их привычку незаметно подкрадываться к планетам из настолько безбрежного пространства, что даже современная техника не могла гарантировать сто процентного своевременного их обнаружения.

– Да, Ваше Величество, ракеты есть, и они в готовности, – доложил Головка, – Если что пойдёт не так, стрелять будем третьим номером – от «Акулы» не останется обломков больше спичечного коробка, а эпицентр взрыва будет на безопасной высоте.

Хотя его голос был твёрд, но, откровенно говоря, Андрей Григорьевич немного побаивался такого соседства мирной станции и самой разрушительной силой во вселенной. Да, электромагнитные ловушки антиматерии надёжны, да системы подачи к ним электроэнергии дублированы пятью линиями, каждая из которых работает от собственного источника, да он много раз отправлялся к далёким звёздам на кораблях, чьей главной движущей силой было именно антивещество, но...

От невесёлых мыслей отвлекло чьё-то восклицание:

– Я бы рекомендовал эвакуировать людей в радиусе двух сотен километров от ИБиСа.

– Соответствующие мероприятия уже проводятся ещё со вчерашнего вечера, – заверила Анна Сергеевна, – Даже в Огнегорске объявлено чрезвычайное положение. Мы сделаем всё, чтобы устранить малейший риск для людей.

Естественно никто не собирался ставить опасный опыт, надеясь на простое чудо.

* * *

Экипаж «Акулы» работал уже в состоянии стресса – на принятие решения времени не осталось совсем. Их предупредили, что ввод корабля в автоматическом режиме в разрыв пространства, образованный эволюками, должен быть произведён как можно быстрее: кураторы ИБиСа сильно сомневались, что их подопечным удастся поддержать Перекрёсток, как окрестили проект, открытым сколь либо долго. Всплытие сознания контактера из Океанеса может проходить медленно, но Якорь замедлил предварительную фазу, зато резко сократил время конечной фазы. Эволюки уже напоминали подводные лодки, которые сначала вроде бы не спеша продувают балластные цистерны, зато потом поплавками выпрыгивают на поверхность, да ещё и поддавая при этом «газу» электромоторами.

Циклопическая воронка, радиус которой, по самым

скромны расчётам, составлял километров двести пятьдесят, заставила топтаться в нерешительности на месте. Зубастая хищница, словно испугавшись, застыла у края аномалии, не решаясь ни сделать шаг вперёд, ни отступить.

Для сомнений был повод: пущенный первым автоматический зонд, уже был подхвачен беззвучным вихрем, и по огромной спирали набирал ход столь лихо, проваливаясь вглубь воронки, что у пары космонавтов разом родилось сомнение.

– А выдержит ли конструкция? – Валера бросил быстрый взгляд на своего штурмана.

– По идее да, перегрузки на разведчике пока не более трёх «Же», – ответил Холодов, с молниеносной быстротой стуча по кнопкам – поток данных от зонда поглотил всё его внимание, – но воронка широкая только тут, дальше приборы показывают резкое сужение. Ещё ближе к Новой России туннель вообще узкий – на выходе не более шести километров в диаметре.

С «Полярной Звезды», которая, естественно, оборудована куда как богаче наспех переделанного под необычную задачу транспортника, так же летели депеши, все с пометкой «Сверхсрочно». Так что, происходящее на орбите планеты для двух храбрецов секретом не было.

– Полученные снимки показывают, – продолжил скороговорку Денес, – что подхваченный туннелем солнечный ветер на выходе имеет огромное угловую скорость. Я сейчас рас-

считаю перегрузку в конце траектории.

– Хорошо, я жду ещё десять минут, – ответил пилот.

Решаться надо немедленно, но и спешить нельзя. В конце концов, сама Императрица прямо приказала: если будут серьёзные сомнения, «Акулу» в разрыв метрики не пускать, ограничившись пуском зондов – корабль снарядили почти двумя сотнями таких аппаратов. Недвусмысленный приказ держать синицу в руках давал возможность в любой момент пойти на попятную, отказаться от броска отнюдь не маленького и весьма дорогостоящего корабля в неизвестность.

Валера убрал руки от рычага, и реактор транспорта так и остался работать в холостую – рабочее тело из огромного оранжевого бака, прикреплённого под брюхом «Акулы», не потекло в активную зону. Он снова окинул взглядом приборы, что весело подмигивали экипажу, даже не подозревая о собственной участи. Всё в порядке, корабль жив. А что же Денис?

Напарник хоть и работал с просто невероятной скоростью, но пилоту всё время казалось, что время убывает раз в десять быстрее, чем мелькают на экранах штурмана-оператора цифры и данные. Уловив краешком сознания нетерпение пилота Холодов ответил:

– Секууундоочкуу...

Бешенный галоп на экране прекратился, и Денис уже спокойный, утирая пот со лба, выдал вердикт:

– Около восьми единиц будет, наверное, – выдохнул, – В

притык, у нас десятка максимум, потом развал на кусочки!

– Не пойдёт, – отрезал Слюсаренко, – Или будем переориентировать «рыбку» так, чтобы она падала плашмя, по отношению к вертикальной оси туннеля, и поверхности планеты, либо не идём вообще.

– Предлагаешь гасить нарастание угловой скорости собственной тягой?

– Другого выхода нет, хоть и на нас будет давить, – настаивал пилот, – Если просто отдаться течению вихря, то перегрузка будет нарастать постепенно, и достигнет, а может и превзойдёт критическую, в самом конце пути. Если меряться с этой фиговой силой, то перегрузка сразу будет три «Же», потом пять, но зато на выходе всего семь!

Им были до лампочки все приказы свыше. Они решили не просто бросить «Акулу» в слепой прыжок сквозь пространство и время, а идти вместе с ней. Это их решение, храброе до безрассудности.

– Нас весь полёт, а это час, не меньше, будет плющить, как прессом, – предупредил Денис.

– А противоперегрузочные костюмы зачем? – парировал Валера.

Оба расхохотались, а потом одновременно подали руки, и забранные в перчатки скафандров ладони сжались со всей мужской силой.

– Помчались! – Озорно прокричал пилот.

– Даёшь рекорд! – Поддержал товарища штурман.

Из огромных сопел в корме корабля ударил в пространство сноп раскалённых газов, и «Акула», быстро набирая скорость, понеслась в пасть неведомого зверя. Грандиозная воронка уже загородила все обзорные экраны, исчезла россыпь звёзд, уже давно пропала из виду далёкая, но прекрасно видимая Новая Россия, только чёрный, даже скорее дымчатый вихрь, уже завладел храбрецами. Словно водоворот игрушку, он подхватил огромный корабль, и Валера едва справился с пилотированием, вовремя дав команду маневровым двигателям. Корабль озарился короткими вспышками, и «Акула» медленно, словно нехотя, начала задирать нос, принимая странное положение в пространстве – брюхом к далёкой земле, носом к оси вращения, но так, чтобы вектор силы маршевого двигателя боролся с нарастающим ускорением, то есть летела кормой вперёд!

* * *

Лесавесима уже знала о приближении грозы, но пока не спешила. Сидя под маленьким деревцем, она с каким-то умиротворением наблюдала за двумя лисицами.

Уже который день два её товарища по играм и шалостям не замечали своей подруги, они рвали к своим детям, забыв обо всём на свете, даже не заботясь о собственных жизнях. А буря уже была рядом, только бы всё получилось, только бы их две половинки, затерявшиеся на другой планете, успе-

ли бы вырвать их из этого опасного места!

«Альфю» лихорадило. Дрожала броня, что берегла таких хрупких людей от убийственных лучей и холода, в резонанс звенели трубы, переборки, уже трещал металл, но два рыжика не замечали ничего вокруг.

Ей пора. Таков был уговор – Мать отпускает её, свою дочь, в эти дали, но только если она в оговоренный момент уйдёт, несмотря ни на что, вернётся домой, туда, где беспробудным сном уже целую вечность, спит она сама...

Две лисицы даже не заметили, как окончательно осиротел их дом, оставив двух упивающихся возжелением зверей в крик рвать себе глотки, звать и звать, снова и снова...

Лесавесима дёрнулась так, что будь на месте Хельги живой человек, его бы как тряпичную куклу смяло мощнейшим ударом крыла. Суппорты СЖО яростно взвыли моторами, убирая металл и пластик с пути взбесившегося дракона. Киборг ушла перекатом в угол, но тут же прыгнула вперёд, оседлав дочурку, прижимая шею и крестец к полу собственным весом. Острый шприц вонзился в податливую плоть, вызвав новую эскалацию сопротивления, но Хельга сжала железную хватку, и, дожидаясь, пока лекарство погасит порывы нервной системы, совершенно ровным голосом уговаривала летунью:

– Тише, девочка, тише! Ты уже вернулась! Это я, твоя мама! Слушай мой голос!

Как опытная всадница она держалась силищей ног на

необъезженном скакуне, пока Лесавесима брыкалась, порываясь встать, но лапы не держали – хоть и гоняла Хельга моторику лисиц через её тело, но делать такое приходилось крайне осторожно, и силы уже были не те, что раньше...

Летунья рухнула на пол, крылья опали, мышцы стали стремительно оплывать, как нагретый воск, и куратор соскочила со спины несчастного создания. Оказавшись у изголовья необычного контактёра, Хельга рухнула на пол, осторожно приподняв голову дочурки.

Две пары шаровых скоплений звёзд ещё мучила плена, но взгляд быстро наполнялся разумом, немного удивлённым нахождением в подзабытой телесной оболочке. Из горла с хрипом вырывалось дыхание, мокрый нос ткнулся в шею мамы, острые ушки настороженно ловили звуки знакомого и незнакомого одновременно мира с белоснежными стенами и потолком.

– Всё хорошо, – Хельга гладила перья, быстро успокаивая дочь теплом своего голоса, – Ты молодец, отлично всё получилось.

Лесавесима с натугой набирала воздух, горло, словно один большой ожёг, не слушалось совершенно, но на выдохе её хватило на два слова:

– Здравствуй, мамочка...

– Здравствуй солнышко. С возвращением...

Уплывающее уже в нормальный сон сознание летунии почти не замечало нервную суету врачей, трёхэтажную ругань

примчавшейся Аммы, и не менее изощрённые ответы эскулапов. Всё хорошо, она вернулась, а уж папа и Афалия тоже вернуться... Они сильные... Обязательно вернуться...

Литана и её суженый потеряли покой. Ленты икринок уже не просто развевались полотнищами, подхватываемые мягким течением свинцовой воды, они дрожали музыкой просыпающейся жизни, и две рыбы, что несчётные дни и ночи не отходили от кладки, пели гимн мирозданию.

Они кружились в невесомом подводном танце, подхватывая из эфира мелодии, вплетая ритм и звуки в собственную песню, и песню своих чад, что перезвоном хрусталя лилась через края переполненной счастьем чаши...

А в далёком океане, что прерывал бег бесконечной ленты реки, в унисон этим голосам пела мать, призывая китёнка познать все красоты Вселенной, Вселенной не ограниченной одними лишь морями.

Уса знала, что её ждёт удивительное путешествие по волнам Великой Реки, что вернут, обязательно вернут заблудших детей в тихую гавань, где любят и ждут. Она не потеряет ничего. Пение китов навсегда поселилось в душе, оставив щемящую сердце радость от познания иной жизни, а там, у далёких берегов её ждут новые песни. Не менее загадочные и прекрасные, они волеют жизнь в её уставшую от странствий между мирами душу, залечат раны расставания со своей семьёй, подарят новых друзей, родных и любимых...

– Есть! – Воскликнули почти одновременно Драбкина и Сафинова.

– Да, вижу, – подтвердила Хельга, – Пошло нарастание на Эликомо!

Зов детей всегда сначала ненавязчиво, усиливался на протяжении, казалось, бесконечно долгих недель, пока не достигал пика. Усиленный нейронно-электронными системами, чья мощь вызывала головные боли даже у ветеранов-эволюков, прошедших «запечатывание» разума, и разбросанных по самым дальним закоулкам всех трёх освоенных материков, он прорывался к контактёру. Как луч света мощнейшего прожектора он торил дорожку к дому, тому самому, который не заменить никакими Эфирными Мирами, какими бы прекрасными они не казались, какие бы сладкие пряники не сулили душе человека. У них есть Дом, и пора возвращаться.

– Пошла сцепка «лисьего ЭМ»! – довольно прогорланила Марина.

Всё! Теперь уже за целостность душ двух подопечных можно не беспокоиться – Уса и Литан уже вцепились мёртвой хваткой в свои половинки, яростно не желая терять такое богатство.

– Эх, как присосались, не оторвать!!! – Во весь голос вопила Полякова, так же не пожелавшая пропускать исторический момент.

В двух операторских, совместной Хельги и Марины, и соседней Ларисы, яблоку негде было упасть: несмотря на

ранний час, десятка три кураторов, уже вытащивших своих эволэков, собрались поглазеть на действо. Это была всего вторая практическая работа в двух Эфирных Мирах одновременно, и всех очень интриговал и волновал финал. Выйдут, или нет?!

Саша чуть не ломала от напряжения собственные пальцы, впившись взглядом в мониторы, и, едва дыша, шептала:

– Давайте, детишки, ещё... ещё... вперёд...

Двух лисиц подхватил неистовый поток. Они, захлёбываясь от волн восторга и ужаса, неслись вдаль, повинувшись неистовой стихии. Они в крик звали детей следом, призывали не бояться этого свирепого течения. И те слушались своих родителей, без страха окунувшись в круговерть первоначального хаоса.

Они знали, куда их тянет неведомая сила. Их собственные души далеко, в каком-то другом мире, так же рвутся домой, и тянут их следом. Сжать зубы, загнать страх поглубже, позволить голосу своей второй половины взять верх! Не сопротивляться! Ни в коем случае не противится падению в бездну, не знающую ни пространства, ни времени, ни знакомых по уже почти забытой жизни законов мироздания! Будешь драться, будешь рвать ткань Реки собственными зубами, пытаясь выбраться в спокойный мирок и тогда конец – ты потеряешь и вторую свою половину, и путь домой!

Ярость обезумевшей реки нарастала, швыряла лисиц и

их чад как гигантские волны швыряли крошечные кораблики первых мореходов...

На «Полярной Звезде» поднялся натуральный переполох: мостик заполнился грохотом ног разбегающихся по постам людей, а капитан первого ранга с ужасом смотрел на разворачивающуюся катастрофу.

Андрею Григорьевичу даже не пришлось смотреть на приборы, чтобы понять: всё, это конец. Он не замечал ничего вокруг, и даже не слышал надрывов голоса девушки из секции дальней связи, которая отчаянно звала к потерявшемуся за облачной массой институту, до последней секунды надеясь, что мощнейшие передатчики станции всё же пробьют пошедшую в рост аномалию.

– ИБиС!!! ИБиС!!! Это «Полярная Звезда»!!! Ответьте!!!
Отвечайте же!!!

Её голос сорвался на панический крик, но, о чудо, сквозь треск помех взбесившегося мира прорвался удивительно спокойный голос:

– Это Амма! ИБиС слушает, что у вас там за паника?!!

– Воронка опускается вниз!!! – от девичьего крика чуть лопнули толстые стёкла, открывающие вид на панораму космоса.

Поразительно, но никаких дополнительных пояснений не потребовалось, хотя и эфир просто взорвался отборными матерными выражениями, смысл которых можно передать коротко: всё, писец, доигрались! Далее последовала крат-

кая, но очень ёмкая по смыслу реплика, призывающая к нехорошим действиям в отношении матерей смелых, мягко выражаясь, экспериментаторов. Через секунду, отведя душу, Амма постаралась успокоить людей:

– Не беспокойтесь, сейчас сведём число жертв к двум – это максимум.

Связь оборвалась, и Головко молился, чтобы у работников ИБиСа хватило ума предпринять хоть что-то, до того как острый наконечник воронки коснётся стратосферы.

Белый от испуга первый помощник, Орлов, сунул капитану под нос планшет с виртуальной моделью, но, понимая, что взбаламученный надвигающейся катастрофой разум старшего офицера сейчас не станет разбираться в мудрёных таблицах, просто выпалил:

– Аномалия коснётся атмосферы через сорок минут!

– Великие Небеса, – протянул Андрей Григорьевич, неотрывно глядя, как всё быстрее и быстрее чёрное лезвие страшного клинка стремиться к родной планете...

* * *

Казалось, весь Северный континент выше широты города Московия, одновременно взвыл сиренами гражданской обороны. По улицам, автострадам, мчались полицейские машины, призывающие людей укрыться в ближайших убежищах, способных дать хоть какую-то надежду пережить ура-

ганные ветра. В многоэтажных небоскрёбах и маленьких домиках городов и городков, сёл и деревень, люди без паники, но быстро спускались в подвалы, погреба и подземные автостоянки, из которых всеми возможными способами спешно убрали автомобили, давая как можно больше места для не на шутку встревоженных людей. Многие с собой успели прихватить «тревожные чемоданчики», где именно на такие случаи хранятся хоть и небольшие, но припасы, и бесценная во время глобальных катастроф вода.

Анна Сергеевна постоянно следила за ходом эвакуации сотен тысяч людей, исподволь радуясь тому, что ИБиС всё же расположен в глубинке, да ещё и на Севере. Даже до Огнегорска, ближайшего крупного населённого пункта, было никак не меньше двухсот километров, а это давало серьёзную надежду, что когда аномалия врежется в атмосферу, город отделается выбитыми стёклами и прочими мелкими неприятностями.

А вот над самим институтом нависла смертельная опасность: если его и не сметёт ураган, и не выбросит в космос, то «Акула», которая по сообщениям с Паллады уже вошла в вихрь, разминуться с ним не сумеет. Жестко схваченная аномалией, она последует к самой земле, и у астронавтов, которые слушались её наказа, будет только один выход – развернуть корабль кормой к земле и пустить маршевые двигатели на полную мощь. Это единственная возможность избежать фатального для целого материка удара огненного боли-

да, но тогда ИБиС сначала примет на себя удар разогнанного до скорости в десятки километров в секунду факела газа, а потом и всю мощь многотысячетонного корабля. В любом случае институт станет огромной братской могилой – без вариантов!

– Мама, ты слишком спокойна для такой ситуации, – заметила старшая дочь, Елизавета.

На лице Императрицы действительно не было видно настоящего сильного волнения, не в пример многим чиновникам, что метеорами носились по огромному залу: люди метались к терминалам связи, с кем-то спорили, кто-то кому-то докладывал, срывая голос.

Её волновал не только ИБиС и жизни сотен людей, но и родная душа – Марина Серебрякова не стала прятаться за своим высоким социальным статусом, и вместе с соратницами ушла в Океанес. Вернулась, блестяще выполнив задание, но сейчас, ничего не подозревая о надвигающейся беде, находилась там, где и положено быть эволэку после всплытия – в реанимационной палате. Но мать не выказывала и признака беспокойства за свою двоюродную племянницу.

Побагровевший от нахлынувшего негодования, сын властительницы, Елисей, уже скорее молодой мужчина, чем подросток, красивый и статный, широкоплечий, с умным лицом и выразительными серыми глазами, уже готов был вспылить, но мать осадила своих детей:

– Не беспокойтесь, в ИБиСе работают два мощнейших ис-

кусственных разума – Амма и Хельга – голос непробиваемо спокоен, – Они предусмотрели и такой сценарий, ничего плохого не произойдёт.

Видя недоверие на лицах брата и сестры, Анна Сергеевна мягко улыбнулась, опускаясь на трон:

– Верьте мне. Всё обойдётся.

* * *

Литан и Литана, опьянённые счастьем, неслись вместе вперёд, вверив свои судьбы стремительным и бурным водам реки. Рядом, не отставая ни на шаг, неслась, заливаясь многоголосой песней, детвора, наконец вырвавшаяся из мягких скорлупок икринок. Они радовались новой жизни, и звали своих родителей назад, в безбрежный Океан, что уже истосковался по своим детям.

Они верил друг другу безоглядно. Разве могут родители предать своих детей? Разве могут мать и отец желать зла своим чадам?..

* * *

«Акула» уже не просто стремительно летела, а неслась очертя голову по сужающейся спирали, глотая с немыслимой для такого типа кораблей сотни тысяч километров пространства. Сошедшие с ума приборы уже почти ничем не могли

помочь двум прижатым перегрузкой к креслам людям – в этой воронке явно какой-то шутник поправил все законы физики, небесной механики, забавы ради раскрутив маховик космической силы до невиданных оборотов.

– Что это ещё за хрень?!?! – Заорал Слюсаренко, когда РСП-М, ещё одна нештатная система, не долженствующая присутствовать на борту скромного трудяги внутрисистемных трасс, показал очередной сюрприз.

Куда-то вбок от основного столба вихря, словно отделился отросток, и гнал потоки энергии внутрь своего брата.

– Полный ход!!! – в ответ заорал Холодов.

Мозг опытного штурмана уже правильно всё понял – если они продолжают спуск на такой же скорости, то «Акула» минимум пройдёт в опасной близости от неожиданного препятствия, и, как знать, не разорвёт ли корабль (не истребитель-беспилотник же!) новая сила?!

Надо было уклониться от прямого столкновения, а вариантов только два: либо уменьшить тягу, и, поддавшись притяжению, ускорить «спуск» и увеличить число витков, либо дать газ до отказа, ещё сильнее противясь аномалии, и замедлиться. А «раскочегаренному» реактору проще подбросить топлива, чем заставить поутихнуть!

Огромный корабль падал вниз, как перо, параллельно далёкой, ещё не видимой земле, да ещё и хвостом вперёд. Из дюз рвался факел перегретого газа, едва притормаживая стремительный бег, но именно эти отвоёванные неимо-

верным усилием градусы и спасли его от беды – очередной виток спирали пронёс их мимо маленького, присосавшегося к большому брату, смерча тогда, когда «Акула» оказалась как раз на противоположной стороне туннеля. Транспорт получил сильнейший удар, когда пробил зону главного вихря, нарушенную «малышом». От сотрясения застонал металл, протестуя против подобного надругательства, посыпались искры сорванных заклёпок и треснувших сварных швов, но...

Денис и Валера бегло пробежали по аварийным сигнализаторам – всё хорошо, тяжёлых повреждений нет, целостность корпуса не нарушена, а экстренное торможение (точнее притормаживание) не сказалось сильно на запасе рабочего тела.

– Думаю, топлива хватит! – ободряюще доложил штурм, следя за стремительным падением, – Даже для посадки на поверхность!

«Не зря Флот не поскупился, дав нам самый ёмкий бак!» – мелькнула мысль в голове Валеры, пока зафиксированная в экзоскелете правая рука почти незаметно манипулировала джойстиком, подправляя траекторию корабля.

* * *

Хельга и Амма без суеты, но с головокружительной быстротой отсоединяли шланги и жгуты СЖО, одновременно

удерживая взбесившиеся тела – Элан и Афалия с горящими глазами порывались лезть вверх, навстречу зову детей, что падал на институт вместе с кораблём.

– Вы остаётесь здесь! – Безапелляционно приказала Хельга Сафировой, видя желание куратора рвануть хоть в пасть тигра за своей невменяемой подопечной.

На помощь примчалась Катя, та самая женщина-киборг, которую молодёжь расстреляла у охотничьего домика. Она не задавалась вопросами о смысле оказания помощи людям, благодаря несообразительности которых чуть не погибла по-настоящему – выпущенная Эланом в тот памятный день пуля только случайно не нанесла фатальных повреждений её позитронному мозгу.

Амма тут же передала брыкающуюся Афалию второй «железной леди», а сама умчалась к техническим боксам, готовить транспорт, пока её подруги тащили два орущих тела по коридору.

«Бронтозавр», так называли модернизированный пятиосный полноприводный грузовик, уже загудел двигателем. Спрятанная под коротким капотом воистину танковая мощь, заставила огромный оранжевый кузов трястись от вожделения – ещё чуть-чуть, и больше полутора тысяч лошадей, с не правдоподобной для такой махины лёгкостью, сорвут бронированного зверя с места.

Кода Кате и Хельги всё же удалось преодолеть бешенное сопротивление эволэков, и втащить их в бокс, следом ввали-

лась и запыхавшаяся Полякова:

– Вы куда?! – перепуганная сообщением, полученным от «Полярной Звезды», женщина уже не совсем ясно мыслила.

Разум отключился, оставив место только материнскому инстинкту – детей нельзя выпускать из прочного комплекса наружу, под удар зарождающегося смерча.

– Надо увести фокус воронки подальше от ИБиСа!!! – прокричала Амма, плюхнувшись на водительское кресло, пока её подруги умудрились таки уложить двух буянов на столы и пристегнуть ремнями, – А фокус – вот эта парочка!!! Вон из машины!!!

Александра едва успела понять, что произошло – Катя бесцеремонно вышвырнула женщину прочь. Заурчали моторы тяжёлых ворот, вместе с узкой полоской света внутрь ворвался густой как кисель воздух. Океанес был всюду, Саша это чувствовала, по сошедшему с ума времени, по тому, как тяжело, или наоборот, запредельно легко покорялись метры пространства её бегу.

Её перепуганное сознание едва уловило момент, когда «Бронтозавр» тронулся с места, и, закладывая лихой разворот, вырвался из тесной бетонной каморки. Она рванула следом, сама не зная зачем, словно можно было остановить слабыми женскими руками техногенную мощь, в отчаянной попытке вернуть двух эволэков назад, под защиту таких прочных стен.

Она бежала, разрывая мышцы, по обезлюдевшей дороге,

словно проблесковые маячки оранжевой машины звали за собой. Она не замечала ничего вокруг: ни огромных куполов прозрачной брони, что росли из земли, поспешно закрывая Аллею Памяти и Сад Вечных Цветов, ни страшных в своей красоте угольно-чёрных облаков, что уже закручивались над её головой в воронку, готовую превратиться во всеразрушающий смерч.

Её безумие остановил муж. Такой же отчаянный храбрец, но сохранивший трезвость рассудка, он понимал всю бессмысленность напрасной жертвенности, и догнал свою ненаглядную, скрутил, чуть не переломав руки:

– Саша!!! Ты с ума сошла!!! – он уже тащил её назад к опускающимся створкам бронированных ворот, – Эта штука сейчас рухнет прямо на нас!!!

Он был почти прав в своих предложениях, но фокус аномалии уже скользил по земле, вместе с неудержимым бегом грузовика, но Нечаев не увидел начала светопредставления, едва успев нырнуть вместе с женой внутрь технического бокса.

* * *

Напряжение на мостике «Полярной Звезды» достигло точки кипения, пока ИР станции отсчитывал сначала минуты, а потом секунды, до начала апокалипсиса. В эти спасительные полчаса с небольшим удалось вытащить обоих

«виновников» происшествия из института, а Национальная Гвардия и полиция убирала людей с улиц городов и деревень, диспетчеры морских и воздушных портов разгоняли во все стороны от эпицентра воронки самолёты, экранопланы и дирижабли. Руководство железными дорогами остановило движение поездов на колоссальном пространстве от Москвы, до одного из самых северных городов – Хельсинки, по возможности прятало составы в районе Огнегорска в многочисленные туннели.

– Может, обойдётся? – с надеждой спросил Орлов. – Как вы думаете, Андрей Григорьевич?

– Насколько я понял объяснения, – ответил капитан, – всё зависит от того, когда эволюции окончательно всплывут из Океанеса. Если сейчас, то отделаемся лёгким испугом, а «Акула» окажется на этом участке траектории.

Он вызвал изображение аномалии, красный промежуток показывал предполагаемый маршрут, на котором транспорт вывалиться в нормальное пространство.

– А если нет, то я даже предположений строить не хочу...

Дикое искажение пространства не пускало ни радиоволны, ни свет, и системы слежения «Полярной Звезды» знали только примерное положение корабля, а его скорость движения вычислялась по данным, полученным от самой «Акулы» по результатам пуска зондов, ещё до этого безумного броска в неизвестность. И хотя аналитические системы взяли поправки на большую массу объекта, но вычислить точку

выхода даже с точностью до тысячи километров не могли – слишком необычным было это явление...

«Акула», скрипя, как старая телега, делала новый кувырок в той каше, которую можно было бы назвать пространством – детекторы масс, удивительное дело, сохранившие работоспособность, чётко показывали расстояние до планеты. Валера очень аккуратно, пользуясь интуицией, и подсказками штурмана, ловя на слух силу напряжения в силовом каркасе многострадально корабля, переворачивал его соплами к уже недалёкой, по меркам космоса, планете. Они уже вырвались из туннеля, и скользили по всё более широкой спирали, перегрузка уже не так давила, но экипаж прекрасно понимал, что это ещё не конец «аттракциона».

Аномалия уже распадалась, раскидывала некогда узкое копьё своего фокуса, в более широкую воронку, но ещё только начала успокаиваться, и уверенности в том, что стихия уймётся до входа в атмосферу, не было. Если повезёт, они освободятся на высоких орбитах Новой России, и там уже смогут совершить манёвр в вакууме, но если нет...

– Я протестировал посадочные мачты, – бодро доложил Холодов пилоту, – повреждений нет!

– Отлично, если что, сядем, – Валера, чей разум ещё не отошёл то шока стремительного рывка сквозь нормальную метрику, всё же работал как часы.

Повинуясь филигранным движениям его рук, «Акула» сделала «свечку», и с новой силой полыхнула огнём марше-

вых двигателей, словно радуясь своей победе – она уже выжила, и это – факт!..

Все собравшиеся у обзорного экрана, затаив дыхание, не сводили взгляд с огромной проекции, показывающей падение туннеля к планете. Спокойный, механический, голос искусственного разума набатом звучал в голове, отсчитывая последние мгновения, что отвела судьба безумным храбрецам-эволюкам.

– До касания атмосферы осталось десять секунд! Девять, восемь, семь...

Кто-то стремительно бледнел, кто-то шептал одними губами молитву, а капитан Головки даже снял фуражку, и тихо сказал:

– Помогите вам Бог...

– ...два, один. Касание!

* * *

Их семья уже не была разделена бездной. Сознание двух крошечных комочков жизни, прорвавшихся сквозь время и пространство, ласково касалось двух уставших лисиц, и дети кружились рядом с родителями, радуясь воссоединению. Этот танец уже не походил на безумие смертельного водоворота, воды Великой Реки успокаивались, опустошённые собственной мощью.

Гром барабанов сменялся тихим голосом флейты, рёв

обезумевших течений мягким журчанием чистых родников. Сладкая истома лилась из обессиленных странников, утомлённых трудной дорогой, дорогой, что привела их к родным берегам...

Невероятных размеров чёрная воронка не втягивала в себя воздух, как обычный смерч, но брошенный в атмосферу клинок вакуума создал обширную зону разряжения, вокруг которой, озаряемые вспышками молний, носились сорвавшиеся с цепи ветра.

Леса дрожали под бешеным натиском стихии, многие деревья, не выдержав невиданной силы напора, со страшным треском рушились вниз. Кто-то из зелёных исполинов героически погибал сам, кто-то невзначай наваливался на соседа, и ломал собственной тяжестью и без того натруженный борьбой со стихией ствол. В воздухе словно кружили стаи неизвестных птиц, вырвавшихся из преисподние: миллионы веток, мириады листьев, всё, подхваченное ураганом, кружилось в диком танце разрушения.

Сквозь круговорот смерти, убегая от опустившегося к самой земле смерча, мчался по дороге оранжевый грузовик. Пятидесятитонная бронированная машина своим похожим на бульдозерный ковш отвалом сметала со своего пути всё. Даже поваленные деревья разлетались в щепу, не выдержав чудовищных ударов железного монстра.

Хельге и Кате уже давно переломало бы все кости, будь они людьми, но из трёх ИР получилась прекрасная команда:

Амма так ловко вертела десятиколёсной громадиной, что со стороны можно было подумать, будто по заваленной упавшими деревьями дороге мчится игрушечный грузовичок, а всё происходящее – просто увлекательная компьютерная игра. Девчонка-проказница лихо уходила от столкновений со стволами, разнося в пыль кроны с могучими ветками. Настоящие облака острых осколков твёрдой древесины царапали и мяли нос машины, изрезали и искололи все толстые покрышки: только постоянная работа двух мощных компрессоров, что гнали давление в изорванную резину, позволила продолжать сумасшедшую гонку, уводя ураган всё дальше на север.

Прямая как стрела и очень широкая трасса, хорошо знакомая Хельге по велопробегам, стала настоящим спасением для ИБиСа – когда аномалия врезалась в плотные слои атмосферы, беглецы уже были в тридцати километрах от родных стен. И двух километровое основание пробившего облака смерча обрушилось не на институт, а на безлюдные леса...

Амма успела подать мнемоническую команду, и именно способность жить миллисекундами снова позволила избежать катастрофы: ещё один граб-исполин, рухнувший на полотно дороги, заставил уже в который раз девчонку налечь всем телом на баранку, уводя «Бронтозавра» от по-настоящему сильного удара. Катя и Хельга мертвой хваткой вцепились в поручни, и хоть их тела и бросило вперёд от сильнейшего толчка, но обе женщины, по крайней мере, не пролете-

ли сквозь салон, и не врезались в лобовое бронестекло.

Куратор ни на миг не сводила взгляд с эволэков, с ледяным спокойствием читая идущую от диагностического оборудования информацию. Часть аппаратуры от сотрясений вышла из строя, но остаточный информационный поток был ещё довольно полон, чтобы вызывать доверие.

Как они?

Вопрос Кати мелькнул в голове вспышкой ледяной молнии – все три ИР сбросили маски и позволили себе быть самими собой.

Они уже почти вышли.

Ольга не могла не видеть разительной перемены, что произошло за последние полчаса: Элан и Афалия уже не бились, не рвали голосовые связки, а только тяжело дышали, уставившись мутными взглядами в потолок. Сквозь нездоровую белизну кожи пробивался румянец, сердца уже не ломали грудные клетки.

Воронка уменьшилась в диаметре втрое, скорость ветра упала до ста километров в час. Частота образования молний упала в семь раз.

Катя, занявшая позицию у верхнего блистера, постоянно следила за смерчем, что гнался за ними по пятам, вырывая вековые деревья с корнем, и швыряя многотонные снаряды вслед беглецам.

Словно запущенная неведомой катапультой, из вихря вырвалась сосна, и копьём понеслась на грузовик. Катя

вмиг рассчитала траекторию падения, и подсказала Амме единственно возможное действие: «Бронтозавр» отчаянно взвыл тормозами и изодранными покрывками, чей жалобный крик перекрыл даже рёв торнадо, и чуть вильнул в сторону, подставляя правый борт под рикошет.

От чудовищного удара машину чуть не опрокинуло, но только чуть, смяв листы брони – низкий центр тяжести в купе с запредельным мастерством водителя не дал грузовику рухнуть на бок. Снова взревел мотор: Амма утопила педаль с такой силой, будто хотела размозжить голову своего самого заклятого врага, и стальной монстр рванул вперёд, будто дразня уже выдыхающегося преследователя.

– Врёшь, не возьмёшь!!! – задорно проорала девчонка, вписывая взбесившийся грузовик в поворот.

А сверху, прямо из измазанных широкими штрихами чернильных туч небес, нарастал надсадный рёв, а ослепительное пятно света пробивало страшную вуаль...

* * *

Головки и Орлов не отрывали взгляды от экрана: Сеанс связи с Императорским Дворцом не прерывался ни на секунду, ибо именно Императрица должна дать команду на применение «Копий».

Анна Сергеевна же, напряжённо отслеживала за разрушающейся аномалией, решая: да, или нет? Медлить нельзя ни

в коем случае: если «Акула» не управляема, или её скорость сближения с поверхностью слишком большая, то выбора не будет – лучше взрыв аннигиляционной боевой части, пусть даже и в верхних слоях атмосферы, чем удар огромного корабля о землю. Лучше два погибших астронавта, и снесённые ударной волной на площади в сотни тысяч квадратных километров леса и крыши домов, перевёрнутые автомобили и вагоны, чем кратер пробитой земной коры и заваленный горячим пеплом материк.

Словно повинувшись её железной воле, суппорты боевой секции «Полярной Звезды» бесшумно двигались в вакууме, а две хищные ракеты, длинные и стройные, как самые высокие ели, отслеживали траекторию аномалии. Да, или нет?

Лучи локаторов уже рвали рассыпающийся смерч, показывали его сердцевину, отчаянно пытались нащупать в хаосе лишённом привычных законов мироздания цель.

И она показалась. Уже почти врезавшаяся в стратосферу «Акула» спускалась именно так, как и должен спускаться корабль такого типа, корабль, чьим домом была пустота космоса. Императрица затаила дыхание, считая удары собственного сердца.

Сбить корабль – значило разрушить даже призрачную надежду на продолжение проекта, ведь создание Аномалий открывало головокружительные перспективы в деле переброски грузов хотя бы внутри системы, а в перспективе (как знать?!) может и между звёздами. Возможное касание «тун-

неля» атмосферы было спрогнозировано ещё до погружения Афалии и Элана, как и то, что эволэки могут стать, и стали, «фокусом» бури. Это был очень нежелательный вариант, ведь сильнейшие атмосферные течения, которое породит, и уже породило, столь грубое вмешательство аномалии, даст противникам в руки серьёзные аргументы, и соответствующие инстанции наложат запрет на дальнейшие эксперименты. Что тогда? Многолетние дискуссии учёных, кропотливый анализ полученной из катастрофы информации? Бесконечные прения с противниками этого, чего уж греха таить, опасного и неизведанного способа перемещения в пространстве?

Анна не давала приказа до самой последней секунды, ибо успешная посадка «Акулы» нужна позарез! Она позволит сгладить многие острые углы, позволит говорить о броске сквозь время и пространство как о первом полёте человека в космос: да, риск был большой, согласна, но это наше будущее!

Аналитические отделы и орбитальной станции, и наземных систем слежения практически синхронно послали на экран во дворец обнадёживающие данные: траектория, скорость, режим работы силовой установки, всё говорило об успешном выходе корабля из воронки. «Акула» не падала, а именно снижалась, раздвигая всё уплотняющийся воздушный океан огненным хвостом своего двигателя, держа курс к поверхности.

– Отменить запуск! – Императрица испугалась собственного крика, таким долгожданным и неожиданным он оказался для неё самой...

Валера и Денис вопили от восторга – всё получилось в лучшем виде. Аномалия выдохлась совсем, и хотя грозовые тучи ещё крутили хоровод, а ветер неистово бил корабль в борт, но сбросить странника с траектории уже не мог. Обращённые вниз чаши радаров отслеживали поверхность и с лёгкостью нашли и ИБиС, и бегущую от него в леса дорогу, и огромные, диаметром в километр, чаши, свободные от деревьев, со спечённой реагентами почвой. Три такие посадочные площадки были построены вдоль безлюдной трассы с интервалом в двадцать пять километров, и теперь их корабль быстро, но не избыточно быстро приближался к центральной.

– Выпускаю опорные мачты, – доложил Холодов, и тронул кнопку.

Корпус «Акулы» мелко задрожал: раскрылись уложенные вдоль корпуса обтекатели, тугие струи воздуха преодолели силу сопротивления замков, и шесть мачт потянулись вниз, готовясь принять на себя всю силу отнюдь не мягкого контакта с землёй...

Смерч, злой от досады, утихал, смирившись с невозможностью догнать беглецов. С чёрных небес на исстрадавшуюся от ветров землю хлынул ливень, словно стараясь спрятать за завесой потопа искалеченные ураганными ветрами леса.

Но затеявшие всё это светопредставление экспериментаторы и не думали сбрасывать ход – облака разорвали огненные вихри садящегося чуть ли не им на голову космического пришельца. Созданная специально для этого случая площадка была всего в паре километров от «Бронтозавра», а транспортник запросто мог изжарить их живьём, так что, Амма с ещё большим напором гнала бронемашину вперёд, ещё круче входила в повороты. Снова и снова она была импровизированным форштевнем преграждающие дорогу деревья, уже скрипели и бросались во все стороны снопами искр колёса – грузовик летел вперёд уже практически на ободах, и только чудовищная мощь двигателя, помноженная на неистребимое желание выжить любой ценой, позволила продолжать гонку.

Грохот садящегося корабля уже заглушил все звуки мира: ветер, настоящий заветный потоп, что рушился вниз из расвирепевших небес, надсадный рёв танкового мотора, отделённый от салона только тонкой бронёй, всё уступило место невероятному гулу работающего на полную мощь маршевого двигателя «Акулы». Движение корабля вниз уже практически не отслеживалось глазом, когда струя нагретых до невероятной температуры газов коснулась центра бетонного круга.

Во все стороны от точки удара огненного хвоста рванулись волны огня. Подхваченные новым рукотворным ураганом поваленные внутрь круга деревья вспыхивали, словно спички, и снова устремлялись вверх, расчертив воздух дым-

ными дорожками. Эти снаряды крушили всё на своём пути: валили своих устоявших под напором ветра братьев и сестёр, дробили скалы, поднимали фонтаны вмиг вымокшей земли.

Амма ударила по тормозам, как только дистанция до места приземления достигла безопасной, с её точки зрения, величины, прямо посреди сотворённого хаоса из рухнувших зелёных исполинов, вывороченных из земли камней, взбесившихся ручьев. Крона одного из грабов, перегородившего путь, смялась о лобовой стекло, под днищем закрипели булыжники, и бронемашина, вильнув, встала, как вкопанная поперёк полотна.

Как только жуткий скрежет камня по металлу возвести остановку, Хельга рассталась с поручнем, и припала к боковому окошку, чьё внешнее стекло было покрыто паутиной трещин от удара брошенного смерчем ствола сосны.

«Акула» уже наполовину скрылась в огненном вихре, уже складывались под огромной массой корабля посадочные мачты: они были одноразовыми, и гасили энергию колосса собственным разрушением, складываясь наподобие металлической гармошки. Испарённая пламенем двигателей вода поднимала настоящие облака пара.

Несмотря на чудовищный ливень, по всему периметру бетонного круга пылали деревья, не выдержав борьбы с нестерпимым жаром, и подсвеченный пожарищами корабль казался пришельцем из ада, весь озарённый багряными всполохами.

Но он тоже устал. Рёв быстро стихал, хотя погасить в считанные минуты реактор, естественно, было невозможно, но подача топлива в активную зону уже прекратилась. Огонь из дюз иссяк, схлопнувшись до небольших лепестков оранжевого цвета, облака пара разметал стихающий ветер...

Мир тесной кабинки изувеченного броневедомобиля наполнился более привычными звуками звенящих по металлу капель ливня, да воем ветра, который носил по небу стаи листьев и небольшие ветки, что бессильно царапали металлические бока и толстые стёкла грузовика. Тускло мерцали лампочки аварийного освещения, медленно, но верно подтачивая силы питающих их аккумуляторов. В их неверном мерцании стали видны зашевелившиеся на лежаках эволэки.

– Финиш, – едва слышно выдохнула смертельно уставшая Амма, навалившись на руль.

Всё же она биоробот, а не киборг, и гонка выжала её до капельки, но гонору не убавила. Повернувшись к своим подругам, она гордо воскликнула:

– Мищенко отдыхает! С сегодняшнего дня лучший гонщик Новой России – я!!!

Хельга и Катя, пропустив мимо ушей бессовестное поправление заслуг знаменитого спортсмена, отстёгивали привязные ремни, слушали хриплое дыхание девушки и парня, читали моторику их сердец, отмечая стремительное возвращение биения хрупких органов к нормальному ритму. В глазах уже блеснул разум, пусть ещё и взбудораженный стремительным

возвращением в родной мир.

Катя вмиг из снежной королевы превратилась в нормальную женщину:

– Всё хорошо, ты дома, – голос ласковый, тёплые руки гладят бледное лицо Афалии, смахивая холодный пот.

Девушка прижимается к её груди, судорожные вдохи уже не похожие на всхлипы, постепенно уступают место глубокому, пусть и не ровному, дыханию, по выражению лица ясно – она сознаёт, кто она и где находиться. Пока этого достаточно.

Элан буквально повис на своём кураторе, уткнувшись носом в плечо, с переменным успехом приводя дыхание в порядок – организму отчаянно не хватало кислорода, будто только что за спиной осталась марафонская дистанция. Его разум ещё не признавал, что эта дистанция измерялась миллионами километров, а спринтер был не человеком, а огромным транспортным кораблём. Он не смог бы ещё ответить на вопрос, какими величинами измеряется путь, что проделали Литан и Лис из далёких миров, но знал точно – он уже дома.

Но кое-чего не хватало в этом старом-новом доме, и оба эволэка, как по команде, забеспокоились, испуганно зашарили расширенными глазищами по обитому мягкими матами салону. Уже через секунду девушка и парень отлипли от киборгов и стали судорожно шарить по коморке взглядами, тянули воздух носами, и на четвереньках двинулись вглубь салона. Тяжёлое дыхание сменилось тихим поскуливанием,

и Хельга уже поняла, чего именно не хватает для настоящего счастья подопечным.

Она откинула кушетку правого борта, и достала на свет два больших бумажных свёртка, от которых исходил хорошо знакомый эволюкам аромат:

– Правильно, дети, они уже тут – держите!

* * *

Лизавета и Елисей смотрели на свою мать с таким укором, с каким обычно родители смотрят на своих нашкодивших чад. Нашкодивших, но в силу целого ряда обстоятельств недоступных отцовскому ремню, и прекрасно сознающих безнаказанность совершённого поступка.

– Мама, ты прям как малое дитё! – не удержалась дочь.

Та не обиделась, рассмеявшись:

– Но ведь всё получилось!

Она не спешила с выводами из единственного, проведённого на грани разумного риска, опыта, но всей душой надеялась на то, что их безумный поступок откроет новую эру космических путешествий.

Императрица попросила связать её с «Акулой», и когда на экране показалось нутро пилотской кабины, поздравила храбрецов:

– С мягкой посадкой!

В кабине, на опрокинутых на спину креслах, Слюсаренко

и Холодов устало отсалютовали владычице:

– Спасибо, Ваше Величество!

Даже в неярком жёлтом свете ламп, сквозь прозрачные забрала гермошлемов, было прекрасно видно, насколько трудно дался экипажу полёт. Толстые рукава и перчатки скафандров едва оторвались от экзоскелетов, помахав Императрице, лица осунувшиеся, мокрые от пота – пилот и штурман явно потеряли по несколько килограмм от сильного стресса. Но Анна Вторая без дальнейших преамбул спросила:

– Ну, скептики, ещё полетите?

Оба героя дня рассмеялись, поняв, куда клонит глава Империи. На памятном вечере во дворце они не просто высказались скептически по поводу предложенного плана. Если Холодов, спокойный и рассудительный здоровяк, выразил серьёзные сомнения, находя идею, мягко говоря, не особо научной, и не доказанной ни какими опытами, кроме сомнительной теории связи Океанеса и нашей Вселенной, то Слюсаренко, как всегда прямой, горячий и импульсивный, без обиняков назвал задумку полоумным бредом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.